

РЕБОЛДА

БОЛЬШОЙ
СОЛОВЕЦКИЙ
ОСТРОВ

СКИТ

КЕНЬГА

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ЮНГИ С УРАЛА

О. БОЛЬШАЯ
МУКСАЛМА

СОЛОВКИ

ФАВОР

ББК 63.3(2)722
Л 47

Массово-политическое
издание

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ
ЛЕОНТЬЕВ

ЮНГИ С УРАЛА

Редактор М. Науменко
Художник Н. Обориц
Художественный редактор
С. Можасова
Технический редактор
Г. Паптелеева
Корректор Г. Черникова

ИЛЛ. № 1914
Сдано в набор 25.10.80. Подписано в печать 14.02.90. ЛР02050.
Формат 70×108/32. Бум. кн. журнальная. Гарнитура школьная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 15,05+0,7 вкл. Усл. кр.-отт. 16,975. Ул.-изд. л.
15,788+0,993 вкл. Тираж 5 000 экз. Заказ № 641. Цена 90 к.
Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Книжная типография № 2 управления издательства, полиграфии
и книжной торговли, 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Леонтьев А. П.

Л 47 Юнги с Урала. — Пермь: Кн. изд-во, 1980. —
360 с.

ISBN 5-7625-0217-1

Книга о боевых судьбах юнг грозной военной поры.

Л 0503020600—28 — 9—90
М152(03)—90

ББК 63.3(2)722

(С) А. П. Леонтьев, 1990

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ ЮНГИ С УРАЛА

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

«...Как быстро летят годы! Кажется, совсем недавно был мальчишкой, а ныне уже пенсионер. Тянет на размышления. Бывает, такое вспомнишь, что даже засомневаешься: «Да было ли это?» Достанешь из письменного стола документы, письма, альбомы с фотографиями — вся жизнь от босоногого беспризорного детства до убеленной сединой старости на виду. Значит, было! Взглянешь на иной фотоснимок и, будто в былые годы, окажешься в кругу друзей. Одни из них и ныне здравствуют, других потерял еще в далекие годы войны, третьи ушли из жизни в послевоенное время. Хорошие были ребята... Им бы жить да жить... Наверное, многие большими людьми стали. Никак не выходят из памяти их жизненные пути-дороги, свое су-
ровое детство...»

Боевые судьбы юнг военной поры и легли в основу книги А. П. Леонтьева «Юнги с Урала». В последние годы жизни Алексей Петрович — человек открытой души, великой скромности — в буквальном смысле жил рукописью этой книги. Переписывал, исправлял, добавлял... Увидеть готовую книгу, свое «детство», автор, увы, не успел... Но кто сказал, что смерть всеядна? Алексей Петрович остался жить на страницах своей книги. Как живет, должна жить Память о том, что сделало его поколением тогда, в грозные годы Великой Отечественной войны.

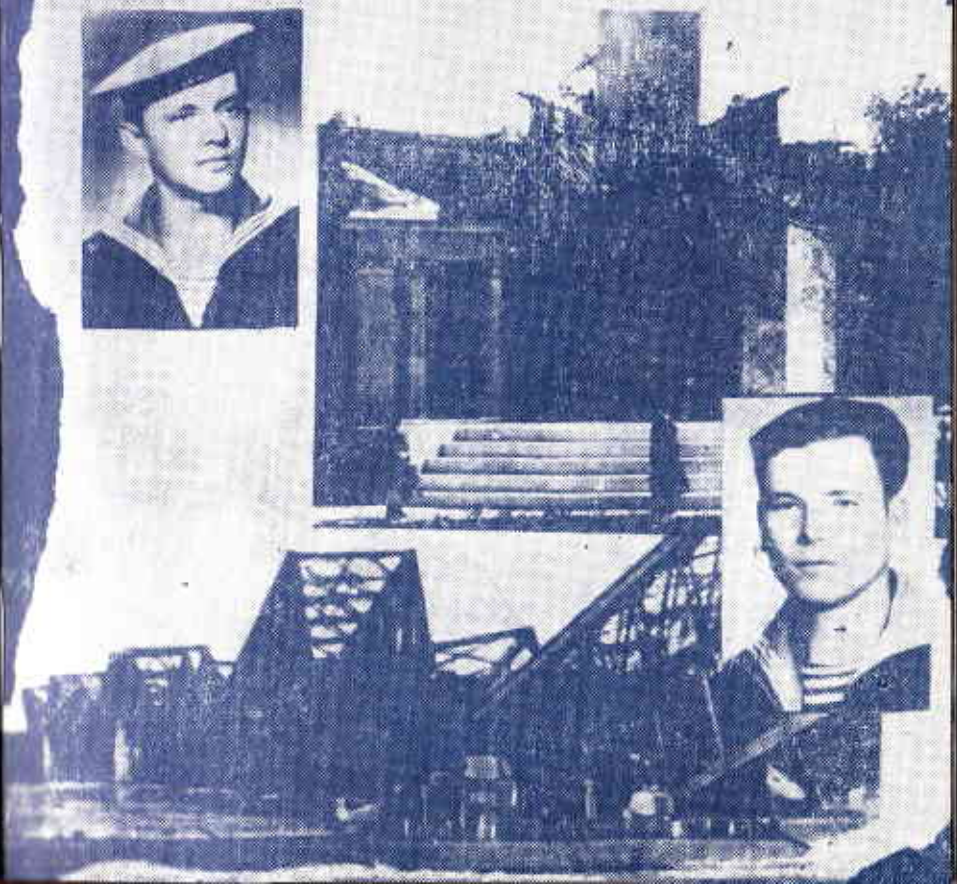
Соловки-островки —
Радость юности
нашей.

Соловки-островок
Нет милее и краше.
Поседали виски,
Но верны мы остались
Соловкам-островкам,
С детством где
распрощались.
На родных Соловках
Зрелость мы обретали,
А потом на флотах
Школу юнг вспоминали.

По морям, по волнам,
Не страшась непогоды,
Шли навстречу врагам
В боевые походы...

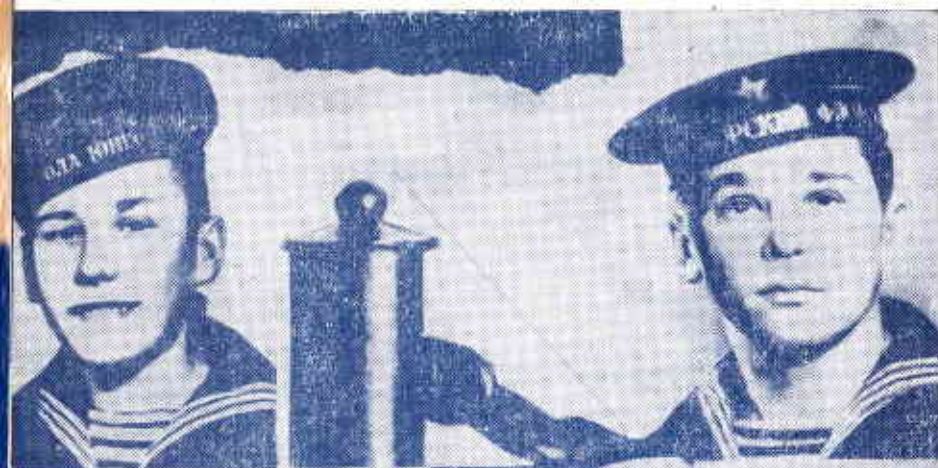

Сноемте, друзья! Ведь завтра
в поход,
Уйдем в предрассветный туман.
Сносм веселей! Пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

Маленькие герои большой войны

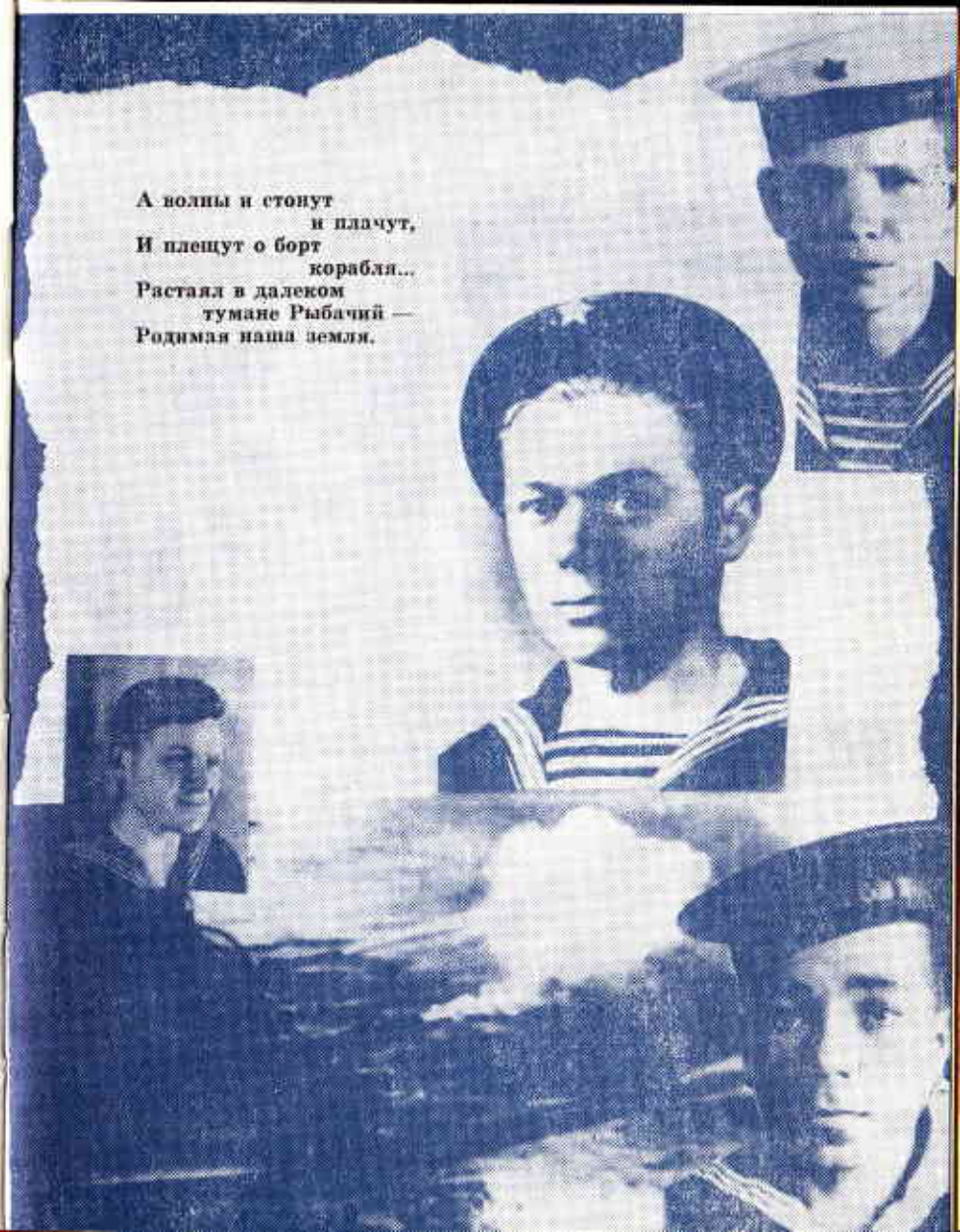

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой мелькнет
за кормой
Знакомый платок голубой.

Прощайте, скалистые
горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое
море,
В суровый и дальний
поход.

А волны и стонут
и плачут,
И плещут о борт
корабля...
Растаял в далеком
тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Мы теперь старики,
Но живем —
не дрейфуем,
Соловков-островков
Никогда не забудем!

На груди — ордена,
На висках — седина,
Позади боевые походы.

Остаюсь твоим
юнгой, море...

Не грусти, старина,
Что украла война
Наши лучшие юные годы.

В ПЯТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

Школа юнг в свое время впитала самую активную молодежь, из которой потом вышло много отличных командиров, она принесла большую пользу для нашего Военно-Морского Флота.

Н. Г. Кузнецов,
народный комиссар
Военно-Морского Флота СССР
с 1939 по 1946 год

За тонкой стальной обшивкой, тревожа память, всю ночь стонало Белое море. Острый корабельный форштевень разбивал вал за валом, соленые морские брызги смешивались с дождем и ветром, но столпившиеся на палубе теплохода седовласые пассажиры не замечали непогоды. Десятки глаз вглядывались вдаль, туда, где за линией горизонта в клочья утреннего тумана кутались Соловецкие острова. На память приходили события минувших лет.

Побег

Как быстро летят годы! Кажется, совсем недавно еще был мальчишкой, а ныне уже пенсионер. Тянет на размышления. Бывает, такое вспомнишь, что даже сам засомневаешься: «Да было ли это?» Достанешь из письменного стола документы, письма, альбомы с фотографиями. Вся жизнь от босоногого беспризорного детства до убеленной сединой старости на виду. Значит, было! Взглянешь на иную фотоснимок и, будто в былые годы, окажешься в кругу друзей. Одни из них и ныне здравствуют, других потерял еще в далекие годы войны, третьи ушли из жизни в послевоенное время. Хорошие были ребята... Им бы жить да жить... Наверное, многие большими бы людьми стали. Никак не выходят из памяти их жизненные пути-дороги, свое суровое детство. Оно у меня выпало на предвоенные годы, проходило в Очере, именовавшемся тогда поселком.

Моим домом был детский дом, семьей — его воспитанники.

Был я в этой семье, как все, думаю, не лучше других. Тем более странно, что именно ко мне с легкой руки воспитателя Георгия Михайловича Шардакова, которого мы между собой звали «Г. Ш.», прилипла кличка «Золотце».

Насколько я помню, случилось это после выполнения какой-то работы, когда «Г. Ш.», подводя итоги нашего старания, сказал: «Очень хорошо потруился Алеша Леонтьев. Не парень, а золотце».

Не хотелось мне о таком штрихе своей биографии рассказывать, да приходится. Дело в том, что многие из моих однокашников по детскому дому живут и ныне в Пермской области, знают об этом. Да и жена, Любовь Михайловна, тоже воспитанница этого детдома, не даст соврать. Но столь «драгоценная» кличка пришла ко мне, считаю, все же незаслуженно. Об этом в одном из писем ко мне намекала и наша заведующая интернатом Ольга Александровна Чазова, жившая в последние годы в Перми: «Насколько помню, был ты парнем неплохим, старательным, инициативным, не терпящим несправедливости, но с хитринкой...» Запомнить во мне хитринку эту у нее были очень серьезные основания. Но обо всем по порядку...

...Шел 1941 год. Воспитанники нашего детского дома готовились к открытию пионерлагеря, которое было назначено на 22 июня.

И вот этот день настал. Уже построились на торжественную линейку. И тут на территории лагеря, который размещался километрах в трех от Очера, неожиданно появился всадник и что есть мочи закричал: «Война!» Строй сразу рассыпался. Несколько минут спустя «Г. Ш.» собрал нас и сказал: «Ну, вот что, орлы, ведите себя хорошо, будьте умниками, а я военнобязанный — должен защищать Родину. Поеду в военкомат и... на фронт». Сел на лошадь и ускакал. Мы, мальчишки, недолго думая, пустились бегом за ним. Как бежали от лагеря до

поселка, даже не помню. Возле военкомата — толпа. Среди желающих идти на фронт были не только мужчины, но и женщины. Встали в очередь и мы: Митька Рудаков, Сережка Филин и я, прозванные в детдоме «неразлучной троицей». К столу, где велась запись, добрались не скоро. К большому огорчению, наше желание идти на войну добровольцами всерьез не приняли. «Малы еще», — заявили нам. А мне, как самому малому по росту, командир шутя легонько щелкнул по носу и с теплой улыбкой добавил: «Еще нос не дорос». Однако заявления с просьбой отправить нас добровольцами на фронт все же взяли.

Потянулись обычные дни учебы в школе, работы в мастерских, колхозе, на пришкольном участке. От мирных дней они отличались тем, что учились и работали мы старательнее. В свободное время сдавали нормы и оборонные значки, устраивали военизированные игры между классами, школами, с молодежью Павловска. Учились военному делу.

Коль не удалось уйти на фронт честно, мы с друзьями решили убежать туда зайцами. Стали втайне сушить сухари и мечтать о том, как на станции Верецагино сядем в попутный поезд, доберемся до фронта и будем бить фашистов. С такими мечтами и восемь классов окончили.

В самом начале летних каникул я получил письмо от матери Марии Андреевны, по состоянию здоровья находившейся в Белогорском доме инвалидов недалеко от Кунгура. По примеру предыдущего года она приглашала меня съездить на родину, в деревню Вылом Юрлинского района, навестить ее сестру — мою тетку Евдокию Андреевну. В конверте оказалось еще одно письмо, адресованное заведующей нашим интернатом Ольге Александровне Чазовой. В нем мать слезно просила отпустить ее сына на лето в родные края, обещала за мной приехать, а к началу учебного года привезти обратно в детдом. Еще год назад такая поездка меня очень бы уст-

роила, сейчас же к предложению матери я отнесся равнодушно. Ехать мне, конечно, хотелось, но только не на родину, а на фронт.

Радио в ту пору приносило известия одно страшнее другого. Немцы продолжали наступать. Рвались к Волге, Кавказу. В блокаде был Ленинград. Еще не миновала угроза Москве. Наша троица — Сережка, Митька и я — готовилась к встрече с фашистами серьезно. Где-то раздобыли старый-престарый наган, кирпичной пылью содрали с него ржавчину, с помощью шила и керосина кое-как прочистили ствол, смазали сливочным маслом, завернули в тряпицу и спрятали на чердаке, в укромном местечке. Здесь же находился наш неприкосновенный запас — сухари.

Сначала хотели бежать, даже не завершив учебного года, с наступлением весеннего потепления, но пришлось отложить. Дело в том, что Ольга Александровна предложила нам подумать о вступлении в комсомол.

— Учимся неплохо, почему бы и не вступить! — заявил Сережка.

Он у нас был активным. Хорошо рисовал, участвовал в выпуске стенной газеты. Его карикатуры на наши детские художества (так «Г. Ш.» проказы воспитанников называл) вызывали в интернате целые светопреставления. И быть бы Сережке не раз битым, если бы он хоть однажды допустил несправедливость. Однако этого не было, и Сережка темной, которую ему для острастки не раз обещали, избегал.

— Тебе хорошо, ты рисуешь, активный, тебя примут, — с горечью промямлил я. — А меня могут и не принять...

— А с дисциплиной у нас как? — спросил Митька. — Бежать из детдома собираемся? Не сознаться — не честно. Признаемся — прощай, фронт!

После долгих препирательств заявления с просьбой принять в комсомол все же решили подать, а подготовку

к побегу на фронт скрыть. «Бежим не куда-нибудь, а бить фашистов — дело нужное, всенародное, — рассуждали мы. — А коль так, то позже, когда-нибудь, нас за этот неблаговидный поступок, может быть, даже хвалить будут...»

Новую отсрочку побега вызвало полученное мною письмо от матери.

— Уедешь на лето, а как же фронт? — с возмущением спрашивал Митька. — Так можно до того дооткладывать, что и война кончится! Фашистов, значит, пусть другие бьют, так, что ли?

Что я мог ответить? Письмо матери было уже у Ольги Александровны. Согласие на отпуск она дала сразу. Отказаться от посещения родины было нельзя — на станции будет ждать мать. Эх, мама, мама, и зачем ты только задумала эту поездку?

— А что, если я побуду с мамой недолго? Скажу, что разрешили съездить только на несколько дней, а сам вернусь и... махнем на фронт, — предложил я.

— Не сюда вернешься, а встретишь нас на Верещагино! — рассудительно скомандовал Митька. — Другой дороги, кроме как через станцию, на фронт нет. Понял? В интернате тебя будут считать уехавшим с матерью. О побеге никто даже и не догадается. Был золотцем — золотцем и останешься. Так что совершим побег только мы... Понял? — еще раз спросил меня Рудаков.

Мы тут же назначили день встречи на станции.

А через пару дней я уехал на родину. Не буду рассказывать о том, как я встретил мать, тетку, которые зачем-то надумали измерять мой рост. Убедившись, что он — метр пятьдесят, почему-то сделали вывод, что я крепко подрос, вспоминали войну, проклинали «бандюгу Гитлера» и от души желали ему гибели. Им казалось, что смерть фюрера непременно приведет к концу войны.

— Не случись этого, Леше придется идти на войну, — рассуждала мать.

Мама... мама... Она и не знала, что я только и мечтаю попасть на фронт и уже через несколько дней оставлю их. Доверчивые женщины будут считать, что я уехал в детдом. А на самом же деле переполненный красноармейцами поезд, каких я видел немало на станциях Верещагино и Менделеево, помчит меня на запад, туда, где решается судьба Родины, народа, моей мамы, тетки, друзей, Ольги Александровны. И кто знает, встречу ли я еще когда-нибудь с вами, извинюсь ли за свою хитрость, за свой обман?

И вот день расставания настал. Утром мать с теткой затеяли стряпню: напекли печенье, пироги. Достали из оскудевших в военное время кладовки и погреба сало, варенье. Устроили прощальный праздничный обед. От родного Вылома до районного центра Юрлы меня должен был на телеге довезти тетушкин сосед. А пока я за обе щеки уплетал пышущие жаром пироги. Мясо в них больше чем наполовину было с картошкой, но ел я их охотно. Вот уже год шла война. С питанием стало хуже. Правда, нам, детворе, государство по-прежнему отдавало все самое лучшее. Каждое утро, например, нас, воспитанников детдома, на столах ждал не только сладкий чай, но еще и белый хлеб со сливочным маслом, в обед — мясной суп, что-нибудь на второе и кисель или компот, на ужин — каша и опять чай. Но пирогов я не ел с начала войны, и потому они понравились мне вдвойне. Хотелось заправиться про запас, ведь кто знает, когда и где я поем в следующий раз.

Тетка, по достоинству оценив мой аппетит, поставила на стол еще одну чашу с пирогами.

— Ешь, ешь, не стесняйся, в дорогу ведь, — приговаривала она. — Хотела положить в котомочку, да уж ладно, еще помнутся. Лучше возьми с собой хлеб и печенье — надежнее будет.

— А сухари еще лучше, — подсказал я. — Не зачерствеют, не заплесневеют.

— Можно и сухарики, если уважаешь, — согласилась она.

— Люблю, люблю, — заверил я.

— Правда, езды-то всего сутки... Ну да ладно, в детдоме съешь.

— А я еще и ребят угощу...

— И это надо. Тогда положим поболее, — сказала тетка и стала собирать мне котомку.

К ее большому удивлению, банку с вареньем я попросил не класть:

— Разобьется еще...

Это с моей стороны был шаг поистине героический, ведь в обычное время ради любимого земляничного варенья я запросто мог отказаться от всякой другой еды не на одни сутки. Но банка с вареньем заняла бы в котомке слишком много места. Куда полезнее вместо нее было взять обычные сухари. Но тетка положила не сухари, а... кусок сала.

— Оно полезнее, — сказала она. — Да и дружки твои поедят с охоткой.

В этом я не сомневался. Подумалось: «Теперь мне дорога не страшна». Я уже знал, что военные в качестве сухого пайка на дорогу часто берут сухари и сало. «И у меня то же».

Котомка получилась увесистой. Да ведь мне ее не на себе тащить. К тому же нас будет трое. Припасенный НЗ да котомка — жить можно...

От Менделеево до Верещагино добрался зайцем. В те годы многие так делали, особенно мы, пацаны.

Станция жила суматошной жизнью. Все куда-то спешили, что-то искали, на кого-то кричали.

Подшел к кассе, хотел узнать, сколько стоит билет до Москвы. Потребовали документы. Моя справка из детдома с разрешением съездить на родину строгой кассирше почему-то не понравилась.

— Если твоя родина на востоке — туда и езжай! А на

западе делать нечего. Там война! А война — дело не детское.

Попробовал обратиться к какому-то железнодорожному начальнику. Мне казалось, самому главному, потому что он громче всех кричал. Тот и слушать меня не стал.

— Мальчик, ты куда едешь? — тут же строго спросил меня подошедший милиционер.

«На фронт», — чуть не выпалил я, но своевременно сообразил, что этого говорить не следует. Сказал, что еду на родину, и, в доказательство своих слов, протянул ему единственный имевшийся у меня документ, все ту же, выданную в детдоме, справку.

Милиционер прочитал ее, нахмурился.

— Находятся еще чудачки. Война идет, транспорт и без того перегружен, а они детей черт знает куда распускают... Знаешь что, малец, езжай-ка ты обратно. До Очеры всего 24 километра. Автобус ходит. Остановка вон, рядом. — Он показал на дом, возле которого стояла толпа людей. — И чтобы я тебя больше на платформе не видел. А то заберу...

«Только этого не хватало», — подумал я и стал держаться от милиционера подальше. Сидеть где-нибудь в укромном уголке было нельзя — надо искать друзей. Где они? Автобус из Очеры, я видел, уже пришел, но ни Сережки, ни Митьки в нем не было. Значит, приехали предыдущим рейсом и, наверное, тоже ищут меня. А может, и не приехали... В мою душу закралась тревога. Она заставила меня бегать между составами, заглядывать под вагоны, следить за посадкой в поезда, присматриваться к каждому мальчишке. В беготне и поисках прошел весь день. Стало смеркаться. Надо было искать ночлег. Я устал, проголодался. Приглядел местечко возле сложенных в штабеля шпал и принялся за еду. Вскоре вдаль показался дымок паровоза, послышался гудок. К станции с грохотом подошел очередной состав. Из вагонов, словно по команде, высыпали моряки. Тут и там замелькали их

голубые с белыми полосками воротнички, золотые надписи и якоря ленточек.

«Вроде настоящие, но почему форма не черная, а серая, очень похожая на холстяную?» — недоумевал я. Почти такие же рубахи и штаны в деревнях нашего Коми-Пермяцкого края носили деревенские мужики. Их шили из холста, который женщины долгими зимними вечерами ткали на специальных станках из выращенного и ими самими же обработанного льна.

Отправка поезда почему-то задерживалась. Одни из моряков прогуливались вдоль состава, другие, сбившись в кучки, глотали дым своих папирос.

— А ты куда направляешься, малыш? — неожиданно спросил меня подошедший моряк в фуражке, подобные которой, как я успел услышать, краснофлотцы называли мичманками.

Боясь, как бы не забрали и не передали милиционеру, стал ему бессовестно врать:

— К родителям.

— А где они у тебя?

— Там, — и я указал вдоль железнодорожного полотна в сторону запада. Где запад, я уже давно определил по тому, куда идут составы с войсками и техникой. — Мне бы до Москвы, да билет не продают, — уныло сказал я.

Моряк весело рассмеялся.

— Время, брат, такое. Ныне проще доехать, как нам, без билета. Забирайся в нашу теплушку — вмиг дотащим.

Радости моей не было предела.

Моряк подхватил мой мешочек, помог забраться в вагон, указал на двухъярусные нары.

— Вот твое место. А рядом буду спать я. Будь как дома.

Сначала я боялся, что меня вот-вот кто-нибудь выгонит, но скоро понял, что мой покровитель в вагоне — старший, все его слушаются и опасаться нечего.

По дороге бегал за кипятком, за свежими газетами для моряков. Питаться из своей котомки краснофлотцы мне не разрешили, ел их сухой паек.

— А свои харчишки привезешь материшке, — смеялись моряки. — Пригодятся.

Есть чужие продукты было неудобно, но приходилось подчиняться.

После Кирова эшелон катил на запад без остановок. Перед сном кто-то сказал:

— Утром будем в Москве.

Я тут же собрал свою котомочку, приготовился в любой момент быть готовым к выходу. И улегся спать.

Разбудил меня шумный говор краснофлотцев.

— Значит, под Сталинград! Там скоро будет жарко.

— А мне хоть куда, лишь бы бить врага!

— Будем волжскими моряками. Тоже неплохо.

Оказалось, увидеть Москву, о чем я давно мечтал, не придется. Мы уже ехали на юг, в сторону Сталинграда. А еще через сутки поезд загнали в какой-то тупик. Началась высадка.

— Вот, братишка, не знал, не гадал, на Волгу попал, — пошутил мой покровитель. — Но ты не унывай. Ходят поезда и в обратном направлении. Держись моряков — не пропадешь. Посадим. Не волнуйся.

А я и не волновался. Даже был рад. Правда, недолго. К перрону подкатила выдавшая виды легковая машина. Из нее вышло какое-то морское начальство. Все забегали, засуетились. Началось построение. Я не знал, что мне делать. Попробовал встать в строй — попросили не мешаться. Прозвучали команды:

— Равняйся! Смирно! Направо! Шагом марш!

Строй краснофлотцев колыхнулся и, чеканя шаг, пошел.

Я горестно смотрел вслед удалявшейся колонне.

Из оцепенения вывел незнакомый голос.

— Ты чей? — спросил меня командир, которому только что рапортовали о прибытии команды моряков.

— И-их, — заикаясь, ответил я, показывая на строй краснофлотцев.

— Ну и ну, — удивился он. — Не успели приехать, а уже детьми обзавелись. Иди-ка вон в то здание, — и командир махнул рукой в сторону большого двухэтажного дома. — Там продолжим разговор. — И, повернувшись к пробежавшему мимо моряку, приказал: — Накормите мальчонку да присмотрите за ним. Пусть пока поживает с вами, — сел в машину и уехал.

— Кто это? — спросил я у остановившегося возле меня моряка в белом халате, что делало его очень похожим на больницыного доктора.

— Наш командир.

— Над приехавшими?

— Бери выше — целого отряда бронекатеров. Капитан-лейтенант Лысенко. Настоящий герой. Душа-человек. А я у него в радистах хожу. Сейчас наш катер в ремонте. Дел хватает. Только не у радиста. Вот меня коком, то бишь поваром, если говорить по-граждански, и определили, — с горечью добавил мой новый знакомый. — Должность не слишком боевая, но нужная. Спустым желудком, брат, много не навоюешь. Вот и ты, наверное, проголодался. Пойдем — накормлю. А потом будем ждать батю.

Вернулся Лысенко не скоро — лишь на четвертые сутки. За это время я многое узнал, завел новых знакомых. В общем, освоился полностью. Особенно близко сошелся с коком Яковом Гурьевым, который заботился обо мне, как о родном сыне. Человек он был занятой. Вставал в три-четыре часа утра и сразу же принимался за дела. Я, чем мог, старался ему помочь. Целыми днями чистил картошку, рыбу, мыл мясо, посуду, таскал дрова, драил котлы, бачки. Начал привыкать к страшившей меня поначалу флотской терминологии. В кругу моряков ста-

рался щегольнуть морскими познаниями, услышанными словечками. Окна называл иллюминаторами, поварешку — чумичкой, порог — комингсом. Даже ходить пробо-вал, как моряки, чуть раскачиваясь.

Кто-то заметил, что я «оморячиваюсь» и пора зачис-лить меня в штат части в качестве юнга... Я тут же со-гласился, хотя, кто такие юнга, какими они должны быть, толком не знал. Но уже стал мечтать о морской службе, походах, штормах, боевых подвигах.

— Батя у нас человек что надо — справедливый, доб-рый, согласится. Будь спок! — заверил меня кок.

Работа на кухне совмещалась с прохождением «уро-ков политграмоты». Об этом заботился мой новый шеф Гурьев. Вообще-то специалистов по приготовлению пищи, какие бывают в столовых и ресторанах, на малых кораб-лях нет. Завтраки, обеды и ужины моряки готовят сами. Старшина 1-й статьи Гурьев хозяином кухонного котла стал по воле случая. По всему чувствовалось, что от ра-боты этой он не в восторге, но дело свое знал, выполнял его добросовестно. И меня тому же учил.

— Как ты картошку чистишь? — нарочито строго спрашивал он меня. И тут же, взяв нож, понизив голос, доброжелательно объяснял: — Надо вот так. Берешь кар-тошку в левую руку. Немножко надрезаешь. Затем, не отрывая лезвия ножа, тонко срезая кожицу, крутишь вокруг своей оси. Понял?

Как все ловко у него получается! Не картофельные очистки, а настоящие гирлянды.

Мои же руки двигались медленно, неуклюже.

— Ничего, научишься, — успокаивал Яша.

Понаблюдав минуту-другую за моей работой и убе-дившись, что объяснение и личный пример дают необхо-димые результаты, Гурьев, не отрываясь от своих дел, брался за разъяснение очередного «урока политграмоты». Благодаря Яше я в считанные дни довольно сносно уяс-нил коварные планы фашизма по захвату нашей Роди-

ны. покорению, а частично и истреблению советских на-родов, причины нашего временного отступления...

— А вот отсюда, с Волги, будь спок, мы никуда не уйдем! — уверенно заявлял мой учитель.

«Будь спок!» звучало с такой уверенностью, будто все зависело только от одного его, Гурьева. А он-то уж знает, что говорит.

— «Будет и на нашей улице праздник!» — сказал Сталин. Точно будет! В это не только я, все мы ве-рим, — говорил старшина. — Здесь, на Волге, он и на-чиается. И будет до тех пор, пока поганых фашистов с нашей земли не выметем.

Заметив, что картошка вычищена и я сижу без дела, он тут же отдавал очередное приказание:

— А теперь на Волгу! Картошку мыть будем.

Стоило мне увидеть необъятные просторы этой реки, как на память тут же приходили стихи:

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

Вода тянула меня к себе всегда. На моей родине, в Юрлинском районе, любил небольшую речку Лопву, на которой со своими друзьями, деревенскими мальчишка-ми, целыми днями ловил удочкой ершей, пескарей да уклейек. В Очере по душе пришелся пруд. Не пруд, а пре-лесть: на обширной водной глади — остров, на острове — стадион, а вокруг — полно ягод, особенно черники. Лоп-ва — узенькая, мелководная. Даже лодки и те на ней были редкостью. На Очерском пруду лодок множество, хаживали и под парусами. А здесь то с одного конца реки, то с другого то и дело появляются настоящие реч-ные корабли. Волга безбрежна, трудолюбива, несет на себе многотонные грузы. Днем и ночью на ней перекли-каются гудками пассажирские колесные пароходы и ра-ботяги-буксиры. Вода обещала открыть мне что-то не-обычное, неповторимое. Я видел себя уже настоящим во-енным моряком, защищающим Родину от врагов.

А пока... Пока я любил и эту команду.

Ходили на реку мы вместе. Помыв начищенную картошку, обычно купались, а иногда, когда позволяло время, и загорали. Правда, недолго.

Сам Гурьев от загара был уже черен, мне же разрешал полежать на песке лишь несколько минут.

— Загорать надо умеючи, а то вместо пользы и вред для здоровья схлопотать можно, — пояснял он. — Смотри, солнышко как печет, сгоришь.

Волжские просторы под лучами солнца сверкали живым серебром. Откуда-то с высоты доносится глухое протяжное урчание. Оно все слышнее и слышнее. Вот на светлую воду падает тень, она растет. Вдоль реки, ревя, пронесится бомбардировщик с черными крестами на крыльях.

Из «уроков политграмоты», преподанных моим шепом, я знал, что фронт пока не рядом, но гитлеровское командование свою авиацию бросает далеко на восток, к Волге. Фашисты пытаются парализовать движение по великому водному пути, ведь по нему идут караваны с грузами для войск Сталинградского фронта, сдерживающих на дальних подступах к городу натиск множества немецких, итальянских и румынских дивизий.

— Вот и до нас добрались, — задумчиво говорит Гурьев. — Не иначе, как быть большой драке. Ну, да ничего, мы ведь не одни.

Я уже знал, что еще осенью 41-го года Государственный комитет обороны издал приказ о создании Волжской военной флотилии. Гитлеровцы лишь мечтали о захвате Сталинграда, а моряки молодой флотилии уже готовились к отражению их вторжения на суше и в воздухе, противоминной защите судоходства на Волге.

Самолет с черными крестами на крыльях рыщет над рекой. Время от времени поливает берега пулеметными очередями.

— Наугад бьет, — со знанием дела заверяет кок.

Видно, так оно и есть, потому что на берегах никого не видно, и никто немцу огнем не отвечает.

Мы тоже стараемся на глаза не попадать. Забрались в кусты. Даже бачок с картошкой и тот спрятали.

— Они даже по женщинам и детям, гады, бьют, — говорит старшина. — Хуже всяких варваров.

Из-за берегового поворота показался маленький буксир серой военной окраски. За ним тянутся две большие баржи.

Бомбардировщик описывает над рекой широкий круг и, как бы не спеша, заходит на караван сзади. Немецкий пилот чувствует себя совершенно спокойно: здесь, вдали от фронта, вряд ли есть основания опасаться наших зениток или авиации.

Снижаясь, воздушный хищник устремляется на караван. Еще минута — и на баржи обрушатся бомбы. Но вдруг перед самым носом машины в воздухе вспыхивают дымчато-огненные клубки разрывов. Откуда-то снизу огненной сверкающей строчкой летят трассирующие пули. Бомбардировщик рывком, как ошпаренный, бросается в сторону. Около барж, неизвестно откуда взявшиеся, мчатся, оставляя за собой пенистые следы, два небольших военных корабля.

— Наши бронекатера, — с гордостью говорит Гурьев. Замолк тревожный гул улетевшего восвояси немецкого самолета. Караван продолжает путь. Деловито шлепая плицами колес, тянет баржи пароходик. Два бронекатера — охрана каравана — замедляют движение и на ходу прищвартовываются к баржам.

— Основная наша работа — сопровождение караванов, — поясняет кок. — Оставайся у нас. Моряком будешь. Служба нужная, почетная, людьми уважаемая. Можешь стать рулевым, сигнальщиком, комендором или как я, радистом...

Сердце мое охватила неопишуемая радость. Пробыв

несколько дней в кругу краснофлотцев, мне и самому захотелось стать моряком.

— Наш Лысенко — командир, будь спок, что надо. Просись на корабль юнгой, — учил меня кок. — А я тебя радистом сделаю. Лады?

Стать флотским радистом было теперь моей мечтой. Гурьев не раз водил меня в радиорубку своего ремонтируемого катера. Она мала, тесна. Вдвоем мы в нее едва втискивались. Радист включал приспособленный для тренировок, сделанный его же руками, зуммер, надевал на меня наушники и начинал стучать на ключе. Точки и тире, словно кем-то брошенный в уши горох, летели с непостижимой скоростью. Я пробовал их сосчитать. Не получалось. Тогда Гурьев начинал давать каждую букву в замедленном темпе. Результат почти тот же.

— А ты их не считай, а запоминай, — советовал радист. — Как мелодию песни.

Когда Яша был занят, такие же уроки со мной, по его просьбе, проводили его друзья — радисты Чернышев и Решетняк.

Совместными усилиями они научили меня правильно держать ключ, давать «строчку» точек, «строчку» тире, соединять их вместе.

— Точка и тире — буква «а», точка два тире — «в»...

Получал задания на дом. Одним из них, помню, было выучить азбуку Морзе, переписанную из какого-то учебника на отдельный листок бумаги. Этот листок я постоянно носил с собой вместе со справкой из детдома.

Каждый раз, вынимая его, я доставал и справку, выданную Ольгой Александровной.

«Как они там? Чем занимаются? Что думают обо мне? Наверное, считают, что я гощу у тетки... Нет, все-таки я поступил нехорошо. Может, написать? Признаться во всем? Но тогда прощай мечта стать юнгой. Придется ехать обратно...»

Однажды эти мои размышления были прерваны окликом дневального:

— Леонтьев! К командиру! Быстро!

Снова в Очере

Случилось то, о чем я и подумать не мог.

Вызвавший меня батя был суров и непреклонен.

— Я не против, чтобы ты стал юнгой. Нет! Только сам понимаешь, сейчас здесь такая заваруха начнется, что будет не до учебы. Тут воевать придется. Не на жизнь, а на смерть. А юнгой ты будешь. Вот приказ командующего Волжской военной флотилией контр-адмирала Рогачева, — он взял со стола листок бумаги со штампом в левом верхнем углу, — по которому я обязан отправить тебя обратно в детдом, а оттуда поедешь в Школу юнг, которая создается специально для таких ребят, как ты — сынов полков, кораблей, воспитанников детских домов и других мальчишек, решивших посвятить себя флоту.

Не верить, тем более не подчиниться бате я не мог. Он был непререкаемым авторитетом не только для меня, пацана, но и для настоящих военных моряков. К тому времени я уже довольно хорошо знал его боевую биографию.

В начале войны Лысенко воевал под Пинском и Бобруйском. Действовал в трудных условиях мелководной Припяти, возглавляемые им моряки поддерживали сухопутные части. Летом 1941 года, защищая подступы к Киеву, они бились с немцами на Днепре. Дрались до последнего катера, пушки, пулемета, а когда кораблей не стало, ушли в приднепровские леса. Здесь Лысенко создал из краснофлотцев боевой отряд.

— Наши части отошли далеко на восток, — сказал он им. — Мы находимся в глубоком тылу противника. Кругом — немцы. Но мы не уроним чести Военно-мор-

ского флага. Будем бить врага, где бы его ни встретили. Приказываю: идти на прорыв, через линию фронта!

Долгие месяцы, продвигаясь на восток, днепровцы вместе с украинскими партизанами громили немецких оккупантов: взрывали мосты, жгли их склады, вершили суд над предателями Родины, ставшими при фашистах старостами и полицейскими. В одной из схваток Лысенко был тяжело ранен. На Волге мужественного моряка назначили сначала командиром катера, а потом и отряда бронекатеров.

Разговор кончился тем, что батя познакомил меня с командиром по фамилии Бодриков, который откомандировывался на Урал для консультации кораблестроителей и получения нового бронекатера.

— Любой приказ Бориса Григорьевича для тебя — закон. Он доставит тебя до вашего областного центра, а будет возможность, и до детского дома. Набор в Школу юнг будет проходить через комсомольские организации. Вот письмо, — Лысенко протянул мне опечатанный сургучом пакет. — Отдашь его секретарю Очерского райкома комсомола. Думаю, наше ходатайство о направлении тебя в Школу юнг райком и военкомат учтут. Желаю стать настоящим моряком.

Капитан-лейтенант, как равному, крепко пожал мне руку и пожелал благополучной дороги.

Мечта сбывается

И вот вместо того чтобы быть на фронте и бить врага, я снова в кругу своих школьных товарищей.

Оказалось, приехал вовремя.

— Нас приглашают в райком, — задыхаясь от только что узнанной новости, сообщил Митька.

Он же объяснил и причину того, что они в назначенный день не приехали в Верещагино.

— В день, когда мы с Сережкой собрались бежать,

весь интернат неожиданно послали в лес, на заготовку дров. А мальчишек покрепче, сам знаешь, раз-два и обчелся. Нельзя же было взвалить такую нелегкую работу на малышню... Вот мы и решили побег чуть-чуть отложить. Ведь не раз откладывали. Ты уж извини...

Такое мог сделать только Митька. Он у нас — пример для всех. Отличник учебы и поведения, член учкома, активист.

— Так побежали же! — заторопил я ребят. — У меня для секретаря райкома есть письмо. В юнги будем проситься.

По дороге рассказал друзьям все, что знал о создаваемой Школе юнг.

В кабинет секретаря нас пригласили всех сразу.

Прочитав письмо командира отряда бронекатеров, секретарь райкома улыбнулся.

— Это хорошо, что ты успел познакомиться с жизнью моряков, зарекомендовал себя трудолюбивым, исполнительным. Пригодится...

— Он у нас «золотце», — перебивая комсомольского вожака, ляпнул Сережка, но тут же, получив от меня сзади хороший тумаk в спину, прикусил язык.

— А вот сердиться друг на друга и тем более драться ни к чему, — строго посмотрев на меня, заметил комсомольский начальник.

После соответствующего внушения по поводу неприличного поведения мы перешли в соседнюю комнату, где лицом к лицу оказались с сухощавым, жилистым пожилым моряком.

— Старшина 1-й статьи Воронов, — глядя на нас хитровато-веселыми глазами, представился он. — Василий Петрович.

Старшина снял бескозырку, подошел к зеркалу и занялся приведением в порядок своей шевелюры, а мы без зазрения совести стали рассматривать его головной убор. Бескозырка была без каркаса, без пружины под кантом,

около звездочки — две лихие вмятинки — точь-в-точь как у революционных матросов-балтийцев из кинокартины «Мы из Кронштадта». Я тут же мысленно представил одного из героев полюбившегося фильма — юнгу Мишу.

— А кто такие юнги, знаете? — прервав мои размышления, спросил старшина и, не дожидаясь нашего ответа, повел о них рассказ. — На флотском языке юнгой называется подросток, готовящийся стать краснофлотцем. Практически это уже воин, вместе с опытными братишками-моряками преодолевающий все тяготы флотской службы.

Тут он напомнил нам о том самом юнге из популярной киноленты, о котором я только что думал.

— На флоте юнги были издавна. У нас, в России, до Октябрьской революции были две школы юнг — в Кронштадте и Севастополе. Перед войной на юнг учились при школе боцманов, располагавшейся на острове Валаам в Ладожском озере. Они мечтали о дальних плаваниях, — лицо старшины помрачнело, — но судьба распорядилась иначе. Не успели мальчишки овладеть морскими специальностями. Вынуждены были вместе с другими моряками вести бои по обороне города Ленинграда, сражаться и умирать на знаменитом Невском пятачке.

Воронов с увлечением рассказывал о боевых подвигах юнг из школы боцманов, а мы, раскрыв рты, слушали его так, как, наверное, не слушали ни один урок в школе.

Как хотелось нам походить на этих ребят, несмотря на молодость, сумевших наравне со взрослыми постоять за Родину, быть в рядах мужественных защитников легендарного города Ленина!

...И вот наша тройца с вещевыми мешками за плечами уже спешит к военкомату.

— Вы куда, ребята? — спрашивает идущая навстречу пожилая женщина.

— На фронт, бабушка, на фронт!

Старушка от услышанного даже присела и начала креститься.

— Да кто же вас, детишек, туда посылает?

— Никто. Мы сами, мы — добровольцы! — с гордостью отвечаем ей.

— С богом! С богом! — шепчут нам вдогонку губы старушки, а сама крестится, крестится.

Улицы райцентра пустынные. Провожают нас лишь заведующая интернатом Ольга Александровна да несколько вчерашних одноклассниц, среди которых запомнились Катя Вдовина, Ева Воробей, Нина Коклягина, Рая Крайна, Маша Плотникова. На глазах их слезы. Перед самым отъездом одна из девчонок, преодолев смущение, бросается на шею моего друга и сбивчиво, полуплача, шепчет:

— Прошу... Выживи... Победи!..

И целует его. Сцена для нас, пятнадцатилетних мальчишек, волнующая. Потому, наверное, и запомнилась.

В областном центре, носившем тогда имя народного комиссара иностранных дел Молотова, нас разместили в хорошо известном городской детворе послевоенного времени «Муравейнике». Местные мальчишки чувствовали себя здесь как дома. Свой город они расхваливали нам на все лады. Рассказывали, что совсем недавно еще участвовали в сборах, встречах с фронтовиками, занимались в многочисленных военных кружках.

Мой новый дружок Ваня Семенов, приехавший в числе юных добровольцев из Краснокамска, много раз бывавший здесь, водил меня по коридорам обеих этажей. Показывая на двери, пояснял, что где размещалось до войны, на каких интересных мероприятиях ему здесь довелось побывать.

Из Краснокамска вместе с ним приехал мечтающий стать моряком и водить по морям корабли Женя Ларинин.

Ваня был ростом невелик, но крепыш. Старше меня, ему уже исполнилось 16 лет. С наступлением войны не

только учился, но и работал учеником монтера на электростанции. Теперь с увлечением рассказывал нам о премудростях полюбившейся ему профессии.

Женя ростом повыше, стройнее нас, успел окончить 9 классов, курсы автоматчиков, став инструктором, сам готовил из учащихся метких стрелков.

Мне же особо хвалиться было нечем. Все свободное время я проводил в детдомовской слесарке, где до войны мы занимались изготовлением слесарного инструмента, а после вероломного нападения гитлеровцев перешли на поделку отдельных частей для гранат и финских ножей.

В один из дней Воронов, при содействии обкома комсомола, устроил для нас экскурсию на местный судозавод, где в то время осваивалось строительство бронекатеров для Военно-Морского Флота. В цеха нас, правда, не пустили, а лишь разрешили, ни к чему не прикасаясь, осмотреть строящийся бронекатер. В экскурсоводе, рассказывавшем о большой чести быть моряком и важности овладения боевой техникой, я, к большой радости, узнал сопровождавшего меня с Волги капитан-лейтенанта Бодрикова.

— Молодцы, ребята, что решили стать военными моряками, — говорил он. — Но помните, это не только красивая форма, уважение населения, особенно девушек. — Мы заулыбались. — Будет у вас в свое время и это. Но главное все-таки для моряка — беззаветная любовь к Родине, преданность народу, отличное знание своей военной специальности, высокая дисциплинированность...

Слушая его, я думал: «Узнает он меня или нет?» Узнал. После окончания рассказа подошел.

— Молодец. Своего добился. Будешь трудолюбив, напорист в учебе — станешь классным специалистом. Вы — наша надежда, смена...

Тут он, на зависть многим, положил одну руку на мое, другую на плечо другого мальчишки. Спросил, кивая на него:

— Незнакомы? Это рабочий судозавода Аркаша Михалев, токарь, — представил он мне рядом стоявшего паренька. — Тоже рвется в юнги, но пока ему рано, только тринадцать лет. Может работать фрезеровщиком, строгальщиком, расточником, сверлильщиком. Словом, мастер на все руки.

Я смотрел на худенького, изможденного, среднего роста мальчика и удивлялся, откуда у него столько сил и умения. Завидовал ему, а он, похоже, мне, ведь я в его глазах был уже без пяти минут военмором, ехал на флот, а он из-за того, что не успел родиться пораньше, вынужден оставаться на заводе и строить для таких, как я, корабли.

— Ничего, — успокоил взгрустнувшего мальчугана Борис Григорьевич. — Придет время, и твоя мечта сбудется, ведь наборы в Школу юнг будут проводиться ежегодно. Не попал в этом году — попадешь в следующем. Было бы желание, а добиться всего можно.

Тут Воронов подал команду на построение. Экскурсия в мир морской техники, которую мы так почти и не увидели, закончилась. Но мы не расстраивались. Многие из нас впервые увидели почти готовый к бою корабль, и это уже немало значило для наших мальчишеских сердец.

Капитан-лейтенант Бодриков и Аркаша Михалев крепко пожали мне руку, пожелали счастливого пути, успешной службы. Идя в строю, я еще долго видел, как они махали нам на прощание руками. Уходя навстречу своему будущему, я, конечно же, не мог тогда знать, что Бодрикова уже никогда больше не увижу, а Аркадий Михалев в послевоенные годы станет одним из лучших моих друзей, заместителем председателя Пермского совета ветеранов Школы юнг Военно-Морского Флота.

Теплушки, в которых мы разместились еще утром, перед обедом подцепили к одному из проходящих через Пермь II эшелонов, и паровоз, немного потолкав их ту-

да-сюда, набирая скорость, потянул в сторону запада. Всем хотелось видеть, куда едем, что по сторонам, но делать это было весьма не просто. Вместо дверей — две сдвигающиеся и раздвигающиеся огромные створки. Утром, когда садились, они были раскрыты. Огромный, в треть вагона, проем перекрывала лишь массивная березовая перекладина. Сейчас створки закрыты — в вагоне царит полумрак. Свет проникает лишь через два маленьких, перехваченных вдоль и поперек проволокой, окошечка да через щель между створками дверей. Сначала казалось, что в вагоне полная темнота, но скоро глаза привыкли. Сперва стали различать друг друга, окружающие предметы, а потом те, что оказались возле окошек, умудрились даже читать прихваченные с собой книги.

Ехали в двух теплушках. Предполагалось в каждой разместить по 50 человек, оказалось по 61. Желающих попасть в Школу юнг было так много, что строгие представители военфлота и члены комиссий набрали не 100 человек, как предписывала разнарядка Центрального Комитета комсомола, а 122. Многие из них — воспитанники детских домов. Это потому, что в постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ от 5 июня 1942 года, принятому по вопросу «О наборе комсомольцев в Школу юнг Военно-Морского Флота» было сказано: «Преимущество при отборе отдавать воспитанникам детских домов».

На наскоро сколоченных из неотесанных досок двухъярусных нарах рядом со мной, Сережкой и Митькой на втором этаже оказались ребята из Юго-Осокино Кунгурского района Миша Мельников и Володя Лев, за ними расположились Ваня Неклюдов, Федя Марукин, Саша Ходырев, Сережа Скобелев, Валя Бобров из Оханского детдома и Алеша Макушин из Юго-Камского. На первом этаже под нами устроились Валера Перинго, Юра Буйвилло и Вася Бурков из Добрянки, Ваня Умпелев и Паша Бубнов из Осы, Володя Лыков, Боря Батанов и Витя Кожихов из Чусового, Витя Сакулин из Березников, Валя

Рожков из Пашии и другие ребята, с которыми я еще не успел познакомиться.

Эшелон тянулся устало, медленно, на изгибах дороги очень походил на огромную гусеницу. На каждой станции, перед тем как тронуться с места, хрипло спрашивал:

— Ку-да-а-а-а? Ку-да-а-а-а?

Нас это тоже интересовало, да еще как.

— Куда едем? — спрашивали будущие юнги друг друга. Ответить на этот вопрос толком никто не мог. По причине сохранения военной тайны ничего не говорил и на каждой остановке бегавший на станции наш шеф — старшина Воронов.

Одни предполагали, что едем на единственный в то время Краснознаменный Балтийский флот, другие — на Северный, а я мечтал попасть на Волжскую флотилию, где остались мои первые морские наставники Гурьев, Чернышев, Решетняк и полюбившийся боевой командир Лысенко.

Поезд между тем шел в сторону Москвы. Почти всем хотелось увидеть столицу, Кремль.

Мечты о будущей флотской службе прервал старшина. Прибежав из соседнего вагона, спросил:

— Скоро ужин, а вы что, так и будете сидеть, сложа руки? Или крупу в сыром виде есть предпочитаете?

В «Муравейнике» мы питались в одной из отведенных для нас обкомом комсомола и военкоматом столовой. О приготовлении завтраков, обедов и ужинов своими руками никто и не думал. А тут выяснилось, все надо делать самим.

— Ну уж нет! Шишеники! Работать поваром я не занимался. Мыть миски, кружки за всякими... Не буду, — с вызовом заявил Ваня Умпелев после того, как старшина вышел из вагона.

— Может, ты и моряком стать не хочешь? — с возмущением спросил его Рудаков. — Да будет тебе извест-

но, что военные моряки все делают сами — и не только пищу готовят, но и белье стирают.

Об этом я не слыхал, но не поверить Митьке не мог. Он у нас в интернате был самым начитанным. «Наверное, из книг знает». Вот и сейчас, пристроившись возле окошка, листает читанную-перечитанную, полюбившуюся не только ему, но, наверное, и всему нашему поколению книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». И оторвался от нее только для того, чтобы поставить на место Умпелева.

Этого паренька я заметил еще в областном центре, когда Воронов приказал нам подмести коридоры в «Муравейнике». За дело взялись дружно. Некоторые по своей инициативе даже тряпки разыскали, как могли, делали мокрую уборку. А Умпелев куда-то смылся. «Сачок», — сказал тогда про него Митька.

— А кто это «всякие», мы что ли? — продолжал ставить на место Умпелева Рудаков. — Тогда зачем ты в нашу морскую семью влиться хочешь? Тем, кому море нравится только с берега, на флоте не место. Таким лучше оставаться на суше...

За шумели на Умпелева и другие.

— Ну, ладно, спорить не будем. На первый раз кашу сварю я. Тот, кто это делать не умеет, пусть присматривается, — заявил Митька.

Я знал, мой друг на этом деле не опростоволосится. Рано лишившись родителей, еще до приезда в детдом, он несколько лет опекал младшего братишку. При этом не только умел накормить ребенка, сварить ему кашу или суп, но и стирал, шил на него, обмывал, делал многое такое, что нам и не снилось. В детском доме умение все делать без помощи взрослых, прилежание, хозяйственность сделали его нашим вожаком, с которого мы брали пример не только в учебе, но и в труде, поведении.

Стараясь хоть чем-то помочь своему дружку, мы с Сережкой на очередной остановке сбегали за водой. Най-

ти ее было не трудно. В те годы на станциях повсеместно мелькали вывески-указатели со словом «Кипяток». Он помогал пассажирам, едущим в неотопливаемых теплушках, а то и просто на платформах, тормозных площадках, не только согреться, но и в какой-то мере приглушить постоянно испытываемое чувство голода.

Когда вода была принесена, нужное количество крупы, соли и жиров отмерено, выяснилось, что нет дров.

— Организуйте! Надо, понимаете? — коротко бросил забежавший в вагон на минутку Воронов. У него были на станции какие-то дела, поэтому объяснять, где и как организовать, он не стал.

— Организовать — значит, украсть, — пояснил Умпелев.

Такое разъяснение мы дружно отвергли и стали на каждой остановке в поисках дров выходить на платформы. Одни их спрашивали у железнодорожников, другие — у ехавших в соседних вагонах пассажиров. Но кроме подобранных вдоль путей случайных щепок и мелких сучков найти ничего не удалось. Зато постоянное шныряние вдоль состава помогло сделать немаловажное для нас открытие. Оказалось, в противоположном конце состава в двух вагонах ехала другая группа будущих юнг — уроженцев Свердловской области.

О них позаботились лучше. Дров у соседей, правда, тоже не было, но зато имелся уголь. О существовании такого вида топлива многие из нас, особенно выходцы из сел и деревень, даже не подозревали. Но и у свердловчан не все было. Они, как и мы, варили кашу. А заправить ее было нечем.

— Баш на баш — и все будет в порядке, — предложил Семенов.

Так мы и сделали. Свердловчане поделились с нами углем, мы им дали масло.

Сваренная Митькой пшенная каша получилась на славу. Во всяком случае, ели мы ее с большим аппети-

том. А Умпелев даже от добавки не отказался. Да и после ужина старался держаться к бачку с оставшейся кашей поближе.

— Молодцы! — похвалил Воронов. — Находчивость и взаимовыручка — качества для моряков очень нужные.

Присев возле натопленной «буржуйки», он стал нам рассказывать о флотской дружбе и морском товариществе, так необходимых на службе и в бою.

По его словам выходило, что «моряк моряка должен видеть издалека», и если заметит, что братишку обижают, себя не пожалеет, а товарища выручит.

На очередной станции всем вагоном принимали гостей — ребят из Свердловска. Их набилось к нам так много, что перегон от станции до станции многие даже не сидели, а стояли. Ближе других ко мне оказались Игорь Лисин, Лёня Светлаков, Юра Татарников и Саша Пошляков, с которыми я проговорил до самого паровозного гудка, предвещавшего очередную остановку. «Хорошие ребята, — думал я, провожая новых друзей в их теплушку. — Настоящие братишки». Это слово пришло к нам от Воронова, которого за его заботу, чуткость, внимание, умение понимать ребячьи души многие из нас уже были готовы почитать не меньше родного отца. А для нас, детдомовцев, не имевших родителей, за дорогу он стал еще ближе и дороже. По вагонам о нем ходили настоящие легенды. Нам хотелось знать о своем командире как можно больше.

— Товарищ старшина, а правда, что вы на «Авроре» служили? — спросил как-то Рудаков.

«И откуда он это прослышал? — подумалось мне. — Лежит на нарах рядом, а все новости узнает раньше меня».

— Умора, — рассмеялся Воронов. — И это проводали. Да, было такое дело, доводилось служить матросом на легендарном революционном крейсере.

Старшина начал рассказывать о знаменитом залпе по

Зимнему, возвестившем начало новой социалистической эры.

Василий Петрович знал столько интересного, и мы были готовы внимать ему многие часы. Радовались, когда поезд шел без остановок и появлялась возможность слушать и слушать его удивительные рассказы.

Даешь Северный!

В Москве побывать не удалось. А так хотелось взглянуть на нее! Хотя бы через дверь теплушки, малюсенькие вагонные оконца, узкую дверную щель, откуда пристанционные строения, будки стрелочников, телеграфные столбы и деревья кажутся несущимися тебе навстречу. И их порой не то что не успеваешь рассмотреть, но даже сосчитать.

— Поезд взял курс на север. Скрывать дальше пункт назначения смысла нет. Едем в Архангельск, — сказал однажды Воронов.

— Ура-а-а! Даешь Северный! — закричали будущие юнги.

— А не рано ли радуетесь? Знаете ли вы, что значит служба на севере? Имеете ли представление о тех трудностях, которые вас там ожидают? — остудил наш пыл старшина.

Все приумолкли.

— Не пугайте! Возвращаться домой, шишеньки, все равно поздно! — выкрикнул Умпелев.

— Нет, не поздно, потому и спрашиваю. У вас еще будет возможность вернуться. Так что, у кого возникли сомнения, пусть не стесняется...

Сделав паузу, Воронов продолжил:

— Флот любит смелых, сильных, выносливых. Тех, кто не боится трудностей. Без этих качеств на кораблях делать нечего. Трус и размазня кораблю и личному со-

ставу может принести только вред и непоправимые беды. Подумайте об этом еще раз.

Говорят, когда едешь на новое место, первую половину пути думается о том, с чем расстался, а вторую — о том, что ждет впереди. Возможно, так оно у кого-то и бывает, но мне было трудно сосредоточиться на чем-то одном. В голове теснилось много разных мыслей, охватывали противоречивые чувства. Хотелось сражаться с врагом вместе с полюбившимися мне волжскими моряками, а ехал не воевать, а учиться, да к тому же еще неизвестно где и на кого. Вспоминались родные и близкие, оставшиеся в Юрлинском районе, Очере и на Белой горе. Доведется ли с ними еще свидеться? Что ждет каждого из нас впереди?

— Стоит ли унывать, братишки? — подражая в выражениях Воронову, шептал своим друзьям по Оханскому детскому дому Саше Ходыреву, Ване Неклюдову и Феде Марукину Валька Бобров. — Флот — это флот! — и он показал друзьям крепко сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем. — Там дружба — во, на «большой»! Если в чем трудности и будут — братишки помогут.

Валька был старше нас, опытнее. Три года назад он сумел стать воспитанником Пермской авиашколы, а в 40-м году вместе с Ваней Неклюдовым — воспитанником Кунгурского полка. В самом начале войны их полк участвовал в жестоких боях в районе Полоцка. Валентин был ранен, попал в госпиталь, а потом их обоих, Вальку и Ваньку, как малолеток, отправили обратно, в детдом. И вот они уже в наших рядах. В рядах будущих юнг Военно-Морского Флота.

У меня не было такой богатой биографии, но и я, будучи на Волге, убедился, насколько сильна флотская дружба. Взять хотя бы отношение моряков ко мне. Они приютили, обогрели меня, из своего флотского пайка кормили, поили, старались научить морскому делу, сделать

корабельным специалистом. Благодаря им я уже знал азбуку Морзе, умел обращаться с ключом, вести передачи с помощью флажного семафора. Там же, возле Гурьева, я научился варить суп, кашу, компот, стряпать котлеты, готовить макароны по-флотски. Теперь, когда настало время все делать самим, я был от души благодарен моим наставникам. «Надо написать им письмо», — подумал и стал соображать, что же я могу сообщить Гурьеву. Но глаза слипались, мысли в голове путались. Мои полусонные раздумья прервал вагонный толчок. Поезд остановился настолько резко, что «буржуйка», стоявшая на кирпичках в середине вагона, моментально оказалась возле выхода, на ее место попадали слабо закрепленные колена железной трубы. На кого-то из спавших на нарах первого этажа свалился бачок с недоеденной кашей. Тут и там звенели падающие ложки, кружки...

— Как я теперь перед командиром покажусь? — зашныкал Умпелев. — Эта проклятая каша все волосы склеила. Съели бы крупой и никакой беды не было, а тут...

Кто-то зажег спичку, и все увидели, как Умпелев прямо пятерней, словно граблями, пытается извлечь кашу из своих волос, а та от этого забивала их еще больше.

Злое бурчание потерпевшего аварию будущего скитальца морей тут же потонуло в дружном хохоте юнг, прерванном зычным голосом Воронова:

— Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем немедленно покинуть теплушки!

Раздвигаясь, загрохотали двери. Мы повывпрыгивали из теплушек.

Вдоль железнодорожного полотна творилось что-то невообразимое: одни скатывались с насыпи под откос, другие забирались под вагоны, третьи бежали в сторону ближайшего леса. Малочисленная команда девушек-зенитчиц, оказавшаяся на одной из платформ, направляя в разные стороны свою пулеметную установку, посылала

в сторону кружившегося возле эшелона фашистского стервятника очередь за очередью. Пестрые огни трассирующих пуль мельтешили то с одной, то с другой стороны самолета. Немец был один и, похоже, трусоват. Старался держаться от состава с пулеметной установкой подальше, сбрасывал зажигалки вдали от вагонов. А вскоре, взревев моторами, набрал высоту и вовсе исчез.

— Удрал, гад! — не сдержав восторга, во весь голос кричал Умпелев. При свете луны он был похож на привидение: лица не различишь, голова, рубашка, руки — все в каше.

Произошло это на самых, как говорится, подступах к Архангельску, который в то время переживал нелегкие дни.

Через несколько минут все опять были в вагонах. Убитых и раненых не оказалось. Состав тоже был цел. Не успел стихнуть обмен мнениями о пережитом, как паровоз дал гудок и потащил эшелон дальше.

— Подъезжаем к Архангельску. Кто может рассказать, чем знаменит этот город? — как ни в чем не бывало спросил нас Воронов, присаживаясь на нары.

Его беседы с нами стали уже привычными, проводились в день не по одному разу. Одна из них каким-то художником-самоучкой была даже отображена на рисунке, сделанном на обыкновенном тетрадном листке: будущие юнги сидят, внимательно слушая солидного, бравого, лет сорока военного моряка, ведущего, по всей видимости, интересный рассказ. Рисунок, обнаруженный на нарах, тут же обошел весь вагон, побывал в руках чуть ли не у каждого будущего юнга. Все нашли его удачным. В моряке безошибочно узнали старшину, а вот имя художника установить не удалось.

Сегодня был найден еще один рисунок. На этот раз на другую тему. Посередине вагона в окружении хохочущих мальчишек стоит облитый кашей пацан. Общими руками он пытается выгрести ее из своих волос. А под

рисунком надпись: «Люблю кашу, сваренную другими». Произведение искусства неизвестного художника вызвало хохот сильнее того, что был тогда, когда это все случилось. Не смеялся только Умпелев.

— Ну зачем же так, ведь я не нарочно облился кашей. А не хотел ее варить потому, что не умел. Теперь увидел, как это делается, если надо, приготовлю. А то, что добавку попросил, так ведь досыта теперь поестся удастся не часто...

Многострадальный вид парня, почти на голову выше любого из нас, его чистосердечные слова вызвали в моем сердце чувство жалости. Судя по тому, что смех прекратился, что-то похожее испытывали и другие.

— Ребята, что тут говорить? — спросил Филин, взявший рисунок. — Ваня все понял. Изорвем это злополучное творение — и дело с концом!

— Правильно-о-о! — закричали все.

Архангельск... Город на севере, где много холода, леса, мало солнца, тепла — вот, пожалуй, и все, что я помнил с уроков географии в школе. Я стал ловить себя на том, что знания последнего года учебы у меня не такие уж прочные. Это, наверное, потому, что на уроках мы иногда думали не о том, о чем следовало, а о победе на фронт.

Словно набрав воды в рот, молчали и другие. Видно, и они про этот северный город знали не больше моего.

— Умора, — сказал Воронов. — В свидетельствах об образовании отметки по географии неплохие, а сказать, чем знаменит такой видный в нашей стране город, как Архангельск, никто не может. Умора, да и только. В таком случае слушайте и запоминайте, а то придется его защищать, а за что будете сражаться, и сами того не ведаете. Нехорошо...

Старшина помолчал, как бы собираясь с мыслями, и озадачил нас таким изречением:

— Архангельск — это столица!

Подумал и добавил:

— Столица Поморского края. Его твердыня.

Беседа бывалого моряка длилась около часа. Из нее мы узнали, что Архангельск был первым морским портом на Руси, узнали о судьбах построенных здесь кораблей, отправленных отсюда исследовательских экспедициях, о поморах, служивших вместе с Вороновым на «Авроре». Не проронив ни слова, слушали рассказ старшины об участии архангелогородцев в гражданской и Отечественной войнах, о героических подвигах поморцев Героев Советского Союза знаменитого катерника Северного флота Александра Шабалина и наркома Военно-Морского Флота Николая Герасимовича Кузнецова.

...Воронов взглянул на часы, о чем-то, видимо, вспомнил, и стал закругляться.

— В общем, братишки, достопримечательностей в Архангельске и героических подвигов жителей поморской столицы не перечесать. Так что тут есть что защищать. Только делать это надо умеючи, хорошо овладев морскими и специальными знаниями. В заключение хочется напомнить еще вот о чем. Сейчас будем высаживаться, пойдем в город, в порт, еще кое-куда. Кругом, помимо местного населения, будет встречаться много иностранцев. Вот уже год, как здешний порт принимает караваны иностранных судов с грузами, необходимыми для фронта. Такая обстановка требует особой бдительности. При общении с незнакомыми людьми помните пословицу: «Что не должен знать твой враг, не говори и другу». Держите, как говорится, язык за зубами.

Родина кораблестроения

В вагоне поднялась невообразимая суeta. Один лез под нары за провалившейся ложкой. У другого неизвестно куда исчез ценившийся в военные годы на вес золота

кусочек туалетного мыла. Я никак не мог найти химический карандаш, которым уже начал писать письмо на Волгу Яше Гурьеву. Сережка собирал уложенные под вещевой мешок какие-то листки бумаги. Только тут я догадался, кто был автором найденных на нарах рисунков. Вот почему он читал взятую у Митьки книгу с карандашом в руках.

— Придется! Подтянуться! — не по годам зычным голосом скомандовал Семенов. — Наверное, будут встречать с оркестром. Мы же добровольцы.

Архангельск встретил нас укрепленным над самым входом в вокзал плакатом «Ты приехал в город, который никогда не будет сдан врагу. Умри, но врага не пропусти!»

С точки зрения каллиграфии призыв был написан не очень умело, но броско, на листе железа, масляными красками.

Не успели войти в вокзал, на окраине города забабахали зенитки. Из раструба установленного на платформе динамика донеслось:

— Воздушная тревога! Воздушная тревога!

— Вот тебе и духовой оркестр, — съязвил Умпелев. Но его никто не слушал, внимали только диктору. Он просил пассажиров спуститься в бомбоубежище, что мы и сделали.

Когда из него вышли, над городом в разных местах зловеще подымались столбы черного дыма. Кое-где, как бы стремясь подняться повыше к солнцу, вырывалось из них пламя огня. И только тут я заметил, что окружавшие вокзал дома в основном деревянные. Такие же строения виднелись в стороне, откуда тянуло дымной гарью. На Волге я уже видел, что может наделать даже одна вовремя незатушенная зажигалка. А для тысяч деревянных построек сотни таких зажигалок — настоящее бедствие.

— Шагом марш!

Куда шли — никто не знал. Через некоторое время очутились на берегу залива.

Одна за другой последовали команды: «Стой!», «Вольно!»

— Будем ждать «макарку», — сказал Воронов и решил разойтись. Минуту спустя, видимо, сообразив, что мы ничего не поняли, разъяснил, что так местные жители, поморы, по старой привычке называют небольшие посудины, пароходики, до революции принадлежавшие архангельскому коммерсанту по фамилии Макаров. Сказал он это и пошел в сторону здания, где размещалась администрация порта. У Василия Петровича всегда и везде были дела. Казалось, он и минуты не проводил без пользы. Даже спал, как мы убедились в поезде, гораздо меньше нас.

— Братцы, а Морская энциклопедия есть? — неожиданно спросил Вася Бурков. Этот паренек держался обычно с добрянскими ребятами. Был он не из самой Добрянки, а из Сенькинского сельского Совета этого района. Ладно скроенный, небольшого роста паренек все чем-нибудь интересовался. Все-то ему хотелось знать, уметь. Успевшие загрубить руки мальчугана постоянно находили себе занятие. По дороге на север Вася то в печурке уголь шуровал, то товарищу пуговицу пришить помогал. А кончив дело, он расспрашивал новых знакомых о том, кто где успел побывать, что увидеть. Интересовался морями, реками, озерами, тайгой — словом, романтик, да и только.

— Я знаю, есть Большая Советская Энциклопедия, энциклопедия Детская... А вот Морская энциклопедия есть? — продолжал допытываться Вася.

— Кажется, нет, — высказал предположение я.

— А вот и неправда! — горячо запротестовал Бурков. — Даже «ходячая» есть... Это наш Василий Петрович. Посмотрите, сколько он знает. Да это же настоящая «ходячая морская энциклопедия».

И как бы в подтверждение его слов, со стороны административного здания порта появился Воронов.

— Вот что, братишки, до прихода «макарки» время еще есть. Давайте-ка я расскажу вам о том, куда мы сейчас направимся... «Макарка» доставит нас в Соломбалу. Этот остров — старейшая верфь России. Здесь в мае 1694 года царь Петр I самолично подрубал во время спуска на воду подпоры у корабля «Святой Павел». Отсюда, из Соломбалы, начали свой путь Лазарев, Чичагов, Литке, Русанов, Седов, Воронин, Челюскинцы и другие известные полярные исследователи и экспедиции. Здесь же, на Красной пристани, их встречали... Соломбальская судостроительная верфь долгие годы была единственным морским портом Российской державы. Без сомнения можно сказать, что флот зародился здесь, в Соломбале. Вам выпала большая честь в самом начале военной службы побывать в знаменитом для любого моряка месте. Можете гордиться этим. Будьте достойны тех, кто побывал здесь раньше вас и создал этому острову бессмертную славу. Ведите себя, как подобает военным морякам, ведь именно здесь вам предстоит принять это высокое, уважаемое в народе звание...

— Ура-а! — закричал кто-то.

— Тихо, тихо! — сердито поднял руку Воронов. — Не на митинге. Сначала получите его, а потом уж и радуйтесь.

Митька Рудаков, Сережка Филин, Ваня Неклюдов, Валя Бобров, Саша Ходырев и еще несколько мальчишек в ожидании «макарки» сидели на берегу. У кого рюкзаки были поувесистее, примостились на них, а мы, детдомовцы, приехавшие с тощими, к тому же за дорогу основательно оскудевшими запасами продуктов, пристроились на лежавшем на кромке воды и суши коричневом, словно от загара, валуне. Возле самых ног лениво и монотонно хлопали пенистые волны. По-осеннему хмурое, тонущее в тумане море казалось суровым, таинственным.

Вдоль длинного причала, словно тесовые домики, выстроились ровные ряды штабелей досок. Говорили, время от времени в порт приходят караваны судов из Америки, Англии, Канады для отправки пиломатериалов и леса за границу. Сегодня иностранных судов поблизости не было, погрузочные работы не велись, однако моряков в незнакомой заграничной форме прогуливалось по берегу немало.

— Наверное, ждут прихода какого-нибудь иностранного корабля, — высказал предположение Вася Бурков.

— Может, и так, — поддерживал его Митька. — Только нам до них никакого дела нет.

У нас, и правда, к ним никаких дел не было, а вот у них к нам оказалось.

— Куда детка едут? — на ломаном русском языке спросил отделившийся от своей компании и подошедший к нам моряк в щеголеватой форме, с сигарой во рту. — Не за границу ли? Можем подбросить...

— Ну вот еще... Что мы там забыли? — возмутился Митька. — Нам и дома неплохо. Едем в совхоз помогать сортировать рыбу.

«Во дает! Мастак очки втирать, — подумал я. — И откуда у него такая находчивость?» И тут же вспомнил, что в начале войны в Очере была создана рыболовецкая артель. Звучало вроде бы солидно, а на самом деле было в ней всего два или три рыбака. Старички закидывали в местный пруд сети, кряхтя вытаскивали, улов доставляли в детские учреждения и местную больницу. Вместе с крупной рыбой попадалось немало мелочи, мальков. В свободное от учебы время мы, как могли, помогали старикам в сортировке рыбы. Что покрупнее, складывали в сплетенные местными умельцами ивовые корзины, а мелочь тут же выпускали в пруд.

«Пусть подрастет, жирку подкопит, а потом и ее очередь подойдет», — довольные нашей работой, приговари-

вали рыбаки. Вот откуда у Митьки такая догадливость. Я бы так ответить не сумел.

— О, молодец, гуд, гуд, детка! — похвалил матрос. — Помощь фронту — гуд, гуд!

Едва иностранцы скрылись из виду, подошел Воронов.

— С кем беседовали? О чем речь шла?

— Моряк какой-то спрашивал, куда едем, предлагал подбросить за границу.

— Даже так? — удивился старшина.

— А Рудаков сказал, что нам и дома неплохо, едем в рыболовецкий совхоз сортировать рыбу, — восторгаясь находчивостью друга, выпалил Сережка. И опять, как тогда, в Очере, получил сзади хороший тумак пониже спины, только теперь не от меня, а от Митьки.

Все весело засмеялись.

— Молодцы, ребята! Так и впредь держать! Ясно?

— Так точно! — отчеканил Рудаков.

«Как быстро, на ходу он все схватывает, — думал я. — И бдительность проявил, и по-военному, как настоящий моряк, командиру ответил. Молодец! Вот мне бы так...»

Между тем к берегу подходили все новые и новые группы будущих юнг. Появились ребята из Кирова, Горького, Ульяновска, Уфы, Ярославля. Одеты они были, как и мы, кто во что горазд. Шла война — с одеждой и обувкой стало хуже. В этом отношении мы, детдомовцы, выгодно отличались от других. На мне, Митьке и Сережке были новенькие белые сатиновые рубашки, черные пиджачки, лишь перед самым отъездом сшитые в детдомовской швейной мастерской, такого же цвета брюки, на ногах — матерчатые с хромовыми блестящими носками и такими же пятками ботинки. Хуже, во все поношенное, порядком пообтрепаншееся, были одеты мальчишки из западных областей. Особенно запомнились трое: Леша Юденков, Саша Радьков и Боря Усов. На груди у Лешки

красовался орден Красного Знамени, у Саши и Бори — ордена Красной Звезды. Поговаривали о том, что они в составе партизанских отрядов били немцев в смоленских лесах. Мы им завидовали, не упускали случая, чтобы подойти к ним поближе и хоть одним глазом взглянуть на боевые награды.

Откуда-то появился рослый, подтянутый, статный командир, которого до этого мы не видали. Привезшие нас старшины называли его лейтенантом. Позже мы узнали и фамилию — Дубовой. В пехотных званиях некоторые из нас кое-что еще понимали: лейтенанты и политухи носили «кубики», майоры и полковники — «шпалы», во флотских же знаках различия неимоверно путались.

Непривычными были они для нас. В уральских городах и селах появление моряка, морского командира было редкостью.

Лейтенант казался нам строгим, неприступным. Старались держаться от него подальше, лишний раз на глаза не показываться.

«Макарку» прождали часа два, не меньше. Погода начала портиться. С севера, со стороны Белого моря, надвинулись тяжелые, черные с проседью, тучи. Заморосил нудный, мелкий дождик. Все заспешили в укрытие — под навес какого-то лабаза.

Через несколько минут к причалу подошел небольшой, старенький с облупившейся окраской катер. Вместо Военно-морского флага ветер трепал на нем обыкновенный красный флажок.

— Галоша, а не корабль, — бросив взгляд на подошедшее судно, с ехидцей в голосе сказал Умпелев. — Смотреть на такой «корабль» и то противно, а ехать — тем более...

— На кораблях не ездят, а ходят, — заметил неизвестно откуда появившийся новый командир. — Именно на этой посудине мы и доберемся до Соломбалы.

Схватив вещички, все бросились в сторону катера. Я уже успел вбежать на сходни, как услышал резкий окрик старшины:

— Леонтьев! Куда?

— На посудину. В Соломбалу.

— Ишь, какой прыткий — вперед батки в пекло лезет. А команда была? — полусуто-полусерьезно спросил лейтенант. — Запомните: первым на палубу корабля подымается командир, если его нет — старший по званию. Значит, я или кто-нибудь из старшин... Уловили? Построить команды! — приказал Дубовой.

Выстроились. Подравнялись. Немного постояли смирно, повернулись и пошли на посадку.

Когда вся палуба и внутренние помещения были заполнены, лейтенант дал команду:

— Остальным оставаться на берегу, пойдете следующим рейсом. Я буду вас в Соломбале ждать. Уловили?

Допотопное рыбацкое судно с будущими юнгами на борту взяло курс в сторону Красной пристани. И хотя наша посудина развивала скорость не более трех узлов, все радовались. Да иначе и быть не могло, ведь мы были уже в море. Ну, если и не в море, то, по крайней мере, в заливе, на морской воде. Причем многие из нас — впервые.

Размещенные по разным кубрикам (так, выяснилось, на кораблях называются внутренние помещения) и на палубе, многие из нас оказались в окружении совсем незнакомых мальчишек, приехавших с разных концов страны. Были здесь ребята из Москвы, Куйбышева, Сталинграда, Саратова, Казани. Завязались новые знакомства.

Мне досталось место на палубе возле какой-то трубы. От нее тянуло теплом, и я был очень доволен. В то же время небольшого роста скромно одетый чернявый мальчишка стоял возле самого борта. Он держался голыми руками за металлические леера — туго натянутые тросы,

препятствующие падению моряков за борт, — и явно страдал от холода, время от времени даже глухо покашливал.

— Иди сюда, — пригласил я его. — Здесь теплее.

Паренек предложение принял с радостью. Представился — Толя Негара, приехал из эвакуации. Никогда ранее не видевший моря, он непременно хотел стать рулевым.

— Я своего все равно добьюсь, — говорил Толя уверенно. — В школе учился на «посики» — посредственно, за что однажды ребята крепко меня пропесочили. Пришлось дать слово исправиться. Своего добился. Теперь в моем свидетельстве об образовании по всем предметам отлично. И морское дело изучу. Вот увидишь!

Признаться, того же хотелось и мне. Только я мечтал стать не рулевым, а радистом. Уж очень заманчиво было научиться читать тот невообразимый писк и свист, издаваемый множеством радиостанций, который мне довелось слышать в эфире, будучи в радиорубках Гурьева, Чернышева и Решетняка.

Наши рассуждения о будущей морской службе прервал вопрос высокого крепыша из города Кирова. Я уже знал, что звали его Сашей Плюсниным. Увидев подхопившего к нам командира, он спросил:

— Товарищ лейтенант, а что такое миля?

— Женское имя, — поспешно ответил Сережка и опять получил от Митьки толчок коленом под мягкое место.

Дубовой улыбнулся, но сделал вид, что ничего не заметил, и стал объяснять:

— Я думаю, речь идет не о женском имени, а миле морской. Если так, то это длина дуги одной минуты земной широты. Не очень понятно, да? Тогда будем рассуждать так: на суше расстояния измеряются чем? Километрами. А на море привыкайте их мерять на мили и кабельтовы. Уловили? В одной миле одна тысяча восемь-

сот пятьдесят два метра. А кабельтов — десятая часть мили. Значит, в кабельтове сколько метров?

Саша начал считать:

— Одну тысячу восемьсот пятьдесят два метра делим на десять — получается сто восемьдесят пять и две десятых метра.

— Молодец, арифметику знаешь, — похвалил Дубовой.

«Тысяча восемьсот пятьдесят два метра. Сто восемьдесят пять и две десятых метра», — твердил я про себя. А лейтенант тем временем подбросил еще одну деталь:

— Но имейте в виду, что такая система измерения существует не везде. Во многих странах, в том числе и у нас, в Советском Союзе, но... не везде. Есть государства, где морская миля равняется одной тысяче восьмистам пятидесяти трем метрам. Уловили?

Чтобы где-нибудь не опозориться, надо было запомнить и это.

— А что такое узел? — продолжал допытываться Плюснин.

— Узел — это которым завязывают... — начал было Сережка, но, своевременно заметив строгий взгляд «не треплись, мол, если не знаешь», брошенный в его сторону Митькой Рудаковым, замолчал.

— Узел — это единица скорости, составляющая одну морскую милю в час — то есть тысяча восемьсот пятьдесят два метра в час. Поэтому, например, говорят, корабль идет со скоростью шестнадцать узлов или миль в час. Есть узлы и другие, морские, которые вы будете вязать не только на занятиях, но и во все годы службы на флоте. Но о них пока помолчим, а то на уроках и службе неинтересно будет... Уловили?

— Так точно! — ответил за всех Филин. — А я-то думал...

— Индюк тоже думал, да в суп попал, — сострил Рудаков.

Я тоже думал... Думал о том, что здесь, на флоте, я знаю лишь то, что ничего не знаю.

Дубовой словно подслушал мои мысли.

— Флотская служба трудна, она требует больших знаний. Вам придется изучать не только устройство кораблей, боевую технику, но даже учиться говорить. Настоящий моряк знает более тысячи слов, о существовании которых гражданский человек даже и не подозревает. Придется научиться не путать форштевень с ахтерштевнем, шпангоут с рангоутом. Форштевень — носовая часть судна, а ахтерштевень — основное крепление кормы. Шпангоут — это ребра, составляющие остов корабля, а рангоут — все деревянные и железные части снаряжения парусного судна. Уловили? Грамотный моряк, к примеру, никогда не скажет: «Я служу во флоте», а выразится по-нашему, по-флотски: «Я служу на флоте». Не скажет «компас» или «рапорт», а «компас», «рапорт». На флоте нет лодок. Вернее, они есть, но только подводные, а те, на которых вы с девушками на прудах и речках катались (мы дружно заулыбались, подумали «рано, еще не успели»), называются шлюпками, ботами, яликами, тузиками... Уловили? — улыбнулся и лейтенант.

Похоже, «уловили» было его любимым словечком. И не такой уж он строгий, неподступный, каким показались многим из нас на первый взгляд. Командир как командир, ведь не за ручку же ему с нами здороваться, не покурить предлагать. Даже улыбнуться, пошутить при случае может. А это для многих из нас, не знавших, что такое родительская ласка, не так уж и мало.

Несмотря на пасмурную погоду и начавшийся мелкий дождик, настроение у всех было хорошее: переход до Соломбалы подходил к концу. Мы уже видели себя почти моряками.

— Там в первую очередь попадете во флотский Экипаж, — сказал Дубовой, — а потом дел будет столько,

что успевайте только поворачиваться... Уловили? — хитро улыбнулся и первым пошел к трапу.

Что он имел в виду, мы поняли почти сразу же после того, как разношерстной растянувшейся колонной миновали охраняемые часовым с карабином наизготовку ворота флотской цитадели.

Из кирпичного пятиэтажного здания, перед которым остановился строй, сразу же высыпали десятки любопытных краснофлотцев.

— Ну и воины — метр с кепкой, — присвистнув, с улыбкой сказал один из них, но, заметив строгий взгляд лейтенанта, тут же примолк.

Мы и сами понимали, что пока никакие не воины, а обычные пацаны. Стоявшие возле входа в Экипаж краснофлотцы — все, как на подбор, рослые, в бескозырках с ленточками, в форменках с воротничками, ремнях с бляхами, хромовых ботинках. Все вычищено, поглажено, надраено, а на нас... Даже сравнивать стыдно: одни — в демисезонных пальто, другие — в пиджачках, третьи — в рубашках. Брюки от многодневной езды на вагонных нарах грязные, помятые. Ботинки у одних каши просят, у других — без шнурков. На головах — кепки и фуражки самых замысловатых фасонов.

Увидев моряков во всем новеньком, нам стало стыдно за свой неприглядный вид. Лучше себя почувствовали лишь тогда, когда вышедший на крыльцо какой-то строгий командир приказал морякам немедленно вернуться в здание и заняться служебными делами.

Тут я заметил, что и здесь, недалеко от Полярного круга, тоже есть свои прелести. Шел июль, буйно отцвела северная черемуха. Приютившиеся около Экипажа небольшие деревянные домики соломбальских мастеровых почти полностью утопали в зелени.

Зазвучал суровый голос Дубового:

— Вы находитесь на территории военно-морской воинской части, ведающей распределением моряков по бое-

вым кораблям и другим морским подразделениям. И хотя вы пока еще не моряки, должны вести себя, как настоящие воины, дисциплинированно. Этому вас обязывают действующие на территории флотского Экипажа воинские уставы, суровое военное время и тяжелое положение на фронтах. Фашисты, не считаясь с большими потерями, наступают. Недавно наши войска оставили Севастополь — столицу черноморских моряков, города Старый Оскол, Богучар, Ворошиловград... Время для нашей Родины очень тяжелое. На флотах и флотилиях очень нужны кадры хорошо знающих свое дело моряков. В рядах защитников Отечества после прохождения боевой учебы найдется место и вам, будущим юнгам Военно-Морского Флота. Здесь вы долго не задержитесь. Сейчас выйдет группа краснофлотцев, которая проведет вас к кабинетам врачей. Члены военной медицинской комиссии еще раз проверят ваше здоровье. У кого что болит — говорите, не стесняйтесь. Краснофлотцы для вас — командиры. Выполнять их приказы и распоряжения надлежит неукоснительно. Уловили?

На крыльце Экипажа показались несколько девушек, одетых в морскую форму. Строй мальчишек так и ахнул: «Неужели и девчонки на флоте служат?» Аккуратные, подтянутые, да еще в морской форме, они нам сразу показали олицетворением девичьей красоты. Толком мы в ней, конечно, еще не разбирались, но кое о чем были наслышаны.

— А вот и краснофлотцы, которые будут вас водить по кабинетам врачей, — сказал лейтенант, указав взглядом в сторону девушек.

— С такими провожатыми, думаю, мы поладим, скучать не будем, — прошептал мне на ухо стоявший рядом Ваня Умпелев. Он был старше меня, рослее, выглядел солиднее и, наверное, в отношениях с девушками кое-что смыслил. Во всяком случае, так мне казалось. Улыбки же на лицах девчат его слова только подтверждали.

Тем более странным показалось нам, когда девушка-краснофлотец, доставившая нашу десятку в одну из комнат, начала нами командовать. Сначала приказала положить личные вещи каждому на отдельный стул, чтобы не перепутались, а потом неожиданно дала, на наш взгляд, совсем неподходящую команду:

— А теперь раздевайтесь!

— Как? Совсем? — недоуменно переспросил Умпелев.

— Да, догола! — словно отрезала она.

— Шутите? Ну нет, это уж слишком. Шишеньки! — возмутился Ваня. — При вас? Ни за что! Верхнюю одежду еще туда-сюда, а чтобы больше, это уж извините...

— На службе не шутят. Всем раздеться догола! — еще раз, повысив голос, приказала девушка. — Не куда-нибудь, а на медицинскую комиссию, к врачам идете.

Стараясь держаться спиной к строгой командирше, мы стали раздеваться. Не зная, что делать, стоял в недоумении только Умпелев.

— А теперь кругом и следуйте за мной, — направляясь к дверям, уже более миролюбиво подала девушка очередную команду.

Босые, голые, мы гуськом последовали за ней. Замыкающим бежал быстро сбросивший с себя нижнее белье Умпелев.

В коридоре в таком же виде — десятки других мальчишек. Девушки-краснофлотцы, ничуть не стесняясь нашей наготы, водили будущих юнг из кабинета в кабинет. Сколько их пришлось обойти, я теперь уже не помню. Остался в памяти только один, в котором я оказался перед молодой докторшей. Потому, что одета она была не в форменку, а китель, на рукавах которого поблескивали золотом две — одна средняя, другая узкая — нашивки, я понял, что она не только врач, но еще и лейтенант Военно-Морского Флота.

Строгая докторша долго обстукивала, прослушивала

мою хилую мальчишескую грудь, а потом задала вроде бы совсем неуместный вопрос:

— Так, значит, из Молотовской области приехал? Хорошо-о-о. А родители где?

— Отец умер. Мать болеет, находится в Белогорском доме инвалидов.

— В каком? Белогорском? Это где?

— В Юго-Осокинском районе, недалеко от Кунгура.

— Ясно, ясно... — приговаривала докторша. — А юнгой-то очень хочется быть? Может, лучше обратно вернуться?

— Да вы что? Я членом ОСВОДа был... Готовился...

Тут я почувствовал, что глаза мои повлажнели, еще немного — и могу разреветься.

— Ну, ладно, ладно. Я ведь только к тому, что у тебя не совсем в порядке сердце. Служить, конечно, можешь. Но надо подумать, какую лучше выбрать специальность, чтобы поменьше было нагрузки на сердце.

— А радистом можно?

— Радистом да, можно. Ну, что ж, счастливой службы, земляк! Я из Юго-Осокино, где находится твоя мать. Будешь ей писать, передавай привет. Моя фамилия Мелентьева. Анастасия Александровна Мелентьева. Запомнишь?

— Так точно! — четко, по-военному ответил я, покидая кабинет землячки.

— Может, еще встретимся, — сказала она мне вдогонку. — Я ведь тоже на фронт рвусь...

В самом дальнем кабинете, куда после обхода всех предыдущих заходили уже одетыми, заседала комиссия с малопонятным названием — мандатная. За столом сидели несколько командиров. Я доложил о своем прибытии. Самый старший держал в руках мою карточку с записями врачей. Я успел прочесть: «Рост — 150 см, вес — 39 кг».

Оторвав взгляд от карточки, командир спросил:

— Говорят, моряком стать хочешь?

— Так точно! — четко ответил я. И откуда только громкий голос взялся? После беготни голышом перед врачами в сопровождении девушек-краснофлотцев в одежде я сразу стал храбрее.

— Хорошая задумка, хорошая... — заметил он, еще раз заглянув в мое тонюсенькое дело.

— А образование какое?

— Восемь классов окончил.

— Молодец, молодец... Грамотные люди флоту нужны.

Я уже слышал, что тех, кто имеет образование пять классов, посылают учиться на боцманов, с шестью — на мотористов, с семью — на электриков и радистов.

— Радистом быть хочешь?

— Так точно! — еще громче от радости, что мои мечты, кажется, начинают совпадать с мнением комиссии, отчеканил я.

— Ну что ж, так тому и быть. — Председательствующий взял ручку, обмакнул перо в чернильницу и сделал в моей карточке запись: «Зачисляется в роту радистов». — Можешь идти.

У меня, как говорится, в зобу дыхание сперло. Это была последняя комиссия. И ее я прошел успешно! Оказавшись в коридоре, узнал, что уроженец Юрлы Витя Сакулин, Олег Няшин из Верхних Муллов и добрянец Вася Бурков будут учиться на рулевых, косинец Володя Дьяков и оханец Ваня Неклюдов — на мотористов, Мир Нигматулин, Гена Коновалов, Боря Гаврилов, краснокамец Ваня Семенов, чувовляне Володя Лыков, Юра Зайцев — на артиллерийских электриков, а Витя Кожихов, Валя Рожков, Олег Шерстюков, Боря Батанов, как и я, на радистов. Некоторым, к сожалению, не повезло: им пришлось возвращаться домой. Среди таких ребят оказались Юра Киселев и Володя Ловинецкий из Чусового.

Фамилии остальных, не прошедших строгие флотские комиссии, в памяти не сохранились.

Получить долгожданную флотскую форму в тот день не удалось. Едва успели пройти комиссии, в кабинеты, где они заседали, краснофлотцы из Экипажа стали заносить какое-то мудреное оборудование. Распространился слух, что доставляемые туда приспособления и аппаратура предназначены для более тщательной проверки состояния здоровья будущих юнг. Сердце екнуло — неужели еще раз придется проходить медицинскую комиссию? К счастью, обошлось, во всяком случае для тех, кто приехал раньше других и успел побывать на обследованиях. Для нас было уготовано другое. В комнате, где мы раздевались, свежее испеченных юнг ждал рассыльный по Экипажу.

— Всем быстро в мыльню! — скомандовал он.

Что такое «мыльня», никто из нас не знал, потому все застыли в недоумении.

— Ну, чего стоите как вкопанные? — прикрикнул он. — Сказано, пора идти в баню, значит, надо спешить.

— Банька — дело хорошее, — заметил Женя Григорьев. С этим мальчишкой я познакомился во время прохождения медицинской комиссии. Парень он был общительный, добрый, спокойный, хотя в спорах, похоже, горячий. За несколько минут я успел узнать почти всю его биографию. Мать Жени в дни, когда мы направлялись к Архангельску, переезжала в наш областной центр — город Молотов. Это обстоятельство нас очень сблизило. Григорьев сразу же стал считать молотовчан своими земляками, держался к нам поближе.

В Школу юнг Женя, как и большинство из нас, попал не без приключений. Мать Жени, Мария Никитична, работала инструктором по охране рыбных богатств. Сын любил бывать с ней в командировках. Охотно брался за весла. Вместе с ней объезжал места возможного браконьерства. Постоянная близость к воде побудила его читать

много книг о море, рыбаках, военных моряках. Проглашивал он их залпом. Постепенно и у самого зародилась мысль стать военным моряком. Впервые о своем желании Женя заявил матери в начале войны. В том, что решение сына было серьезным, она убедилась год спустя, когда в школу, где учился Женя, приехал какой-то моряк и стал отбирать ребят для учебы в Школе юнг.

В тот день Женя прибежал из школы взволнованным.

— Мама, разреши. Я так хочу стать военным моряком! — заявил он прямо с порога.

Мать выслушала сына и твердо сказала:

— Ни в коем случае!

Женя как-то сразу помрачнел, сжался, уткнулся головой в подушку. «Притворяется», — подумала Мария Никитична, ласково приподняла его голову — по щекам сына, чего никогда раньше не бывало, текли слезы.

— Я комсомолец. Стоять в стороне от борьбы с врагом не могу. Иначе перестану себя уважать, — со слезами на глазах, но твердо, по-взрослому, заявил Женя. — Я уже и заявление написал. Правда, твое согласие нужно. Распишись, пожалуйста...

И тетрадный листок в полстранички величиной оказался в руках матери. В нем торопливой рукой сына было написано:

«В горком комсомола
от гр. Григорьева Е. Н.

Заявление

Убедительно прошу принять меня в Школу юнг. Очень хочу бить ненавистного врага.

К сему прилагаю свои документы.

Е. Григорьев.

5 июля 1942 года».

Делать было нечего, мать согласилась. И вот Женя вместе с нами.

— Давно в баньке не был. Все гражданские грехи

смоем, — с радостью сказал он и, подхватив свой тощий вещмешочек, первым побежал к дверям. Мы устремились за ним.

— Идите вниз по трапам. Тут недалече. Баня на барже! — кричал нам вслед рассыльный.

Прибежали. Но прежде чем мыться, пришлось стричься. Во всех четырех углах предбанника будущих юнг поджидали краснофлотские парикмахеры.

— А как будем стричься? — обращаясь к нам, спросил Женя.

— Как положено, под машинку, — спокойно, но в то же время твердо сказал вошедший пожилой моряк-банщик.

А из углов уже неслись нетерпеливые голоса лязгающих ножницами парикмахеров:

— Присаживайтесь! Не стесняйтесь! Сейчас всех под ноль обольванизим...

Хоть и жаль было шевелюру, но спорить не приходилось. Краснофлотцы-парикмахеры и сами были острижены наголо.

— Длинные волосы — доброе житье для вши, — раздавая малюсенькие кусочки мыла, разъяснял банщик. — А где вша, там и хвори. Ни то, ни другое моряка не красит, на флоте лишнее, особенно в военное время — мешает врага бить.

Женя первым сел на стул готового к работе парикмахера. Его примеру последовали и мы. Не прошло и часа, как все стали лысыми, если не считать жесткой щетки торчавших во все стороны волос на голове каждого.

— А теперь раздевайтесь! Каждый свое белье и другие вещички должен аккуратно увязать в узелок, сверху, чтобы не потерялись, положить записку с указанием своей фамилии, имени и отчества. И марш мыться! — скомандовал банщик.

Натирая голову казенным мылом, безжалостно елозя

по своему телу и спине товарищей новенькой мочалкой, я с удивлением отметил, насколько мы еще малы, да к тому же худы, особенно мальчишки, приехавшие из блокадного Ленинграда. Кожа да кости. С одним из ленинградцев, Сашей Ковалевым, я уже познакомился. Небольшого роста, влюбленный в технику, мечтавший стать корабельным мотористом, он был настолько истощен, что казалось, через кожу просвечивают не только ребра, но и ссохшиеся от недоедания внутренности. Это Саше врач на медкомиссии сказал:

— А то, что худой, ничего. На флотских харчах поправишься.

Хотелось в это верить. В Экипаже только и говорили о морских пайках для плавсостава, подводников и морской пехоты, обедах из трех блюд с компотом. Думалось, что, наверное, и нас не обидят.

Ребята, приехавшие из деревень, городов Урала и Поволжья, в том числе и прикамцы, сбегали еще в трюм баржи, где была оборудована жаркая парилка. С удовольствием погрелись на полках, похлестали себя березовыми вениками.

Смывали с себя накопившуюся за дорогу грязь долго, старательно. Наверное, мылись бы и еще, но вошел банщик и объявил:

— Закругляйтесь, ребятки. Час прошел — пора и честь знать. И другим помыться надо. Ведь не на век моеетесь. Каждую неделю в баню ходить будете — таков на флоте порядок. Обкатитесь и прошу сюда, — и он указал на дверь, противоположную той, через которую мы входили.

— Нам не туда! — крикнул кто-то. — Наше белье вон за той дверью осталось.

— Все верно. Только вас ждет другое белье — настоящая морская форма.

Слова банщика заглушило звонкое ребячье «Ура-а!» Комната, в которую нас направил банщик, была раз-

делена столами на две части и таким образом превращена в своеобразную баталерку-кладовку. В большей части оказались мы, в меньшей за столами стояли пожилой старшина-баталер и его помощники — девушки-краснофлотцы, те самые, что водили нас по кабинетам врачей. На столах, как мы сразу догадались, лежали аккуратные стопки предназначенного для нас обмундирования. Его было так много, что глаза разбегались. Не сразу можно было сообразить, что для чего. Белье постельное, нижнее, верхнее — все, начиная от наволочек и наматрасников, от носков, кальсон, тельняшек до шинелей и бескозырок. Сначала мы этому несказанно обрадовались, но тут же разочаровались.

— А где форменка и брюки-клевш? — спросил Володя Лыков.

— А у меня бескозырка без ленточки, — заволиновался Ваня Семенов.

— Ремня нет! — возмущались Саша Ходырев, Валя Рожков и Володя Дьяков.

— Вместо красивой морской формы подсунули парусиновую, — чуть не плача, сообщил Ваня Неклюдов.

— А слюнявчик зачем? Что я, маленький? — недоумевал Ваня Умпелев. — Шишеньки, не надену.

Поднялся такой шум, что перекрычать будущих юнг баталер и девчата-краснофлотцы даже не пытались. Пусть, мол, пошумят, надоест — перестанут. Но мы не переставали до тех пор, пока в баталерку не вошел Дубовой. С его появлением ребята поутихли, а когда заметили на рукавах кителя полюбившегося командира не среднюю и узкую нашивку, а две средних, и вовсе замолчали.

— Поздравляем с получением звания старшего лейтенанта, — чтобы хоть как-то сгладить наше не совсем достойное поведение, громко сказал я и тут же подумал: «Ну и время же нашел для поздравления, ведь все голые».

— Я зашел сюда не для принятия почестей, — улыбнулся Дубовой, — а узнать, по какому поводу поднят шум. Слышно даже на улице.

— Форма не та... Не морская какая-то... — опять загудела баталерка.

Дубовой поднял руку — все замолчали.

— А вам форма для гулянок или для службы нужна? Здесь флиртовать негде, да и не время. Придется нести службу, выполнять определенные флотские обязанности. Это дело повседневное. Вот и форма обычная, рабочая. Придет время — будет у вас и парадная. Все, что положено военному моряку: и суконные форменки, и бушлаты, и ленточки к бескозыркам, и хромовые ботинки...

Только тут я заметил, что в большой куче получаемого не было самого главного, что отличает настоящего моряка, — бушлата с двумя рядами блестящих золотом пуговиц с выдавленными на них якорями, ленточки с горящей на солнце надписью «Северный флот», хромовых ботинок, называемых моряками «корочками», и даже поясного ремня с полагающейся к нему бляхой. Вместо него стопку белья перетягивал скромный брезентовый ремешок с проволоочной пряжкой, наподобие тех, которыми стягивают чемоданы.

— Да я в этой одежде утону! — воскликнул приступивший к переодеванию Ваня Умпелев.

— Размеры одинаковые. Самые маленькие из тех, что есть на складе, — пояснил нам и старшему лейтенанту баталер.

«Ну, уж если Умпелеву все велико, то я и в самом деле утону», — подумал я.

Так оно и случилось. Роба — рабочая форма моряков — оказалась не только велика, но еще и жестка. Рукава голландки-рубашки и брюки пришлось подгибать. Бескозырка держалась на ушах. Шинель — чуть не до пяток.

Почти в таком же виде предстало и большинство других ребят. Впору форма пришлась только одному рослому пареньку, приехавшему откуда-то из западных областей. Держался он обособленно, и потому фамилии его я еще не знал. Ходили слухи, что он многое испытал, был на оккупированной фашистами территории, сумел бежать из-под немца. Кто-то из младших командиров, сопровождавших ребят в Архангельск, заметил его на одной из станций, пожалел, приютил, помог определиться в ряды будущих юнг. Посочувствовали ему и при прохождении комиссии. А сейчас, надев хоть и рабочую, но все же морскую форму, он выглядел гораздо лучше нас. Почти на голову выше любого, стройный, подтянутый — настоящий моряк, не то что мы...

— Ничего, ребята, не грустите, — старался успокоить нас Дубовой. — Приедете на место — сходите в мастерскую. Все подгоните и будете моряками не хуже других. Уловили?

И мы успокоились.

Шел горячий, изнуряющий жарой и тяжелыми, кровопролитными боями на фронтах июль 1942 года. На советском флоте появились молодые моряки с новым воинским званием — юнга.

...Утром следующего дня занимались приведением формы в порядок. Каждому хотелось выглядеть как можно лучше. Обрезать рукава, укорачивать штанины старшины категорически запретили. Было разрешено их аккуратно подогнуть, прихватить излишества нитками и прогладить. Добро на зауживание свисавших на уши бескозырок тоже получить не удалось. Впрочем, выполнить все необходимые швейные работы, имея в своем распоряжении лишь нитки да иголки, принесенные все теми же девушками-краснофлотцами, было просто невозможно. Не зная усталости, юнги драили кирпичной пылью медные пуговицы шинелей, с помощью где-то раздобытой сапожной ваксы до блеска начищали не по размерам

большие яловые ботинки. После обеда предполагалась экскурсия по Соломбале.

— Идти в таком виде на люди — радости мало. Шипеньки, не пойду, — бурчал про себя Умпелев. Полученная роба сидела на нем не так уж плохо, но свежеспеченный юнга был ею все равно недоволен. Брюки из серой парусины, сколько их Ваня ни мозолил, вид настоящих флотских клешей принимать никак не хотели. Узенький брезентовый ремешок с невзрачной пряжкой с настоящим морским не мог идти ни в какое сравнение. Да и ботинки попались какие-то мохнатые. Сколько он их щеткой с ваксой ни тер, до хромовых «корочек» им было далеко.

Не лучше обстояли дела с подгонкой формы и у других.

Перед экскурсией в Соломбалу нас собрали на беседу. Один из командиров, забыл его звание и фамилию, напомнил нам о том, что при общении с населением, при переписке необходимо соблюдать установленные в армии порядки, строго хранить военную тайну. Он сообщил адрес нашей будущей войсковой части.

— Теперь каждый из вас может своим родителям и близким написать письма. Обратный адрес на конверте следует ставить такой: «Полевая почта № 30835».

— А где можно купить конверты и марки? — спросил Дьяков.

— Обойдетесь без них. Берите обыкновенный лист бумаги, — командир взял со стола лист нелинованной бумаги, показал его всем, сделал два перегиба, подогнул уголки, заправил оставшуюся полоску внутрь — получился треугольник. — Такой конверт можно сделать из любой бумаги, в том числе и тетрадной. Марки на конверты клеить не надо. На каждом письме будет ставиться треугольный штамп с указанием того, что оно «краснофлотское». Если кто-то хочет, чтобы письма нашли адресатов

побыстрее, рекомендую написать их сегодня. Завтра будет отправка.

Я не знал, как поступить: и на экскурсию сходить хотелось, и письма написать.

— Сделать это успеете после экскурсии, — закончил свои пояснения в отношении переписки командир. — А теперь маленькое объявление. Вчера вы были в бане. Оставили там свои вещи. Надеюсь, все их подписали? Если кто забыл или что-либо из вещей хочет взять с собой, сделать это еще не поздно. Следует зайти в баталерку, где хранятся вещи. Там они будут ждать вас до самого окончания Школы юнг и ухода на боевые корабли. Желающие могут переслать их по почте своим родственникам.

По Соломбале ходили не строем. Это нас радовало. Воронов еще раз подтвердил, что «ходячей морской энциклопедией» его прозвали не зря. Казалось, нет такого дома, улицы в Соломбале, о которых он не мог бы дать то или иное пояснение. В то время мы еще не знали, что ему доводилось в этих краях служить.

— Посмотрите, что у вас под ногами, — обращал наше внимание старшина. — Не земля, а опил и щепа. На них и дома стоят. Отходы от строительства кораблей здесь накапливались веками. Идешь словно по перине. Опилковая почва амортизирует. Даже дома постепенно в землю погружаются.

Только тут мы обратили внимание на то, что окна первых этажей многих домов находятся на уровне земли, солнечные лучи попадают в них только благодаря сделанным вокруг окон, обложенным кирпичами, углублениям.

На речках Соломбалы много лодок — тут и весельные, и моторные, и под парусами. Мостики через речушки горбате.

— У каждой свое название есть, — пояснял старшина. — Эта, например, Курья.

— И у нас под таким названием есть река, — загалдели прикамцы. Обрадовались, словно добрую знакомую встретили. Любовались ее водной гладью, тихим, спокойным течением.

— Она не всегда такая, — продолжал свой неторопливый рассказ старшина. — По весне, как и другие, разливается, доставляет местным жителям немало хлопот. Бывает, люди в период половодья первые этажи домов вынуждены покидать, переселяются во вторые. Мужчины на работу, бабы в магазины, дети в школу добираются на лодках.

— Настоящая Венеция! — воскликнул кто-то.

— Погода здесь не очень устойчивая. Надо научиться ее предугадывать. — Старшина постоял, помолчал, а потом спросил: — Вот сейчас она вам ни о чем не говорит?

Мы стали внимательно рассматривать воду, зелень вокруг домов, смотреть на небо, но сказать что-нибудь вразумительное никто не мог.

— Вот, например, этот запах? — подсказал Воронов.

— Гарью, вроде, потянуло, — заметил я. — Только откуда — не пойму. Пожара, похоже, нигде нет.

— Едкая гарь идет от судостроительных мастерских. Раньше мы ее не ощущали, а теперь появился ветерок, вот ее в нашу сторону и потянуло. А ветер с той стороны — жди дождя.

Мы направились в сторону Экипажа. Не прошли и двухсот метров, как заморосил мелкий дождик.

В Экипаже нас встретила веселая ватага юнг, только что побывавших на медицинской комиссии. У тех, кто ее прошел успешно, настроение приподнятое. Их рассказам не было конца.

— А нас, не то что вас, на приборах проверяли, — хором сообщили Женя Ларинин и Гена Коновалов.

— В кресле-вертушке крутили... Сойдешь с него — и

пошатывает. Даже в сторону некоторых бросало, — начал было рассказывать Володя Дьяков, но его перебили.

— Ерунда, меня тоже к стенке швырнуло, чуть лбом в нее не угодил, а все равно прижили. Врачиха сказала: наверное, укачивать на море будет. Но это не беда. Говорят, адмиралов Нельсона и Ушакова тоже укачивало, — спешил поведать свои новости землякам Гена Мерзляков.

— Главное было на силомере не сплеховать, — утверждал Ваня Неклюдов. — Для службы на кораблях нужна сила.

Вечером юнги дружно взялись за написание писем.

— Один Верзила дурью мается, — наклонившись к моему уху, прошептал Сережка и показал глазами в сторону парня, который прибил к будущим юнгам на одной из станций.

Кем-то случайно брошенная кличка прочно закрепилась за ним. Иначе его теперь никто и не звал. Верзила, заложив руки за спину, ходил от одной стенки к другой.

— Что ему, писать некому, что ли? — снова зашептал Сережка. — Надоед.

— А кому он будет писать? Он же с оккупированной территории. Может, у него родители под немцем. А то, чего доброго, их уже и в живых нет... Тут поневоле задумаешься, — попробовал я защитить Верзилу, но Сережка не унимался:

— Все равно, он какой-то странный, несознательный что ли. Мандатная комиссия его определила учиться на боцмана, а он не хочет. Просится в радисты, а у самого образования мало. Да разве сейчас такое время, чтобы выбирать? Я бы тоже радистом хотел стать, а сказали «требуется мотористы» — и я иду. Что бы было, если бы, например, все захотели стать радистами? Я так думаю, что приказ любого хотения главное...

— Да согласен я с тобой, согласен. Замолчи ты наконец. Вон баталер зашел, руку поднял, что-то сказать хочет...

— Товарищи юнги! — донеслось со стороны дверей, возле которых стоял Верзила. — Еще раз хочу напомнить тем из вас, кто по рассеянности или из-за спешки забыл подписать свертки с личными вещами или не успел что-либо необходимое взять с собой, прошу это сделать сегодня. Вещи находятся в комнате перед баталеркой. Быть с вами там не могу, меня вызывает начальство, так что прошу проявить совесть и «случайно» чужого не прихватить. Поняли?

Баталер подарил юнгам обворожительную улыбку и направился к выходу. Туда же пошел и Верзила.

— Поняли! Поняли! — кричали юнги. — Уже много раз поняли!

— А я вот ничего не понял, — сказал Филин. — И чего они все о вещах да о вещах? Барахло там, а не вещи. А они уже который раз объявления делают.

— Ладно, хватит базарить, — одернул я дружка, — а то письма написать не успеем.

Сережка обиженно отвернулся и стал из исписанного листка мастерить фронтовой треугольничек. Я же заканчивал лишь первое письмо, адресованное матери. Написал, как попал в Школу юнг. Откровенно рассказал о чувстве страха во время бомбежки. Постарался обрадовать тем, что вокруг меня здесь много хороших друзей, командиров. Заверил, что беспокоиться обо мне не надо, ведь я только по годам мальчишка, а на деле уже военный моряк. О своем побеге на фронт смелости рассказать не хватило.

Сделав треугольничек и написав на нем адрес, взялся за другие письма. Ольге Александровне и Любе (девушке из нашего Очерского детдома) сообщил только о том, как доехали. Про то, как было боязно при налете немецкого бомбардировщика, поведать постеснялся. Не написал и о том, что прошло лишь несколько дней службы на флоте, а я уже так много узнал нового, полезного,

о чем раньше и не подозревал. Еще подумают, что хвастаюсь.

Гурьева обрадовал тем, что в юнги я все-таки попал, мечта стать радистом начала сбываться. Попросил передать мой юнгашеский привет Чернышеву, Решетняку и Лысенко. «Знаю, что у вас уже жарко, — писал я. — Сообщите о своих делах, все ли живы-здоровы».

Прошли еще сутки. Утром следующего дня после завтрака всех отобранных для учебы в Школе юнг построили на плацу перед Экипажем. Нас оказалось немало, несколько сотен. Поговаривали, что будет принято еще столько же.

Прозвучали уже ставшие привычными команды:

— Равняйся! Смирно!

Перед строем появился командир флотского Экипажа.

— Там, куда вы поедете, будет трудно, особенно в первое время. Ничего готового там для вас нет: ни жилья, ни учебных классов. Все придется строить, оборудовать самим. Каждому ли из вас будут такие трудности по плечу? Кто колеблется, пусть останется здесь...

Командир замолчал, как бы давая ребятам время на размышление, на обдумывание, а потом скомандовал:

— Те, кто хочет вернуться домой, два шага вперед!

Желающих покинуть строй не оказалось.

Потом опять, уже который раз, перед юнгами выступил баталер все с тем же объявлением о вещах.

— Ну и надоел же он со своим барахлом, — негодуя, сквозь зубы процедил Филин.

— Объявляют, значит, так надо, — заметил я. — Может, кому-то и действительно потребуется...

— Знаю, скажешь то, что надо. Не зря ты у нас «золотце». Тебе бы командиром быть, правильные речи толкать. Но постоянные объявления о никому ненужном тряпье все равно надоели. Ну разве после флотской службы ты свои штанишки или пиджачок наденешь? Конечно, нет! К тому же штанки тебе будут по колено, а пид-

жак — если только на одно плечо... — сердито ворчал мой друг.

Между тем церемония на плацу подходила к завершению.

Слово опять взял командир Экипажа.

— Счастливой службы, юнги! — по-отечески тепло пожелал он нам на прощание.

На душе стало одновременно и грустно и радостно. Грустно оттого, что приходит время расставаться с хорошими людьми. Радостно потому, что впереди нас ждали неизведанные морские дали.

Здравствуй, море!

Да, быстро летят годы! Сорок пять с лишним лет назад от Архангельска до Соловков по Белому морю я добирался не как сегодня — на комфортабельном туристическом теплоходе «Буковина», а на хорошо известном многим поколениям уроженцев Поморья «Краснофлотце». Красивое, по моим тогдашним понятиям, с длинным стремительным корпусом, это судно не раз и не два снилось мне после ночам. Ведь именно на нем впервые я оказался в море. По словам одного из здешних старожилов, «построенное бог весть когда», до революции, будучи пароходом «Соловецкий», оно доставляло на острова архипелага всевозможных вельмож и многочисленных богомольцев, царских узников и известных писателей. Куда это судно делось в послевоенное время, никто не знал.

— Отслужило оно свой век. Скорее всего пошло в металлолом, — с грустинкой в голосе сказал поморец. «Значит, на «патефонные иголки», — подумал я, вспомнив широко бытовавшее на флоте в годы моей молодости выражение. А жаль! Я бы сейчас с удовольствием на нем побывал, даже по Белому морю прошелся. Интересно, какие чувства я испытал бы при этом? Наверное, совсем не те, что тогда, в военном 42-м.

Помню, при посадке «Краснофлотец» показался мне настоящим морским богатырем. Но стоило подняться на палубу, устроиться возле люка, ведущего в машинное отделение, присмотреться, как мое мнение об этом корабле резко изменилось. Пароход оказался стареньким, поношенным, с полуоблупившейся краской и поистертыми трапами. Шел он тихо, как-то неуклюже. Неужели и мне придется служить на подобном утюге? В последнее время, когда мечта стать моряком стала сбываться, мне все чаще грезились стремительные стальные бронекатера, какие я видел на Волге, на каких остались мои друзья.

Пока шли в зоне видимости берегов, море было спокойно, пароход едва покачивало. Мы с удовольствием рассматривали остающееся позади зеленое от кустарников побережье. После выхода в открытое море качка заметно усилилась. Море, словно живое, дышало. «Краснофлотец» на его волнах то подымался, то опускался. Вот уже и берега постепенно пропали за туманной полоской горизонта. На море опускалась серая вечерняя пелена. Свежело. Прозвучала команда на ужин. Тут выяснилось совсем неожиданное, по военному времени даже странное: некоторые юнги неизвестно почему потеряли аппетит, сидели хмурые, нахохлившиеся. Зато другие ели за них, как говорится, до отвала.

После ужина спустились в кубрики. Там было теплее. Перевалило за полночь. Одни спали, другие от избытка переполнявших чувств вспоминали пережитое, высказывали предположения о том, как сложится наша дальнейшая служба, гадали, что нас ждет завтра. Почти все, кто съел по две-три порции за ужином, опять дружно навалились на еду, уничтожая свои последние дорожные запасы. В их числе был и я, расправлявшийся с остатками селедки. Напротив, не очень ласково поглядывая на меня, сидел Гена Мерзляков. Время от времени его все-го перекашивало.

— Что с тобой? — спросил я.

— Ничего. А ты не можешь выбросить за борт эту вонючую селедку?

— Зачем? К тому же она хорошая. Ты ее вчера сам ел, даже еще и хвалил, а...

— А это не вчера, а сегодня, — со злостью крикнул Гена и, зажав рукой рот, стремглав бросился вверх по трапу.

Я выглянул на палубу. Наверху качало сильнее. Гена, пробалансировав по палубе, оказался возле борта, схватился за леера и тут же беспомощно свесил через них голову.

«Рвет, — догадался я. — Потому и злющий такой. А я разве виноват, если мне, наоборот, есть хочется?..» Едва успел так подумать, на палубу из люка один за другим, будто за ними кто гнался, вылетели Ваня Умпелев и Толя Негара и тут же дружно стали помогать Гене вываливать за борт то, что съели во время ужина.

«Краснофлотец» положило в затажном крене. Руки Толи не удержали лееров, и он, теряя равновесие, покатился в сторону противоположного борта, но наткнулся на Воронова.

— Что, качает немного? — спросил старшина и, не дожидаясь ответа, пояснил: — Ерунда это, баллов шесть — не больше. Послужите — на такую чепуху внимания обращать не будете. Спускайтесь-ка вниз, свежо, еще насморк схватите.

— Стыд-то какой, — чуть не плача, сказал Гена, когда Воронов отошел.

— Ничего, старшина сказал, что привыкнем. Значит, так оно и будет. Он-то уж толк в этом знает — на «Авроре» служил, — старался я его успокоить.

Примерно через сутки на горизонте показалась слабо мигающая искорка. Что бы это могло быть? Звезда? Но почему мигает? Немного погодя обозначился силуэт высокой горы, на вершине которой и мигал огонек.

— Земля! — что есть мочи закричал я. Через не-

сколько секунд на палубе от повыскакивавших из кубриков юнг стало тесно.

— Земля! Земля! — надрываясь от переполнявших их чувств, кричали Ваня Семенов, Иолий Горячев, Володя Лыков, Ваня Неклюдов.

— Наконец-то, — выдавил все еще плохо чувствовавший себя Толя Негара. — А я уж думал, конца-края этой болтанке не будет.

За сутки похода он даже похудел, лицо осунулось.

— Не грусти, моряк, не робей, — успокаивал мальчишку подошедший старшина. — Мы с тобой еще и не такие штормы переносить научимся.

С этим человеком, наверное, каждому из нас было не только веселее, но и увереннее, надежнее. Вот бы постоянно иметь рядом такого командира! Но ведь старшина для нас человек временный. Придем, передаст юнг по списочку и — «Прощайте, будущие военные моряки!» Никто из нас тогда еще не знал, что Воронов будет вместе с нами все время учебы в Школе юнг.

Соловки

Волны на море куда-то исчезли. Качка уменьшилась. Пароход скользил по глади залива. Кругом царила удивительная тишина. И, казалось, не только здесь, но и во всем мире. Трудно было поверить, что это море бывает бурным, жестоким, страшным. Не менее странным и неправдоподобным казалось и то, что в каких-нибудь полутора сотнях километров отсюда проходит хоть и воображаемая, но очень определенная в своей суровости граница Северного полярного круга.

Юнги не могли оторвать взгляда от мелководья залива. Ожили, повеселели, стали приводить в порядок одежду. Теперь уже сносно различался не только силуэт высокой горы, но и густой черный лес, низкие камени-

стые берега. На горе стояло что-то очень похожее на церковь.

— Это гора Секирная, а на ней маяк, — пояснил Воронов. — Об истории этой горы я вам еще расскажу...

— Сейчас! Сейчас! — закричали юнги.

— Сегодня некогда. Скоро будем высаживаться.

Юнги поспешили в кубрики, стали укладывать в матрастики свои вещи, а когда по команде «Всем подняться на палубу!» оказались наверху, ахнули от неожиданности. «Краснофлотец» заходил в сказочную гавань, на берегу которой все увидели замшелые стены большой, сделанной из камней-валунов крепости. Из узких бойниц, словно выглядывая из прошлых веков, в сторону подходившего парохода нацелились старинные пушки.

Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят!

— во весь голос продекламировал хороший знаток литературы, как, впрочем, и других изучаемых в школе дисциплин Митя Рудаков.

— Хватит кричать, лучше скажи, куда это мы попали? — спросил его только что поднявшийся на палубу Ваня Неклюдов.

— Мы в бухте Благополучия, а видимые острова — Соловки, — оповестил всех Воронов.

— Да ведь это же тюрьма, братцы! — прошептал Ваня Умпелев. — Вот так влипли. — От огорчения вместо любимого «шишеньки» паренек даже выругался.

— Была когда-то тюрьма... Верно. А для вас здесь будет Школа юнг, — сказал стоявший неподалеку старший лейтенант Дубовой.

— Так точно! — проскандировали будущие юные моряки.

— Чудное местечко, братишки! — воскликнул Воронов. — Что ни шаг, то страничка истории. Далековато, правда. Говорят, есть здесь грубо отесанный камень.

Если кто не поленился и сдерет с него мох и многовековую пыль, то сможет прочесть на его иссеченной ветрами, разъеденной солью поверхности древнеславянские письмена примерно такого содержания:

От сего острова

до Москвы-матушки — 1235 верст,

в Турцию до Царьграда — 4818 верст,

до Венеции — 3900 верст,

в Гишпанию до Мадрида — 5589 верст,

до Парижа во Франции — 4096 верст...

Что еще на том камне высечено, дослушать не удалось, последовала зычная команда Дубового:

— Приготовиться к высадке!

Жизнь — сложная штука! Мы с радостью высаживались на Соловки с их печально известным в сталинские времена лагерем особого назначения.

Было это более сорока пяти лет назад. А сегодня «Буковину» с юнгами-ветеранами на борту встречали совсем по-другому.

Едва показались острова, установленные в каютах динамики донесли до нас стихи Алексея Пьянкова:

И вот показался остров.
Забытая богом земля,
Над тихой водой, как остов
Погибшего корабля,
Соборы вдали маячат,
Пронзая синюю высь.
Их маковки, словно мачты,
Над островом вознеслись...

На причале — строй почетного караула и духовой оркестр. До боли в глазах вглядываемся в знакомые очертания. Кругом полно встречающих. «Буковина» подходит к причалу под звуки оркестра.

...Объятия, поцелуи, слезы радости. Ветераны снова на земле своего боевого детства. Приняли участие в митинге

возле обелиска, установленного в честь юнг, погибших на полях морских сражений. Сходили в местечко Савватиево, где в суровых условиях севера своими руками строили землянки, в которых после жили и овладевали военными и морскими знаниями. Осмотрели экспозицию музея, посвященного югам флота. И везде все новые и новые встречи. А утром следующего дня мы вышли на каменистый берег Святого озера. Сидели и пели:

Вернулись мы домой не скоро,
Вернулись мы домой не все,
Но верность Родине и морю
Мы сохранили при себе.

И вот теперь уже седые
Мы собираемся порой,
Чтоб вспомнить годы боевые
И дружбы нашей фронтовой.

— А помнишь? А знаешь? — то и дело восклицал то один, то другой.

Пришел на память случай, происшедший с юнгой Володи Лотошниковым, приехавшим в Школу юнг из Перми. Мать Володи Ксения Александровна поначалу в родительском разрешении на отъезд сына в дальние края отказала. Тогда Володя обратился к отцу, Ивану Ивановичу. Он в ту пору служил в авиационном училище. Отец поддержал Володю.

В результате в приемную комиссию, работавшую в «Муравейнике», паренек пришел с разрешением не только отца, но и матери. А во флотском Экипаже в Соломбале произошел казус, который чуть было не лишил его права служить на флоте.

Еще не надев морской формы, Володя попал на гауптвахту — под арест. Случилось это так. Во время завтрака в столовой флотского Экипажа один из будущих юнг взялся делить сахарный песок на десять сидевших за столом мальчишек и проявил при этом возмущившую ребят жадность — себе положил намного больше, чем остальным. Поскольку Володя сидел рядом, то он первым и выразил ему

свое неудовольствие. Ударил в лицо. Парень рухнул на неказистый стол. Ножки его не выдержали, и все, что на нем было, с грохотом повалилось на пол. Инцидент закончился по всем правилам дисциплинарного устава: дежурный офицер вызвал из караула Экипажа двух бодрствовавших матросов с винтовками, и Володю вместе с незадачливым раздатчиком отвели на гауптвахту. Просидел Лотошников на губе, правда, немного, всего сутки. Разобравшись во всем, нашего земляка выпустили, а его напарнику, из-за жадности которого разгорелся весь сыр-бор, пришлось отсидеть трое суток.

Припомнили мальчишку из Чусового Васю Швалева. Как рассказывали его земляки, к разряду трусливых он никогда не принадлежал, а вот при переходе из Архангельска по Белому морю на Соловки испугался, и не на шутку. Только что переодетые в морскую форму юнги сидели в кубрике, мечтали о том, как будут бить врага. И тут вдруг боевая тревога!

Сигнальщик заметил перископ вражеской подводной лодки.

Екнуло сердце юного чусовлянина. «Вот и всем мечтам конец». Испугался. Нет, не из-за того, что смерть заглянула в глаза. Этого он не боялся. Испугался, что не сделает того, о чем мечтал. А мечтал он отомстить за старшего брата и двух дядей, которые в то время уже погибли на войне.

Вспоминали о том, кто кого и где встретил, тех, кого уже не увидим никогда, как служилось, рассказывали, у кого как сложилась жизнь. Часы показывали двенадцать, а верить, что уже полночь, как и в дни учебы в Школе юнг, не хотелось: кругом светло, на бледно-сером небе не видно ни одной звезды. По свидетельству ученых, самый длинный день на Соловках продолжается 21 час 56 минут — ровно столько, сколько в декабре тянется самая длинная ночь. Неповторимое очарование белой ночи располагало к воспоминаниям. Мысли бывших юнг снова и снова уносились

в суровый 42-й год. Припомнили, что первый день пребывания юнг в кремле (бывший монастырь, где мы расположились) ознаменовался назначением группы юнг, приехавших из Прикамья, в наряд по камбузу. На Соловках мы были не одни. Года за два до нас здесь разместился Учебный отряд Северного флота. Теперь кокам-поварам надо было кормить не только краснофлотцев, но еще и юнг. На камбузе потребовалась дополнительная рабочая сила. Сколько человек туда пошло, я теперь уже не помню. А вот казус, происшедший с одним из парней из нашей группы, запомнился на всю жизнь.

Путешествие в прошлое

Встретивший нас кок был требователен и суров. Заставил построиться и рассчитаться. Одних послал чистить картошку, других — рыбу, третьих — убирать помещение. Работы хватило всем. Несколько человек, в том числе и меня, кок оставил пока при себе.

— Поможете получить продукты со склада, а потом видно будет, — заявил он нам.

Через несколько минут мы оказались уже в деле. Митьке Рудакову пришлось нести ящик со сливочным маслом. Оно выдавалось морякам на завтрак. Сережка Филин взвалил на себя мешок с сухофруктами, предназначенными для обеденного компота. Мне досталась крупа. Ваня Умпелев и еще несколько ребят таскали американскую консервированную колбасу. Банок было много — не одна сотня. Двое или трое юнг, наученные коком, ловко их вскрывали. Отрывали припаянный сбоку банчик ключик с ушком, надевали его на кончик жести, вертели и... банка открыта. Извлекали из нее колбасу и тут же мясной кирпичик резали на мелкие дольки, которые должны были вместо мяса закладываться в суп.

Когда перенесли все продукты, кок решил послать нас на чистку рыбы и картошки. Тут-то и обнаружилось,

что ряды юнг, посланных на камбуз, поредел. Куда-то исчез Ваня Умпелев.

— Сбежал, работы испугался, — высказал предположение кок. — Сачок ваш Умпелев. Надо срочно доложить старшине.

— Сам найдется, куда он денется, здесь не город — не заблудится, — дружно запротестовали мы.

— Потому и надо искать, что не город, а остров. Тут столько такого, что потеряться — полбеда. Можно и совсем сгинуть.

Что при этом имел кок в виду, он нам не сказал, а вот меры принял немедленно.

— Как твоя фамилия? — он указал пальцем на меня.

— Леонтьев, а что?

— Вот ты и пойдешь доложить старшине об исчезновении юнги.

— Почему я?

— Разговорчики! — строго сказал кок. — Приказы на флоте не обсуждаются, а выполняются.

Я почувствовал, что пререкания со строгим коком могут для меня кончиться неприятностью, и поспешил отчеканить:

— Есть доложить об исчезновении юнги, — и направился к выходу.

— Можно и мне с ним? — попросился Сережка.

— За компанию, что ли? Ну, иди!

И вот мы уже вместе с Вороновым идем на поиски своего земляка.

— Умора, то кашей обольется, то с камбуза исчезнет! С таким не соскучишься. Где его искать? Суда из бухты не выходили. Значит, он на Соловках, — рассуждал Воронов.

Подожли к часовым, стоящим у ворот, те заверили, что без увольнительных никого не выпускали.

— В таком случае, искать надо только здесь, — твердо сказал старшина.

Территория кремля не так уж велика. Но это только кажется.

— За пять столетий, — стал рассказывать Воронов, — в нем столько нагородили, что при желании можно спрятать целую роту, а то и батальон, да так, что не скоро найдешь.

Для начала пошли по стенам крепости. Я и не подозревал, что в их верхней части сделан коридор, покрытый тесовой крышей. По нему обошли все восемь башен, в которых в три-четыре яруса были устроены круглые бойницы. Когда-то защитники крепости били из них по врагу из пушек и пищалей. Теперь в башнях поселились сырость и холод. Под ноги кидались никого здесь не опасавшиеся крысы. При этом по всему телу пробегал озноб. Шли почти в полной темноте. Фонарик старшины высвечивал коридор лишь спереди, да и то временами.

— А это для чего? — спросил шедший за старшиной Сережка, указывая на залитые бетоном между камней большие железные кольца.

— К ним с помощью цепей приковывали узников, — пояснил старшина.

— Каких узников? — поинтересовался я.

— Монастырь издавна использовался не только для богослужений, но и в качестве тюрьмы.

Старшина подошел к одной из многочисленных тяжелых дверей и приоткрыл ее. Мы увидели позеленевшие от плесени стены. Комната с низким потолком походила на гроб — шага три в ширину и чуть больше в длину. Из стены торчал залитый бетоном выступ.

— Это лежанка. Тут узник спал, — пояснил Воронов. — А вот и его страж, к которому он приковывался, — и старшина лучом фонарика указал на точно такое же кольцо, какие мы уже видели.

По тому, как уверенно он нас вел по подземелью, рассказывал о его ужасах, можно было судить, что Воронов здесь уже бывал и не однажды.

Вот его фонарик осветил один из углов каземата, где едва просматривались какие-то царапины.

Старшина, подобрав с каменного пола щепку, стал с усердием соскребать со стены копоть и плесень. Наконец нам удалось прочесть надпись на ней: «14 декабря 1825 года».

— Здесь сидел декабрист, — догадался я.

— Да, побывали в этих душегубках и декабристы, — подтвердил младший командир. — Сколько их здесь нашло свой конец — пока неизвестно, но фамилии двух все же сохранились — это Шаховской и Бантыш-Каменский. Николай I, прозванный Николаем Палкиным, жестоко расправился с участниками декабрьского восстания, преследовал и всех им сочувствовавших. За принадлежность к тайному обществу декабристов сюда же были сосланы, например, студенты Московского университета Николай Попов и Михаил Критский. Здесь, в этих камерах, они и погибли...

Умпелева искали до самого вечера. Нашли его в одной из камер, спящим прямо на каменном полу. Рядом лежали две консервные банки. Одна из них была пустая.

— Как ты сюда попал? — строго спросил юнгу Воронов.

— Зашел, чтобы спрятать консервы, — захлебываясь от слез, стал рассказывать Умпелев, — а дверь кто-то подпер. Я уж думал, что здесь и умру...

— Никто тебя не подпирал, — прервал его старшина. — Сам во всем виноват: зашел, стукнул дверь — вот камень из стены и выпал, да и заблокировал выход. А еще виноват ты в том, что из пайка своих же товарищей банки с тушенкой стащил... Так на флоте не поступают, но об этом позже. А теперь пошли, ребята, а то еще и нас искать будут.

Первые трудности

На другой день из юнг было сформировано два батальона. Один расквартировался тут же, в кремле. Местом дислокации другого командование определило местечко бывшего скита Савватиево, километрах в двенадцати от кремля.

Детально знакомиться со всеми достопримечательностями острова, куда нас забросила судьба, было некогда. Разбив юнг на роты и смены, командование тут же отдало приказ о переходе к месту дальнейшего прохождения службы.

Командиром роты радистов был назначен старший лейтенант Дубовой, а командиром нашей смены стал старшина 1-й статьи Воронов, что меня очень обрадовало.

Вышли из Соловецкого монастыря сразу после ужина. У каждого за плечами был больше чем наполовину набитый обмундированием и постельным бельем намотанный матрас.

Шли строем. Над ротами батальона неслась песня:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Через час-полтора идти стало заметно тяжелее. Ноша с личным вещевым имуществом гнула к земле. Кое-кто посбивал до кровавых мозолей ноги. «Эх, скинуть бы сейчас тяжелые ботинки и идти босиком, — думал я. — Да разве командир разрешит? Нельзя. Дисциплина. Придется терпеть. Трудности надо преодолевать стойко». Некоторые стали отставать. Старшины подбадривали. Ребята, кто покрепче — Женька Ларинин, Ваня Неклюдов, Иолый Горячев, Валька Рожков, Боря Гаврилов, Олег Няшин, Саша Плюснин, Митька Рудаков, — помогали тем, кто послабее.

Наконец вышли на поляну, заросшую иван-чаем, сделали большой привал. Воронов посоветовал всем прилечь

и что-нибудь подложить под ноги. У одних они тут же оказались на пеньках, у других — на вещевых мешках. Старшина был прав — тяжесть в ногах стала исчезать. Сережка Филин, лежа на спине, любуясь небом, даже размечтался.

— Интересная штука — эти Соловки, хоть картину с них пиши. Время, наверное, часов десять, а то и одиннадцать. — Часов у нас ни у кого, кроме старшины и командира роты, не было. — А на улице светлым-светло. Только теперь я начинаю понимать, что такое белые ночи. Прелесть их не столько в красках, хотя и они необыкновенны, сколько в чудесном свечении, которое будто излучают все окружающие нас предметы. Днем они свет отражают, а белой ночью как бы сами светятся изнутри... А небо, небо, посмотрите, какое! До сих пор нет ни звезд, ни луны. А лес... Да это настоящая сказка: зеленый-зеленый. А над острыми вершинами деревьев поднимаются легкие, прозрачные клубы тумана. Это возносится к небу тепло невидимых лесных озер...

— Почему невидимых? — спросил Гена Мерзляков. — Вон одно из них за соснами голубеет.

Присмотрелись — и правда, в промежутках между деревьями сверкала присмирившая, словно дремлющая вода.

— Озер здесь много, — сказал Воронов. — Люди даже не знают, сколько именно, потому что их никто не считал, да и сделать это не так просто. Есть источники, в которых говорится, что их здесь 360 или до 400, а ученый Захваткин, в 1926 году специально изучавший этот вопрос, указывает, что на острове 492 озера...

Спереди донеслась команда:

— Построиться! Продолжить движение!

Встать, разойтись было тяжело, но надо — значит, надо. Встали, пошли.

— А вот и та гора, которую вы увидели с моря, — продолжал между тем Воронов. — Секирная называется.

А почему, знаете? Нет? По одной легенде на ней секли розгами провинившихся монахов. Другая утверждает, что на этой горе лет 500 назад ангелы в облике светозарных юношей тем же способом наказали жену рыбака, которая оскорбляла преподобных Савватия и Германа, живших на этой горе. От нее до Савватиево рукой подать, всего около трех километров.

Они-то и оказались самыми трудными. Наконец голова колонны прошла небольшой мост через канал и вступила в Савватиево. Весть о том, что переход завершается, быстро дошла до конца колонны. Все приободрились, подтянулись.

— Ногу, ногу взять! — скомандовал командир роты. — Раз, два, три... Левой! Левой!

Снова над колонной взметнулась песня:

Эх, в гавани, далекой гавани,
Пары подняли боевые корабли...

Роты первого батальона вышли на площадь перед двухэтажным кирпичным зданием с вывеской, на которой было загадочное для нас слово: «С. Л. О. Н.».

— Это что еще за «слон»? — спросил тихонько Сережка.

Ответ Филину дал проходивший вдоль строя Дубовой.

— Расшифровывается это так: «Соловецкий лагерь особого назначения». Тюрьма здесь была. А теперь будет штаб Школы юнг. Уловили?

Роты подтянулись, выстроились буквой П, подравнялись.

Здесь и встретил нас первый начальник Школы юнг Иванов, как потом мы узнали от Воронова, сам в далеком прошлом начинавший службу юнгой на корабле.

Приняв рапорт командира батальона, поздоровавшись с нами, капитан 3-го ранга стал держать речь. Она была небольшой и потому запомнилась довольно хорошо.

— Местечко, где вы сейчас находитесь, называется

Савватиево. Как видите, здесь всего два дома. Один отводится под классы, где вы будете овладевать морскими и специальными знаниями. В другом будут штаб и квартиры командно-преподавательского состава. Все остальное: жилые кубрики, камбуз, клуб и прочее предстоит построить вам самим. Будете строить и одновременно учиться. Не тратьте времени зря, принимайтесь за дело. Сейчас пойдете туда, где будут ваши землянки. Поставьте там палатки и можете размещаться на ночлег.

Прозвучали команды:

— Равняйся! Смирно! Направо! Шагом марш! — и строй юнг с вещевыми мешками за плечами стал втягиваться в близлежащий лес.

Минут десять-пятнадцать ходьбы — и мы на отведенном для нас месте. Было уже часов двенадцать, а то и больше. В лесу, не то что на поляне перед штабом, казалось сумрачно. Лежавшие в куче палатки мы нашли сразу, но для того, чтобы их поставить и натянуть, нужны были шесты и колышки, а топоров для их заготовки не оказалось. Попробовали наломать руками — не получилось. Сваленные возле палаток доски для нар напилить тоже было нечем. К тому же многокилометровый переход утомил юнг. Решили палатки установить утром, а пока разложили между деревьями доски, чтобы на них переспать. Кому хватило, укрылись палатками, остальные — шинелями. Обстановка была не совсем обычной, из-за чего некоторые долго не могли заснуть. Вдобавок ко всему, ночью пошел дождь. А вскоре уже опять стало светло как днем. Старшины взяли по несколько юнг из своих смен и пошли за топорами и пилами, а мы давай сушить подмоченные вещи.

Командир флотского Экипажа оказался прав — Школы юнг практически не было. Почти все необходимое для жизни и учебы надо было делать своими руками. Палатки установили быстро. Не прошло и часа, как все было готово.

Подошла пора завтракать, а есть нечего. К тому же отсутствовали котлы, бачки, миски, ложки. Какой-то вольнонаемный дядька на лошади по кличке Бутылка привез нам сухой паек. Младшие командиры тут же разделили его на количество смен.

— Смотрите и учитесь выполнять обязанности бачкового, — сказал Воронов. — В первый и последний раз показываю, как это делается, — и стал разрезать сначала хлеб, а потом очень похожие на большие буквы О круги копченой колбасы. Несмотря на довольно неровные буханки, порции хлеба у Воронова получились будто близнецы, а кусочки колбасы казались свещенными на аптекарских весах.

— Глаз-алмаз, — прошептал Митька.

В Очерском детском доме Митьке, мне и Сережке во время завтраков, обедов и ужинов такую работу выполнять доводилось. Рудаков делал ее обычно лучше нас. И все же работа старшины по качеству и скорости Митькину превосходила. Кончив дело, Воронов предупредил:

— В будущем сухие пайки, горячие обеды и ужины будете делить сами.

После завтрака старшина разъяснил распорядок дня:

— Подъем в шесть часов утра. Потом физическая зарядка, умывание, построение. В семь — завтрак, в восемь — начало строительных работ...

До начала зимы времени оставалось мало. В первую очередь командование приказало строить землянки-кубрики. Каждой роте предстояло построить пять кубриков, на две смены каждый. В сменах по двадцать пять человек. На особо тяжелые или требовавшие высокого мастерства работы иногда присылались краснофлотцы из Учебного отряда. Силенок, по сравнению с нами, у них было побольше, да и работать умели, но уж больно некоторые задавались, корчили из себя бывалых моряков. Бывало, мы клевали на их шуточки.

Одним из первых испытал на себе, что такое флот-

ская подначка, Дима Перевозчиков. Небольшого роста белокурый мальчик из Кунгурского района был телом худ, по характеру тих и скромен, но очень трудолюбив — не только добросовестно выполнял то, что приказывали командиры, но и находил себе разные занятия по собственной инициативе. На первых порах будущий флотский моторист очень скучал по родному дому и матери, оставшимся в уральском селе Жилино.

— Очень хочется маме позвонить. Может, переговорный пункт здесь есть? — как старшего и более знающего человека спросил он оказавшегося рядом краснофлотца.

— Конечно. Только Соловки — не город, а острова. Видишь, кругом валуны, камни. Потому и место для переговоров называется не переговорным пунктом, а «Переговорным камнем». Романтично, правда? Но он далеко, километрах в трех от кремля.

— Это не беда. Не смотри, что я мал и худ. Сбегаю, — обрадовался мальчик.

— Разрешение у командира не забудь спросить, — напомнил краснофлотец, — а то взыскание можешь получить.

Придя к командиру за увольнительной, Дима узнал, что «Переговорный камень» — это большая гранитная плита с надписью о том, что на этом месте, то есть на берегу, где он лежит, во время Крымской войны в 1855 году состоялись переговоры настоятеля Соловецкого монастыря, именовавшегося воеводой, с парламентарями англо-французской эскадры, разбойничавшей в Белом море.

— Флотская служба — дело не легкое, — утешал расстроившегося юнга старшина. — Потому морякам в минуты короткого отдыха хочется посмеяться, повеселиться, отдохнуть не только телом, но и душой. На добродушную подначку особо обижаться не стоит. Она помогает в учебе, труде, боевых делах, учит быть умнее, находчивее, сообразительнее. Так что ты на этого крас-

нофлотца не сердись. Его и самого таким образом не раз, наверное, покупали. А переговорного пункта на Соловках нет, да и быть не может, ведь провода через море не потянешь. Понял?

— Так точно, понял, что купили, — улыбнулся Перевозчиков. — В следующий раз на фальшивую насадку постараюсь не клевать.

Пехоже, я немного отвлекся, рассказал о том, что было несколько позже. В первый же день пребывания в Савватиево юнгам было не до шуток и о переговорах с родными по телефону никто, конечно, не думал. Едва старшина разъяснил распорядок дня, по которому им предстояло впредь жить, со стороны кремля показалась оставляющая за собой клубы дорожной пыли полуторка.

— Это единственная машина, имеющаяся на Соловках, — пояснил Воронов. — Она будет подвозить в Савватиево продукты. Нас здесь будет немало — более семисот гавриков, так что работы ей хватит.

А пока она, как скоро выяснилось, привезла не продукты, а оборудование для камбуза.

Откуда-то появился будущий юнгашеский кормилец — кок по фамилии Московский.

— К обеду горячая пища для юнг должна быть готова, — приказал ему подошедший командир батальона капитан-лейтенант Пчелин, — а вы, — он обернулся в сторону, где стояли мы, юнги, во главе с одним из младших командиров, — к этому времени должны сколотить и вкопать в землю столы и скамейки. А после обеда сдвигаете над ними навесы-крыши.

Александра Григорьевича Пчелина, назначенного комбатом, некоторые из юнг уже знали. В его сопровождении добирались от Архангельска до Соломбалы. В кремле он им, как нам Воронов, рассказывал об историческом прошлом Соловков, о том, какое внимание уделялось укреплению этого северного края России.

Здесь монастырь издревле был не только форпо-

стом русской культуры в Поморье, но и мощным бастионом, ограждавшим Россию с севера от любого нападения. Инок соловецкий под рясой носил кольчугу, рядом с молитвенником держал боевой меч. А цари московские привыкли одаривать Соловки не колоколами и иконами, а пищалями с пороховым зельем. Петр I дважды самостоятельно посещал Соловки, в честь этого недалеко от кремля построена часовня, носящая имя святого апостола Петра. Не зря Соловецкий кремль в то время назывался «ледяным форпостом» Северного Поморья.

Я вспомнил, что при розыске Вани Умпелева в кремле видел колокол, отлитый в честь побед над английскими кораблями, запомнились даже слова на нем: «Ядер было выпущено столько, что могло разрушить шесть городов». Теперь очень хотелось увидеть Переговорный камень, на котором «купили» Диму Перевозчикова, — еще одно свидетельство побед русского оружия в борьбе с многочисленными неприятелями, пытавшими поживиться за счет русских земель.

Слушал рассказы командиров об этом северном крае, и в голове невольно рождалась мысль о том, что теперь и мы будем причастны к защите Архангельска, Соломбалы и островов.

Напомнили нам об этом очень скоро.

После обеда, на этот раз проходившего в только что на скорую руку оборудованной новой столовой, по порядку дня должен быть тихий час. Но юнги — не старики, покой в постели за отдых считать еще не привыкли, да и постелей, к тому же, пока не было. Поэтому вместо тихого часа комбат Пчелин решил провести что-то похожее на общее собрание. Для начала познакомил нас с командирами рот и смен. Своего командира роты мы уже знали. Командиром роты рулевых был назначен старший лейтенант Кравченко, мотористов — старший лейтенант Лосев, боцманов — старший лейтенант Пшиков. Фамилии командиров смен я запомнить не успел.

Потом нас неожиданно всех построили, подравняли, подали команду «Смирно!», и командир батальона стал читать приказ. Первый, который мы, юнги, слышали с момента прихода на военную службу. Им оказался знаменитый приказ Ставки Верховного Главнокомандования за № 227. Резкими словами, в крутых выражениях в нем было сказано начистоту о том, в каком положении находилась Советская страна, что дела наши на фронте плохи, что отступать больше нельзя и некуда, что наступило время, когда решается судьба Родины, социалистического строя, всего советского народа, что пора покончить с паникерством, что с этого дня главным девизом армии и флота, всех советских людей должны стать слова: «Ни шагу назад!»

Юнги слушали приказ, затаив дыхание. У меня, да наверное и у многих других, по спине то и дело пробегали мурашки. Только тут я по-настоящему понял, что на карту, как говорится, поставлено все. Решается вопрос, быть или не быть Стране Советов. Понял, что разбить врага нелегко. Сделать это можно только умеючи, получив большие военные знания. А ведь совсем недавно мне и моим друзьям по Очерскому детскому дому Митьке и Сережке казалось, что стоит нам попасть на фронт, и там сразу все изменится. Уж мы-то покажем фашистам, где раки зимуют! Какие мы наивные были! Дети, настоящие дети!

— Скоро будете принимать военную присягу, — напомнил Пчелин. — Станете полноправными воинами. Вас уже никто не будет считать детьми. Придется нести ответственность за каждый свой поступок. Не забывайте об этом!

— Пугает, — направляясь после собрания на работу, как бы между прочим, сказал Умпелев.

— Нет, все это очень серьезно, — не согласился я с Ваней, вспоминая своих друзей, находившихся на Вол-

ге, где шли уже жестокие бои. «При случае буду проситься к ним», — твердо решил я.

А пока надо было продолжать выполнять приказ комбата о строительстве навесов над столами, пилить и строгать доски. Вместе со мной этим делом занимались Боря Батанов, Валя Рожков и Витя Кожихов из Чусовского района. Работы хватило до самого ужина. Пришедшие из лесу ребята нас даже похвалили. Есть за столом, да еще под крышей, призванной спасать от возможного дождя, было куда приятнее, чем на земле или пристроившись на каком-нибудь валуне. После ужина сделали навесы над котлами, разделочными столами, соорудили что-то похожее на дровяной сарайчик для хранения продуктов. А неподалеку около десятка прибывших из Учебного отряда краснофлотцев под руководством прораба — старичка с бородкой — готовили место для строительства настоящей столовой. За какой-то день участок леса, где по воле командования должен был разместиться 1-й батальон юнг, стал казаться знакомым, обжитым, даже родным.

Место для землянок-кубиков командование выбрало на берегу Банного озера. Работами руководили командиры смен — старшины. В первые дни дела шли нормально. Погода стояла хорошая. Песчаный грунт лопате подавался неплохо. «Если так пойдут дела и дальше — через месяц кубрики будут готовы», — думал я. К сожалению, моим расчетам не суждено было сбыться. На четвертый или пятый день с начала строительных работ пошел дождь, да такой, что старшинам пришлось дать команды о прекращении работ. Успевшие намочнуть юнги забрались в палатки. Надо бы обсушиться, да негде. А тут еще свежий ветерок с моря потянул. Пришлось надеть шинели.

— Зимой запахло? — спросил протиснувшийся в намокшую палатку старшина Воронов. — Она здесь такая — подкрадывается незаметно, приходит рано. А осень

дождями мучает. И в этом году они нас своим вниманием не обойдут. Надо совместно подумать, что мы им можем противопоставить. Строить землянки все равно надо, зима, как говорится, на носу.

Попробовали развести костер, обсушиться возле него — не получилось. Все усилившийся дождь разгореться намокшему сушняку по-настоящему не давал, только шинели намочили.

— Не юнги, а мокрые курицы, — разглядывая нас, уныло сказал Митька Рудаков.

— А ты ростом чуть выше — похож на мокрого петушка, — заметил я. Все засмеялись.

Продолжить работы в тот день не удалось. Одни читали книжки, другие писали письма, третьи, укрывшись мокрыми шинелями, пока была возможность, решили поспать. Даже на ужин идти — и то охоты не было. Пока строились, намочили еще больше. Сделанная нашими руками временная столовая была гожа только для хорошей погоды. При первом же дожде, да еще с ветром, оказалась никудышной. Струи воды потоками стекали прямо на юнг.

— «Золотцем» числится, а такой навес построил, — незлобиво проворчал в мой адрес Сережка Филин.

Видя наше состояние, на вечерней поверке командование постаралось юнг долго не задерживать. Из-за непогоды лечь спать разрешили раньше положенного.

— Упущенное сегодня наверстаем завтра, — решил за всех Воронов.

К ночи наступило похолодание.

— Наверное, ниже нуля, — высказал предположение Гена Мерзляков и подоткнул со всех сторон свое одеяло. А поверх его укрылся еще и шинелью.

Намокшие к вечеру палатки утром оказались промерзшими. Выглянули наружу. Сверху сквозь верхушки деревьев пробивались вселявшие надежду на улучшение погоды лучи северного солнышка.

— Подъем! — раздалась команда дневального Бори Батанова.

— А это еще что за художественное объявление? — с удивлением спросил Гена.

На шесте, державшем на себе всю тяжесть обледелой палатки, все увидели приколотый булавкой тетрадный листок с изображением сидящих вокруг еле тлеющего костра поливаемых дождем юнг. Вид их был плачевен и жалок. Не по росту большие мокрые шинели висели на аниках-воинах, как на вешалках, а головы их имели вид не человеческих, а куриных. Один, повыше ростом юнга с головой, увенчанной петушиным гребешком, примостившись на валуне, кукарекал.

— Темную за такие художества делать надо, — со злостью сказал Митька Рудаков, но его голос утонул в дружном ребячем хохоте.

— Все правильно, на мокрых куриц мы были вчера даже очень похожи, — поддержал я неизвестного художника, догадываясь, что и на этот раз им был наш общий с Митькой дружок Сережка Филин.

Между соснами гулял ветерок. Воздух был свеж. Под ногами шуршала подмерзшая за ночь хилая лесная трава. Но это не помешало старшинам вывести нас на физзарядку раздетыми по пояс. Комплекс упражнений, завершившийся, как обычно, трехкилометровой пробежкой, вселил в юнг бодрость и хорошее настроение. Умывание на берегу озера холодной водой освежило до такой степени, что о вчерашней непогоде и вспоминать не хотелось, тем более, что сизоватый утренний туман, еще недавно нависавший над лесным бором, быстро рассеивался.

Соседняя рота рулевых уже шла на завтрак. Над повеселевшим от солнечных лучей лесом и блестящей гладью Банного озера грянула песня:

Это дело было под Кронштадтом
С комсомольцем, бравым моряком,

В дни, когда военная блокада
Обняла республику кольцом...

Запевалу я узнал сразу. Им был наш земляк Вася Бурков из Добрянки. Рота гремела:

В гавани, далекой гавани,
Пары подняли боевые корабли
на полный ход!

Сразу же после завтрака наша смена отправилась для набивания матрасов и подушек в губу Сосновка, которая встретила юнг такими чудесами, какие едва ли кто из нас видел, а если и видел, то только во сне. Почти рядом со шлюпками на мелководе грелись на солнышке сонные тюлени-самцы, чуть подальше самки играли со своими детенышами. Мы смотрели на них, словно зачарованные, до тех пор, пока Ваня Умпелев вдруг нечаянно не чихнул.

Нежившиеся тюлени пришли в движение, вода в заливе от них забурлила.

— Полюбовались и хватит, — сказал Воронов. — А теперь за дело!

Юнги разбежались по берегу, начали собирать в кучки сухие водоросли и заталкивать их в прихваченные с собой, использовавшиеся до этого в качестве вещевых мешков наматрасники и наволочки.

Потом тащили их в расположение батальона. Обратный путь от Сосновки к палаткам лежал по той же тропинке, которой шли к морю. Но однообразной она нам не казалась. Прошло совсем немного времени со дня нашего появления на островах, а я уже заметил, что любой из соловецких дорог и тропинок можно пройти неоднократно и каждый раз открыть для себя что-то новое, на что прежде не обращал внимания. С изменением времени суток, в разную погоду, при различном освещении одно и то же место и выглядит, и воспринимается по-разному.

Едва уложили туго набитые матрасы и подушки на свои места, как воздух в палатке наполнился неведомым

нам ароматом, напоминавшим смесь йода еще с чем-то незнакомым. Палатка сразу стала казаться низенькой, маленькой. Сережка попробовал с разбегу улечься на свой матрас, но тут же с него скатился — уж очень он был высок и походил скорее не на матрас, а на тугопретуго чем-то набитый мешок.

— Ничего, умнется, — не стал он расстраиваться, — зато спать теплее и мягче будет, не то что на шинели.

Остаток дня ушел на заготовку леса для землянок. Чтобы никому не было обидно и не пропадал интерес к делу, Воронов старался посылать юнг на разные работы. В первый день Боря Батанов, Валя Рожков, Витя Кожихов и я попали на оборудование временного камбуза, во второй — на рытье котлована под землянку, в третий — на заготовку мха для выкладки стен, потом — на заготовку дров для камбуза, а теперь вот на валку леса. Работа не из легких. Вкалывали на ней не одни, вместе с курсантами из Учебного отряда. Для валки выбирали сосны потолще, поровнее. Тут и там, словно дятлы, стучали топоры, на все голоса визжали пилы. Как в наших прикамских лесах, пахло ароматом хвои.

После прогулки к Сосновке и работы в лесу к ужину пришли уставшие, но довольные.

— Дневная норма перевыполнена, — удовлетворенно сказал старшина.

После ужина настроение поднялось еще больше: в батальон впервые пришла почта. Я получил сразу два письма — от матери и Гурьева.

«Теперь, сынок, я уже не на Белой горе, а в Юго-Осокино, — писала мама. — Из дома инвалидов попросилась в колхоз. Просьбу мою уважили. Время такое, что каждая пара рабочих рук, даже таких, как мои, инвалидов, дорога. По мере сил и здоровья работаю в поле. Выращиваем для армии хлеб. Уход в юнги одобряю. Отец твой — Петр Михайлович — отстаивал Советскую власть в годы гражданской войны, тебя благословляю продол-

жить его дело в годы Отечественной. Теперь добровольцами на войну идут многие. Некоторые уходят совсем молоденькими, даже девушки. Из нашего села в ту же школу, что и ты, ушли Миша Мельников и Володя Лев. Если встретишь, передавай им мой материнский привет. Своих родителей они не имеют, как и ты, росли в детдоме. Ребята и воспитатели о них здесь часто вспоминают. А в начале войны куда-то на север, в моряки, подалась совсем молоденькая девчущка по фамилии Мелентьева. В семье ее звали Тасей. Анастасия Александровна. Она перед войной училась на фельдшера. Ее послали работать в больницу, но девчущка рвалась на фронт. Людей кругом не хватает, потому ее не пускали. Когда шел набор девчат-медиков в армию, чтобы не убежала, ее в комнате закрыли под замок, но Тася через окно вылезла, убежала в военкомат и своего добила. А вчера родителям пришло письмо, в котором командование части сообщило, что их дочь вызвалась идти вместе с моряками в десант, в завязавшемся бою была тяжело ранена, в госпитале скончалась и похоронена на севере, в Полярном».

К горлу подкатил комок, дышать стало тяжело, из глаз выступили слезы. «Да ведь это та самая докторша, что осматривала меня во время медицинской комиссии в Соломбале, при случае просившая передать привет моей матери, — понял я. — Выходит, мы с ней уже больше никогда не встретимся...»

Отложив письмо, тут же нашел Мишу и Володю, передал им привет от своей мамы Марии Андреевны, сообщил, что на родине их помнят, гордятся ими.

Письмо от Гурьева с Волги читали вдвоем — с Сережкой Филиным и Митькой Рудаковым.

В отличие от мамы, Гурьев писал обо всем обстоятельно, подробно. Для начала похвалил меня за то, что слово свое я сдержал — моряком стал. «А овладение специальностью радиста — дело времени. Будешь старать-

ся — всего добьешься. Будь спок!» — писал он. Потом сообщил, что у них теперь жарко, даже очень, что их «бычки» — так волжские моряки звали свои бронекатера — сопровождают баржи с важными народнохозяйственными грузами, что они уже открыли боевой счет. Пулеметчик Алим Гамбургский сбил «фоку». Едва на боевой рубке в честь этого события успели нарисовать красную звезду, как он же в ночь на 29 июля расправился еще с одним вражеским пикировщиком. Только за неделю команда катера Карпухина отбила двадцать три воздушных атаки немцев. «Надеюсь, комсомольца Гамбургского и коммуниста Карпухина ты еще помнишь? — спрашивал Гурьев. — А может, и нас с Решетняком и Чернышевым уже забыл? Так вот знай, мы тебя считаем своим, ждем после завершения учебы на Волгу. Приезжай, работы и для тебя хватит!»

Полученные юнгами письма ходили из рук в руки, читались сообща. Из них мы узнали, как наши отцы и старшие братья бьются с врагом, какие слухи доносятся с оккупированных немцами советских территорий, как работают труженики тыла, как, по нашему примеру, в Школу юнг рвутся наши младшие братья. В палатках, на работе только и говорили о том, кто какие вести получил с Большой земли.

Утром в расположении батальона появился начальник Учебного отряда Северного флота генерал-майор Броневицкий. Это была первая встреча юнг с таким высоким начальством. Состоялся митинг по поводу создания Школы юнг. До этого большинство из нас Броневицкого не видели. Зато слышали о нем много. Мы уже знали: он — выходец из потомственной матросской семьи, награжден многими орденами и медалями, в том числе орденами Ленина и Красной Звезды. После нам, юнгам, встречаться с Петром Семеновичем приходилось часто — не только в праздники, но и в будни. Броневицкий запомнился мне как энергичный, грамотный, волевой

командир, не только сам хорошо знающий службу, но и умеющий привить любовь к ней и другим.

В тот, первый раз Броневицкого сопровождал начальник политического отдела Учебного отряда полковой комиссар Гришанов. Этого человека мы узнали чуть ли не в первый час пребывания на Соловках. Он всегда был в гуще моряков. Высокая должность и звание не мешали ему поговорить по душам не только с младшим командиром, краснофлотцем, но и юнгой. Стоило заняться ему нашим батальоном, как тут же в части развернулась работа по созданию партийной и комсомольской организаций, активизировалось оборудование учебных классов. Василий Максимович сердцем и разумом понимал, что от того, с какими знаниями мы выйдем из Школы юнг, во многом будут зависеть наши успехи в смертельной схватке с врагом. Каждое его слово, пусть даже выраженное не в форме приказа, а сказанное дружеским тоном, было для нас законом. Мы знали: Василий Максимович зря ничего не скажет, за его плечами большой опыт. Старшина Воронов рассказывал, что этот человек, будучи батальонным комиссаром, в студеную зиму 1939/40 года водил отряд моряков-добровольцев в бой против белофиннов. При этом моряки, воодушевленные Гришановым, проявили беспримерное мужество и героизм.

Чуткий, внимательный, Василий Максимович заботился о юнгах как о своих собственных детях. Таким он запомнился нам на всю жизнь. Даже много лет спустя, став адмиралом, членом военного совета, начальником политуправления Военно-Морского Флота, не забывал написать знакомым юнгам письмо, поздравить того или иного своего питомца с достигнутыми им успехами. Да и потом, когда Василий Максимович уже давно был в отставке, многие из нас, в том числе и автор этих строк, регулярно получали от него не только поздравительные открытки и телеграммы к праздникам, но и дружеские письма с добрыми вестями, советами и наставлениями.

А в тот памятный день Броневицкий и Гришанов прибыли в расположение батальона для того, чтобы перед началом учебного года сказать юнгам теплые напутственные слова. За давностью времени речи высоких командиров в памяти не сохранились, помню только, что смысл их был примерно таков:

— Дорогие юные друзья! Вот и сбылись ваши мечты. Через несколько дней в школе начнутся регулярные занятия по овладению морскими знаниями. Станет еще труднее, чем сейчас. Будете учиться и продолжать строительные работы. Понимаем, что тяжело, очень тяжело, но таково веление времени. Учитесь настойчиво, старательно. Те из вас, кто будет хорошо учиться, могут быть выпущены на действующие флоты досрочно, а кто получит свидетельства об окончании Школы юнг с отличием, будет иметь право выбора флота. Рапорты о посылке на тот или иной флот следует подать в день начала занятий 1 сентября своим младшим командирам. Они до самого вашего отъезда с Соловков будут храниться в штабе части. Желаем вам стать отличными морскими специалистами! В добрый путь, будущие флотоводцы!

Юнги дружно заулыбались. Броневицкий и Гришанов их за это не осудили. Ходили слухи о том, что даже нарком Военно-Морского Флота Николай Герасимович Кузнецов службу на флоте начинал юнгой. Насколько они соответствовали правде, мы не знали, но хотелось им верить. Не зря ведь говорят: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

Во время обеда Саша Плюсин, занимавшийся топкой печей в здании штаба, сообщил о том, что побывавшее в батальоне высокое начальство осталось недовольно нашим внешним видом.

— Бескозырки без ленточек, шинели не по росту, у некоторых без пуговиц и хлястиков. Не моряки, а оборванцы какие-то, — выговаривал якобы генерал начальнику школы. — Даю десять дней сроку. За это время

форма юнг должна быть приведена в полный порядок. С материка доставлены большие партии шинелей, бескозырок, ботинок малых размеров, флотские ремни и ленточки. Большую часть обмундирования заменить, а тем, кому оно не подойдет, подогнать в мастерской Учебного отряда. В кремле эта работа уже проведена...

Внешний вид большинства юнг действительно не поддерживал никакой критики, но мы, целыми днями занимавшиеся строительными и камбузными работами, с этим уже смирились. Одеться получше, походить на настоящих моряков нам, конечно, хотелось, но при выполнении таких работ, как трелевка леса, чистка картошки и рыбы, новая форма была вроде бы даже и ни к чему. Тем не менее приказ командира Учебного отряда стал выполняться незамедлительно. Через два дня рота радистов была полностью переобмундирована. Почти все юнги получили шинели и бескозырки, сшитые специально для Школы юнг. Об этом, выполняя приказ наркома, позаботилось Главное управление портов Военно-Морского Флота. Теперь без стеснения можно было не только в строй вставать, но даже в увольнения ходить. Правда, ходить-то было некуда. Разве что в кремль, но туда отпускали или посылали только по неотложным делам. Огорчало лишь то, что вместо ленточек с надписью «Северный флот» или, на худой конец, «Учебный отряд Северного флота», какие мы рассчитывали иметь, получили ленточки с прозаическим текстом. У одних «Школа юнгов ВМФ», у других просто «Школа юнгов». Не было и косиц с нравившимися нам красочными якорями. Вместо них непривычные для глаза бантики. При надевании ленточки на бескозырку они оказывались с правой стороны, повыше уха.

— Не моряки, а мальчики с бантиками, — взглянув на юнг с высоты своего, по сравнению с нами, солидного роста, хмыкнул опять Митька Рудаков. — Школа юнгов... Школа юнгов... Братцы, да ведь тут ошибка. Надо

было оттиснуть не «Школа юнгов», а «Школа юнг» или «Школа юнг ВМФ».

Кто из изготовителей ленточек был не в ладах с русским языком, мы тогда, конечно же, не установили. А то, что бывший отличник Очерской средней школы Митя Рудаков прав, после подтвердил и преподаватель русского языка и литературы Школы юнг Павел Павлович Вишнев. Впоследствии ошибку исправили, и юнги следующих наборов на своих бескозырках носили ленточки с надписью «Школа юнг ВМФ».

Новая, хорошо подогнанная форма преобразила нас неузнаваемо. Все ревностно ухаживали за ней. Выкраивая немногочисленные свободные минуты, до ослепительного блеска драили бляхи ремней и пуговицы шинелей, с нетерпением ждали своей очереди на единственный на всю роту паровой утюг. Потерявшие надежду его дожидаться позаимствовали у одной из местных хозяек доставшийся ей, наверное, в наследство от соловецких монахов чугунный утюг, разогревали его на камбузной плите (кок Московский, сам большой щеголь, ходивший в брюках-клеш, это милостиво разрешал) и до полного охлаждения елозили им по недавно полученным со склада суконным брюкам.

Любивший содержать свою форму в образцовом состоянии Сережка Филин однажды притащил с камбуза выдранный из ящика из-под консервов кусок фанеры, хитро мне подмигнул.

— Немного потрудимся, и стрелочки на брюках будут обеспечены.

Он достал из-под набитого морскими водорослями матраса привезенный еще с гражданки перочинный ножик, вытащил из вещевого мешка брюки, отбросил матрас на постель соседа, разостлал брюки на досках нар и выкроил из фанеры что-то похожее на две штанины, только чуть пошире их.

— Режь, должно получиться два клина, — подавая

нож, приказал мне друг. — Смочим внутри места складок мыльной водичкой, вставим клинья в брюки и на ночь положим под матрас. К утру брюки без особого труда и утюга под тяжестью тела будут как выглаженные. Уловил? — подражая командиру роты, спросил Филин.

Идея друга пришлась мне по душе. Скоро гладить брюки подобным способом стали не только мы с Сережкой, но и Боря Батанов, Витя Кожихов, Валя Рожков и даже юнги других рот.

Командиры рот были довольны — подчиненные стали ходить в хорошо отутюженных брюках. Не знаю, догадывались ли они, как мы этого добивались, а вот нашего командира смены Воронова, похоже, было не провести. Глядя на стрелочки наших брюк, он пока ничего не говорил, только хитро улыбался. «Наверное, сам когда-то делал так же», — думали мы.

Между тем командный состав батальона с каждым днем все больше обращал внимание на внешний вид юнг. Особенно строго с этим стало после введения строевой подготовки. На первых порах командиры смен для нее использовали в основном только наши переходы из расположения палаточного городка и района строительства землянок на завтрак, обед и ужин, к камбузу и обратно. Потом для строевой подготовки стало отводиться специальное время.

Перед началом учебного года в школе появилось много новых командиров и преподавателей. Ныне, через столько лет, всех и не припомнить. Остались в памяти капитан 2-го ранга Сорокин, капитаны Коржов, Богданов, Назаров, Пукемов, старшие лейтенанты Нечитайло, Соловьев, Ахмедов, мичманы Астахов, Пестов, Селезнев, Громов. У юнг роты радистов особым авторитетом пользовался командир смены, он же парторг роты, старшина 2-й статьи Карачев. Был он строг, но справедлив. К тому же замечательный радист. Будучи человеком начитанным, с широким кругозором, он даже о самых сложных

вопросах международного и военного положения умел говорить ясно и просто. На строительстве землянок первым брался за лопату или кирку, подставлял свое плечо под самое тяжелое бревно. Учил нас не только словом, но и делом, силой личного примера. Это нам нравилось. Признаюсь, многие из нас хотели быть хоть чуть-чуть на него похожими.

Пусть не обидятся на меня бывшие юнги других рот, в чьи руки попадет эта книга, за то, что я больше рассказываю о командирах роты радистов, почти не упоминая других. В силу разделения нас на смены, роты, батальоны, я, естественно, знал их меньше, чем своих непосредственных начальников. Надо отметить, что военный совет Северного флота постарался подобрать в Школу юнг исключительно толковых командиров и преподавателей, имевших большой боевой и педагогический опыт, ведь им предстояло дать нам не только прочные специальные знания, привить любовь к морю, морским профессиям и традициям, но и во многом заменить родителей. Командиры и преподаватели в своей работе с нами были вынуждены учитывать наш возраст. Хотя юнги и надели морскую форму, но оставались по сути еще мальчишками. От них можно было ожидать всякого — от героических поступков до самых обыкновенных детских шалостей и баловства.

Припоминается смена № 43 роты корабельных электриков, в которой проходил службу выходец из Краснокамска, ныне пермяк Ваня Семенов, близко сошедший с кировчанином, впоследствии ставшим пермяком, Сашей Плюсниним и будущим Героем Советского Союза юнгой Володей Моисеенко. Ребята в смене подобрались толковые, работающие, любознательные. Душой их был командир отделения старшина 1-й статьи, в недавнем прошлом подводник, награжденный за участие в боях на Балтике медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» Михаил Щербаков. Мальчишки любили его за справедливость, за-

боту и умение отстаивать ребячьи интересы перед командиром роты.

Бывало, разойдутся смены в разные концы острова на строевые занятия, и вдруг совсем неожиданно и не совсем уместно издалека донесется:

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С Мишкой Щербаковым
Не приходится тужить...

Все знали, что это электрики из 6-й роты во главе со своим запевалой, бывшим участником художественной самодеятельности Краснокамской школы Ваней Семеновым прославляют полюбившегося старшину. И будет юный уралец, страстно хотевший походить на своего командира, петь вместе со всей сменой эту песню до тех пор, пока не последует сердитая команда ее героя:

— Отставить!

Ростом Ваня был невелик, но строен, крепок. Припоминается его первый выход на боевой пост в Савватиево. Не с учебной винтовкой, а настоящим боевым оружием. Дело было поздней осенью. На Соловках уже выпал снег. Ночь выдалась морозной, лунной. Стоял под грибком, что по дороге от штаба в расположение батальона, возле склада горюче-смазочных материалов. Северный мороз щипал уши, нос, щеки, нахально забирался под тулуп, шинель, фланелевку и даже тельняшку. Но ничего этого паренек не замечал. Шутка ли — он на посту: весь внимание. Однако как ни всматривался в лесную чащобу, тень через дорожку, проходившую неподалеку, мелькнула неожиданно, да так быстро, что Семенов даже не понял, кто или что это.

— Стой! Кто идет? — крикнул часовой и тут же плюхнулся в снег, изловившись к стрельбе.

Кругом тишина: ни шороха, ни звука. «А правильно ли я поступил? Под грибком телефон — можно было по-

звонить в караулку, вызвать помощь. Нет, сам задержу!» — твердо решил Семенов. Сколько он лежал без движения в колючем от мороза снегу, неизвестно, только околел порядочно. Но не сделал ни одного движения, не издал ни единого звука.

Но что это? Отдаленные шаги? Кто-то идет. Кажется, по тропке... Да. Точно.

— Стой! Кто идет?

К счастью, свои.

— Начальник караула — ко мне, остальные на месте! — строго командует юнга.

Доклад о мелькнувшей тени времени много не занял. И вот уже командир и юнга осматривают место происшествия.

— След лисы, — твердо говорит начальник караула. Убеждается в этом и юнга.

В тот день на вечерней поверке командир роты объявил Семенову благодарность. После за отличное несение караульной службы удостоивались поощрений многие из нас. Но пример бдительности на боевом посту первым показал все же Ваня, потому, наверное, случай, происшедший с ним, запомнился больше других.

Приказ наркома Военно-Морского Флота обязывал: «Школу укомплектовать юношами, комсомольцами и не-комсомольцами в возрасте 15—16 лет, имеющими образование 6—7 классов, исключительно добровольцами...» Мальчишкам военной поры не все в этих строках нравилось. Почему юнге должно быть 15—16 лет? А если ты младше? Ведь даже голопузые дошколята, играя в войну, стреляли по бандюге Гитлеру. Спроси такого вояку, хочет ли он пойти добровольцем в юнги, и тот бы, не задумываясь, ответил «да». А ребят постарше и спрашивать не стоило. Узнав о наборе в Школу юнг, в военкоматы и райкомы комсомола приходили и те, кто совсем недавно окончил 5, а то и 4 класса, кому до определенного приказом возраста не хватало по году, два, три.

Строгие отборочные комиссии таких добровольцев возвращали домой к матерям. Но были и исключения...

Однажды командование батальона решило проверить личные вещи юнг. С какой целью это было предпринято, в ту пору никто из юнг не знал. Ничего особенного не обнаружили. Но для одного из юнг безобидное мероприятие чуть не обернулось отчислением из школы. Случилось это с юным пермяком Юрой Борисовым. Мысль попасть на фронт и отомстить за раненого отца, Михаила Матвеевича, не покидала мальчика с 13 лет. После просмотра кинофильма «Мы из Кронштадта» Юра твердо решил стать военным моряком. Как-то, поджидая с работы мать — Анну Ивановну, паренек увидел вышедшую из обкома комсомола группу моряков. Это были посланцы Северного флота, приехавшие в нашу область для сопровождения будущих юнг на Соловецкие острова. Юра тут же решил стать юнгой. Всеми правдами и неправдами через военкомат и родителей своего добился. Было мальчишке в ту пору... 14 лет. Может, тайна юнги так бы и осталась никому неизвестной, да подвела злополучная проверка вещей. Старшина, построив юнг, велел всем положить свои вещи стопкой перед собой. Когда его приказание было выполнено, пошел вдоль строя, наметанным глазом смотря то на юнгу, то на его вещи.

Казалось, ничто не предвещало беды. Но вдруг командир остановился, нахмурился, сначала с удивлением посмотрел на очередную стопку юнгатского обмундирования, потом на ее владельца и спросил:

— А это еще что такое?

— Предметы формы одежды, — четко ответил Юра.

— Я спрашиваю о том, что находится в середине...

— Это галстук.

— Какой еще галстук?

— Пионерский, — заикаясь, ответил смутившийся юнга. — Я пионер... Не мог же я его оставить дома или в бане при переобмундировании...

— А лет тебе сколько?

Юра покраснел и замолчал.

Приписавшему себе лишние годы юнге пришлось держать ответ не только перед старшиной, но и командиром роты, батальона и даже начальником школы. И быть бы ему отчисленным, если бы за мальчишку не заступился все тот же старшина смены, проверявший вещи юнг. Совсем неожиданно Юра нашел защитника и в лице заместителя командира батальона по политической части Калинина.

Николай Максимович пришел в Школу юнг в сентябре 1942 года. Недавний фронтовик юнгам понравился сразу. Коренастую, небольшого роста фигуру капитана с двумя орденами Красной Звезды на кителе можно было видеть везде, где работали юнги: на повале и трелевке леса, на рытье котлованов и строительстве землянок, на занятиях по строевой подготовке и возле обогревавшего юнг костра. Митька Рудаков где-то проведаль, что награды замполит получил за личный героизм и умелое командование ротой разведчиков морской пехоты на полуострове Рыбачьем, а в Школу юнг приехал из госпиталей.

С приходом этого человека в батальоне многое изменилось. В сменах были созданы комсомольские группы, избраны группкомсорги, в ротах появились комсомольские организации. Я, по предложению Игоря Лисина, поддержанному Борей Батановым и Витей Кожиховым, стал членом бюро, а потом и секретарем комсомольской организации роты.

— Ты у нас «золотце», вот и оправдывай свое драгоценное имя, — сказал мне Сережка.

Игорь вошел в состав комсомольского бюро батальона. Филин возглавил редколлегия стеной газеты. Боря, любивший спорт, стал во главе футбольной команды. Витя был определен агитатором.

Некоторые, ссылаясь на неумение вести комсомоль-

скую работу, пытались отказаться от общественных нагрузок.

— Доверием комсомольцев надо гордиться, — сурово заметил капитан Калинин, а на следующий день собрал комсомольский актив в одном из будущих классов школы.

— Активистами не рождаются, ими делаются. Будут неясности — приходите ко мне, как говорил Чапаев, в полночь и за полночь. Чем могу — помогу. Главное — не хныкать!

Утром следующего дня на доске объявлений батальона появился призыв: «Не хныкать!»

Так отреагировал на инструктаж комсомольских активистов только что избранный редактор стеной газеты Сережка Филин.

Постепенно это слово стало для юнг своеобразным девизом. Им пользовались, когда надо было поднять настроение юнг.

Поистине магическое воздействие на нас производило также широко используемое Вороновым слово «Надо!»

Однажды на строительстве одной из землянок, когда рабочий день уже подходил к концу, для наката последнего ряда не хватило двух ошкуренных бревен.

— Завтра уложим, — предложил Умпелев. — Сегодня уже устали.

— Не хныкать! — скомандовал Гена Мерзляков. — Надо, значит, сделаем! Не оставляй на завтра, что можно сделать сегодня. Слыхал такую пословицу?

Гену поддерживали Ванька Рожков и Игорь Лисин. И юнги, сообщив ошкурив бревна, уложили-таки последний ряд.

Или еще такой случай. В соловецких лесах было много брусники.

— Варенье бы из нее сварить! — как-то мечтательно сказал Боря Батанов.

— Можно не только для себя, но и для бойцов бли-

жайшего госпиталя, — уточнил мысль друга Витя Кожихов. — Раненые от него тоже бы не отказались.

Неожиданно родившаяся идея пришлась по душе и другим юнгам.

«Дело хорошее, нужное. Надо, значит, надо. Насобираем!» — решили комсомольцы.

Для ускорения сбора ягод Сережка Филин соорудил специальную машинку. Конструкция ее была проста: обыкновенный совок с тонкими проволочными пальцами на переднем конце. Похожие машинки для сбора брусники местные старожилы называли брасновками. Стоило сделать таким совком два-три взмаха по кустам брусники, и он уже полон. Дунешь — листья слетят, в совке останутся только ягоды...

Таковыми же машинками для сбора ягод обзавелись Жора Бриллиантов, Игорь Лисин, Боря Батанов, Валя Рожков, Витя Кожихов, Гена Мерзляков, я, многие ребята из других рот.

Через несколько дней юнги после завершения рабочего дня отправились в лес. Час дружной работы, и решение комсомольского бюро о сборе ягод для госпиталя было выполнено.

Близость Полярного круга накладывала свой отпечаток не только на соловецкую флору, но и местный климат. Дождливая, с временным похолоданием погода опять уступила место солнечным дням. В середине августа выдались настолько теплые деньки, что командование даже ввело для юнг обязательное купание. На берегу озера была сооружена вышка с тремя, одна выше другой, досками, прыгая с которых, юнги учились правильно нырять. Сначала почти все плавали только по-собачьи или саженками, а потом под руководством старшин начали осваивать стили кроль, брасс, баттерфляй. На купание обычно отводилось двадцать минут.

Строительные работы в погожие дни велись почти весь световой день. Командование рассудило правильно:

«Пусть юнги в хорошую погоду поднажмут на работах, своевременно сделают землянки, а потом приналягут на освоение своих специальностей, строевую, тактическую подготовки и другие дисциплины».

При поступлении в Школу юнг я по наивности думал, что освою прием на слух, передачу на ключе — вот и готовый специалист, вот и моряк. На деле же вышло совсем не так.

Однажды на специальном щите, где вывешивались приказы командования и сводки Советского информбюро, появилось объявление, извещавшее о том, какие дисциплины предстоит изучать будущим радистам. Я чуть за голову не схватился. В списке было перечислено 17 предметов, в том числе 6 чисто специальных: электротехника, радиотехника, материальная часть, прием на слух, передача на ключе и практическое несение радиовахт. Предстояло освоить военно-морское дело, заняться строевой и стрелковой подготовкой, познать уставы, как в обычной общеобразовательной школе, изучать русский язык, математику, физику, географию, черчение.

На новый распорядок дня, предусматривавший освоение флотских специальностей, овладение воинскими навыками и продолжение строительных работ, мы должны были перейти с 1 сентября. А пока с утра до вечера, лишь с перерывами на обед и ужин, проводили время в лесу или на строящихся объектах. Количество их возросло. Теперь уже возводили не только землянки, но еще и клуб, столовую, помещение для электростанции. Погода работам пока благоприятствовала. Зато все чаще стали мешать фашисты. С наступлением осени немцы усилили бомбежки Архангельска. Над Соловками то и дело появлялись немецкие бомбардировщики, летевшие то в сторону Архангельска, то обратно. Воздушные тревоги следовали одна за другой. Сначала они нас пугали, но мы быстро к ним привыкли. Иногда даже не прекращали строительные работы. Так длилось до того дня, когда,

как мы после узнали из сообщений радио, отогнанные от Архангельска зенитным огнем и истребительной авиацией немецкие воздушные пираты, убираясь восвояси, не истратили весь запас оставшихся бомб на Соловецкие острова. Фашистские летчики сбрасывали их куда попало. Немало бомб угодило в многочисленные соловецкие озера. Одна из них упала возле стен кремля, но по какой-то причине не взорвалась. Краснофлотцы Учебного отряда ее обезвредили, и бомба потом долгие годы стояла неподалеку от кремля на берегу Святого озера.

После этого случая немцы стали поступать подобным образом все чаще и чаще. Похоже, фашистское командование как-то проведало о размещении на островах новой воинской части, готовящей кадры будущих военных моряков. По поводу участвовавших вражеских налетов среди юнг ходила даже такая прибаутка:

— Везу, везу, везу, — гудят немецкие самолеты.

— Кому? Кому? Кому? — рывкают наши зенитки.

— Вам! Вам! Вам! — отвечают рвущиеся бомбы.

А жизнь между тем шла своим чередом. Котлованы для землянок были уже вырыты. Юнги подналегли на заготовку строительных материалов. Навалив в достатке деревьев, обрубив с них сучья, начали доставлять бревна к месту будущих землянок. Делать это приходилось на себе. Лошадь была занята на подвозе продуктов и кирпичика для кладки печей. Машина часто стояла в ремонте. Да на ней в лесосеку все равно было бы не заехать — кругом торчали пни от поваленных деревьев. Пришлось бы делать специальную дорогу, а на это ушло бы много времени, ведь рельеф Соловецких островов — довольно неровный, изобилующий спусками, подъемами, валунами, многочисленными озерами и торфяными болотами. Для переноски сваленной лесины к месту расположения роты под нее подлезало десяток, а то и больше юнг. Рослые, здоровые ребята — Саша Плюснин, Иоллий Горячев, Митя Рудаков, Ваня Неклюдов, Валя Рожков да

Верзила — таскали бревна обычно вдвоем на пару со старшинами. А мы, мелкота, облепливали любую, даже самую тонкую лесину, как муравьи. Стоило кому-либо из юнг запнуться за пенек или еще за какое-нибудь препятствие, как тут же сбивался ритм шага и у других. Из-за одного споткнувшегося, бывало, падало несколько человек. Тут уж только берегись: как бы не придавило. Однажды случилось и такое: последним не устоял на ногах шедший сзади Миша Мельников. Падая, лесина пошла как раз в его сторону, и он попал под нее.

— На помощь! — закричал не на шутку испугавшийся за жизнь своего товарища Мишин дружок по Юго-Осокинскому (ныне Калининскому) детскому дому Володя Лев. Первым подскочил Саша Плюснин.

— Сюда! Сюда! — кричали и другие юнги, но мальчишка был уже вне опасности. Снежный покров оказался достаточно глубоким. К тому же Миша не устоял на ногах из-за того, что ступил в случайно попавшее под ноги болотное углубление, какие обычно бывают между кочек. Конец бревна, который он держал, угодил на скрытый под снегом пенек. Между бревном и землей, таким образом, образовалась засыпанная снегом пустота, спасшая Мельникова от неминуемой, казалось, беды.

Отработав день на строительстве, смены по очереди назначались в наряд по камбузу. С наступлением похолодания камбузные работы становились не такими уж легкими. Больше всего мучали чистка картошки и рыбы. Клубни стали завозить грязные, подмерзшие, обледенелые. Чистили их прямо на улице. На пронизывающем ветру мерзли не только руки, но и ноги. А обработать надо было немало — на сутки двенадцать-тринадцать мешков, то есть на каждого по полмешка. Начищенную картошку необходимо было вымыть в чистой озерной воде, а она с каждым днем становилась все холоднее и холоднее. После такой работы на ветру, а то и под дождем или снегом руки юнг обветривались, трескались.

А если еще приходилось заниматься рыбой — обычно это была треска, завозимая в бочках, — то их к тому же разъедало солью. Поэтому было неудивительно, что идти в наряд по камбузу юнги особого желания не испытывали. Опять стали появляться сачки. Кок Московский, по своей комплекции очень схожий с Санчо Пансо, таких помощников не любил, наказывал их строго и изощренно.

Однажды, обходя свой «боевой пост» — территорию камбуза, неподалеку от нее, за кустом, заметил двух юнг, назначенных к нему в наряд. Ими оказались два Миши — Мельников и Кагокин. Мальчики, вместо того чтобы помогать другим в выполнении камбузных работ, затеяли игру в «морской бой».

— У вас что, работы нет? Так я найду, — сказал с улыбкой кок. — Вкусные блинчики когда-нибудь стряпали?

— Никак нет! — дружно ответили юнги.

— Могу научить...

Зашедший на камбуз командир батальона Пчелин застал юнг уже за «делом» — один рубил на доске муку, другой — пропускал через мясорубку воду.

— Для чего вы это делаете? — спросил командир.

— Чтобы блинчики вкуснее были, — не подозревая, что над ними подшутили, со слов кока ответили ребята.

Было это 16 августа 1942 года.

— Этот случай, — вспоминал позже Миша Кагокин, — широкой огласки не получил, потому как на завтра произошло гораздо более важное событие.

Я, сын трудового народа...

Утром того дня Воронов сообщил нам важную новость — командование Учебного отряда и Школы юнг обсуждает сроки принятия юнгами военной присяги. Мнения разделились. Одни считают это преждевремен-

ным — возраст юнг непризывной, усматривают в подобном мероприятии нарушение положения о прохождении службы в Военно-Морском Флоте. Другие — наоборот, необходимым, ведь юнги с первых дней пребывания на Соловках в тяжелых условиях выполняют все обязанности срочнослужащих: несут караульную и гарнизонную службу, обеспечивают оборону и охрану военных объектов. Окончательное решение должен был принять генерал-майор Броневицкий. Он сказал: «Школа юнг, входящая в Учебный отряд, находится в пределах оперативной зоны действующего Северного флота. За спиной каждого юнга, как и краснофлотца, старшины и нас с вами, не только охраняемые военные объекты, но и вся страна, которую он должен защищать умело, мужественно, не щадя своей крови и самой жизни, а это — требования военной присяги. К тому же юнги их в силу сложившихся обстоятельств уже выполняют...» Командир батальона капитан-лейтенант Пчелин и замполит капитан Калинин придерживались такого же мнения.

— Первыми принимать присягу будут «корабельная интеллигенция» — радисты. Готовьтесь, — предупредил старшина.

Эта новость облетела не только радистов, но и другие роты. Юнги решение Броневицкого приветствовали, ходили именинниками: «Наконец-то и мы станем полноправными воинами».

Потом, когда я брал в руки свой офицерский военный билет и видел в нем дату принятия присяги «17 августа 1942 года», то неизменно вспоминал, как все это было.

День выдался теплым, солнечным. Юнги на линейке стоят подтянутые, радостные. Рядом со мной чувовляне Валя Рожков, Боря Батанов и Витя Кожихов. Пуговицы наших шинелей и бляхи ремней начищены до ослепительного блеска. Даже рабочие яловые ботинки и те на солнце сверкают.

Со стороны штаба появилась группа командиров.

— Смирно! — кричит командир роты. — Равнение направо!

Руки у всех по швам, головы моментально рынком поворачиваются вправо.

Старший лейтенант Дубовой докладывает начальнику школы о том, что 2-я рота для принятия военной присяги построена.

— Здравствуйте, товарищи юнги!

— Здравсь, товарищ капитан третьего ранга! — как бы вторя юнгам, несется эхо над лесами и озерами островов.

Вместе с Ивановым перед строем стоят командир батальона Пчелин, замполит Калинин, комроты Дубовой, парторг Карачев, преподаватели Нечитайло, Пестов, Астахов, Громов и другие... А кто другие, я уже и не помню.

— Товарищи! — торжественно обращается к нам начальник школы. — Сегодня у вас незабываемый день. Давая клятву храбро защищать свое социалистическое Отечество, вы возлагаете на себя большие ответственные задачи...

К накрытому темно-красным сукном столу юнг вызывали по алфавиту.

— Я, сын трудового народа... — взяв со стола текст присяги, четко читает Боря Батанов.

Вроде бы ничего страшного: читаешь текст присяги, ставишь свою подпись — и все. Но почему я так волнуюсь? Отчего так бьется сердце? Присяга... Совсем недавно, наверное, вот так же давала клятву на верность Родине, своему народу моя землячка докторша Анастасия Мелентьева, а сейчас ее уже нет в живых, пала смертью храбрых в борьбе с врагом.

В торжественной тишине подходят к столу Вадик Василевский, Витя Кожихов, Игорь Лисин...

— Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского

правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик...

Подошла и моя очередь. Услышав свою фамилию и коротко ответив: «Есть!», подхожу к столу. Как я прочел этот документ, как расписался, по-моему, я и тогда не помнил, не то что сейчас.

— Военная присяга зовет вас с честью и достоинством выполнять почетный долг воина. Будьте всегда верны своей клятве! Овладевайте военным делом настоящим образом, как завещал великий Ленин, защищайте свою Родину до последнего вздоха! Доброй вам службы, товарищи юнги! — сказал нам на прощание начальник школы.

Именно «на прощание», ибо капитан 3-го ранга Николай Иванович Иванов, тяготясь своей «мирной» должностью, добился, как мы узнали, перевода на действующую Беломорскую военную флотилию.

В этот день я был так взволнован, что долго не мог успокоиться. А когда все же справился со своим, доселе небывалым, состоянием, захотелось, как говорится, излить душу на бумаге. Решил завести дневник. Вечером, перед отбоем, в нем появилась первая запись.

«17 августа 1942 года.

Сегодня у меня день особенный. Вместе со своими товарищами принял военную присягу. Все было так торжественно, что даже мурашки по коже пробегали, точь-в-точь, как в тот день, когда перед строем зачитывали суровый приказ наркома обороны, смысл которого — «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» Наверное, эти два дня я запомню на всю жизнь.

Служу на флоте уже два месяца, а по-настоящему военным стал только сегодня. Постараюсь служить честно, ведь я комсомолец-доброволец. Это ко многому обязывает».

Дальнейший рассказ о службе прикамских мальчишек в самой молодой по возрасту воинской части времен

Отечественной войны я буду вести с учетом записей в этом дневнике, судьба которого, как и юнг, тоже не совсем обычна. Чтобы внести ясность, познакомлю читателя с его последней записью, относящейся к 29 августа 1943 года:

«Дали клятву Родине. (Речь идет не о принятии военной присяги, а о клятве, какие в годы войны давали советские воины, идя в очередной бой с врагом. — Авт.) Поклялись, придя на флот, бить врага до полной победы. Ни в годы войны, ни в мирное время не позорить чести воспитавшей нас Школы юнг. Уверен, клятва будет выполнена. А еще... Еще нас предупредили о бдительности. Запрещено брать с собой всякие записи, конспекты... Жаль. Как же быть с дневником? Спрятать, что ли? Скоро будем разъезжаться. Наконец-то! Здравствуй, флот!»

Судьба дневника была решена просто. Во время ужина в последний день пребывания в Савватиево совсем случайно попала на глаза трехлитровая банка с хорошей герметически закрывавшейся крышкой. Мелькнула мысль: «Вот то, что надо». Из приключенческой литературы я знал, что бывали случаи, когда моряки документы с важными сведениями закупоривали в бутылки и бросали их в море. Кок Московский в предвыпускные дни был к нам особенно милостив (ведь мы шли на боевые корабли), поэтому банку взять разрешил. Тетрадь с записями была завернута в прорезиненный кусок ткани и засунута в банку. Ее я закрыл крышкой, завернул в другой такой же кусок ткани и спрятал под валуном на одном из многочисленных, не заливаемых весной водными водами холмиков на берегу Банного озера. Там она пролежала 32 года, пока в 1975 году во время пребывания на Соловках делегатов Всесоюзной встречи юнг не дождалась своего хозяина.

Место «клада» было найдено не без труда, да и то только с помощью Саши Плюснина и Игоря Лисина.

Тетрадная бумага от времени пожелтела, стала хрупкой, записи повыцвели. Но кое-что разобрать было можно. Пусть теперь они послужат путеводной звездой в дальнейшем повествовании о моем боевом детстве.

...В погожие августовские дни работы на строительстве землянок шли полным ходом.

Пожалуй, самым трудным делом было рытье котлованов. Длина их достигала 14 метров, ширина 6 метров. Часто попадались валуны. Встречались среди них и такие, что для того, чтобы их вытащить из котлована, мало было и двадцати человек. Сначала такую махину обкалывали со всех сторон, рычагами выворачивали на катки. Затем подводили тросы и под «Дубинушку», как в давно минувшие века, по каткам вытаскивали из котлована. Наваливались на глыбу, как говорится, всем миром. Все делалось вручную. Уставали быстро. Неокрепшие детские организмы при таком большом расходе энергии требовали ее быстрого восстановления. Время же было тяжелое. Питание, хоть и лучше, чем дома, но строго нормированное. Пищи хватало лишь на то, чтобы не чувствовать себя голодным.

Нагрузки же увеличивались с каждым днем. Участились налеты вражеской авиации. Немцы бомбили Соловки часто и беспорядочно. Особенно донимали ночные налеты. По воздушной тревоге многие из нас должны были бежать на боевые посты к зенитным батареям, которые располагались за два-два с половиной километра от палаток. Пока по осенней распутице, а позже по снегу доберешься до них, бывало, налет кончался. Уставшие, мокрые, замерзшие возвращались в свои провисшие, почти никогда не просыхавшие палатки, подтягивали их и опять забирались под влажные от повсеместной сырости отяжелевшие одеяла. Пробовали заснуть, но от только что пережитого удавалось это не многим. К тому же до команды «Подъем!» обычно было уже недалеко.

Нелегко приходилось в осенние дни 42-го и жителям

поморской твердыни. По рассказам бывавших в Архангельске командиров и зачитываемых на линейке капитаном Калининским сводок Совинформбюро мы знали, что только за один налет фашисты сбрасывали на город до десятка-двух тысяч зажигательных и фугасных бомб. Пожары охватывали целые кварталы.

Большой налет вражеской авиации на Архангельск был совершен в ночь на 1 сентября. Во время бомбежки был полностью разрушен лесотехнический институт. Отогнанные зенитной артиллерией вражеские самолеты оставшийся запас бомб сбросили на Соловки. В ряде мест возникли очаги пожаров, но краснофлотцы из Учебного отряда и юнги их быстро ликвидировали. А утром, как ни в чем не бывало, состоялся митинг по поводу начала занятий в Школе юнг. Выступивший на нем начальник гарнизона генерал-майор Броневицкий сказал:

— Пусть враг не надеется, что способен помешать нам до конца выполнить приказ командования о подготовке кадров для Военно-Морского Флота. Занятия в школе начинаются точно в назначенный день. Будем строить и учиться, а если потребуется, отражать и атаки врага, откуда бы они ни исходили — с суши, моря или воздуха.

Не обескуражили вражеские налеты и архангелогородцев. Даже работники разрушенного института продолжали выпускать военную продукцию: в уцелевшем гараже делали зажигательную жидкость, гремучую ртуть и противохимические пакеты. Мастерские института давали армии лыжи и мины. Одна из партий их лыж к началу зимы поступила в Школу юнг, что позволило нам делать многокилометровые переходы, организовывать лыжные соревнования.

Когда строительный лес, тес, мох для будущих землянок были заготовлены, стали накатывать стены, ставить стропила, крыть крыши, засыпать землянки землей и обкладывать дерном.

Потом началась отделка кубриков изнутри. Стены и

потолки обивались тесаными досками. Струганым был и пол. По бокам землянки в три этажа сделали нары. С одной стороны — 18 и с другой — 15. В глубине, посередине землянки, еще 9 нар и у входа — 6, которые мы звали «шестеркой». За ней установили «буржуйку». Перед входом сделали тамбур с кладовкой для дров и уборочного инвентаря.

Мне и Гене Мерзлякову, как немного знакомым с электрорадиотехникой, пришлось помогать нашим преподавателям Пестову и Астахову в оборудовании классов, где предполагалось в ближайшие дни начать обучение будущих радистов приему на слух и передаче на ключе.

На первый взгляд, главные старшины друг на друга вроде бы совсем не походили. Миша Пестов — черноволос, Астахов — наоборот, имел светлую шевелюру. Первый спокоен, уравновешен, второй — темпераментен, иногда даже вспыльчив. Но, несмотря на всю свою несхожесть, они как бы дополняли друг друга. Ребята это заметили, какой-то чудак из нашего юнгашеского братства даже любовно окрестил их одним общим именем «Милеша Пестых».

Под их чутким руководством мы целыми днями привинчивали к столам телеграфные ключи, устанавливали розетки, в которые на уроках должны были включаться наущники. Даже самые поверхностные знания по радиотехнике, умение правильно держать ключ теперь мне оченьгодились. Однажды, сделав свое дело, я взялся за ключ и стал выстукивать буквы алфавита. Пестов и Астахов сразу же обратили на это внимание.

— Азбуку Морзе знаешь? — с удивлением спросил Пестов.

— Откуда? — подал голос и Астахов.

Пришлось рассказать о побеге к морякам на Волгу.

— У них сейчас там очень тяжело.

— Меня они тоже туда зовут, — сообщил я и показал полученное от Гурьева письмо.

— Дельный совет, — прокомментировал его Пестов.

— Сегодня будете писать заявления с просьбами о посылке после учебы на флота и флотилии. Просись на Волгу, — посоветовал Астахов.

— А как оно пишется?

— Садись, продиктуем! — в один голос предложили свою помощь старшины.

«На Волге идут ожесточенные бои. Хочу быть в рядах защитников легендарного Сталинграда. Прошу после окончания Школы юнг Военно-Морского Флота откомандировать меня в состав действующей Волжской военной флотилии», — написал я под их диктовку и поставил свою подпись и число «1 сентября 1942 года».

Вечером того же дня заявление было отдано старшине смены Воронову.

Служба продолжалась. О том, как она шла, в какой-то мере рассказывают записи в дневнике:

«12 сентября 1942 года.

Выпустили боевой листок — пропесочили сачков».

«13 сентября 1942 года.

«Сачки дуются, но на работу вышли. Старшина похвалил за проявленную инициативу».

«17 сентября 1942 года.

Начали создавать самодеятельность».

Интересная штука — память. Кто были теми сачками, которых мы пропесочили, вспомнить никак не могу. Зато отлично помню, что первый боевой листок по просьбе комсомольского бюро оформил Сережа Филин. Последующие в нашей смене выпускал Игорь Лисин. Положительными героями боевых листов не раз были Гена Мерзляков и Валя Рожков.

Сейчас, спустя десятилетия, больше помнится почему то веселое, хорошее. Вот хотя бы случай с Сашей Плюсиным. В Школе юнг одни его звали Правофланговым, другие Сашей с Уралмаша. Почему? Сейчас расскажу.

Природа не обделила Сашу ростом. Он был выше нас,

а потому на построениях всегда стоял на правом фланге. Когда подавалась команда «Равняйся!», Саша видел обычно не грудь четвертого человека, а бескозырки и носы юнг. Была у этого коренастого паренька и завидная сила.

Как-то наша единственная лошадь Бутылка застряла с телегой в грязи. Взглянув на беспомощно возившегося возле нее возчика, Саша покачал головой.

— Ну и зарылся ты, хлопче. Только одни уши у Бутылки наверху торчат.

Возчик огрызнулся:

— Мотай своей дорогой, без тебя тошно.

— Не лайся, давай подсоблю.

— Тю-у, тягач нашелся, — не поворачиваясь, насмешливо хмыкнул дядька. — Тут трактору на полдня работы.

— Не теряй время! Давай попробуем, — настаивал юнга, примеряясь к заляпанному грязью задку телеги.

Расставив ноги, он взялся за него, приподнял и крикнул: «Но-о!» Бутылка дернулась, телега скрипнула и медленно выползла из вязкой хляби на твердую дорогу.

Возчик устался на юнгу удивленными глазами.

— Ну и силища! — воскликнул он. — Выручил, дружище! Не знаю, как тебя и благодарить. Скажи хоть, как зовут.

— Саша, — нехотя ответил юнга. Вытер руки пучком травы и направился своей дорогой.

— Да ты не просто Саша, а Саша с Уралмаша, под стать тому, что в кино показывали! — глядя ему вслед, крикнул возчик.

С тех пор Плюснина в роте стали звать Сашей с Уралмаша, хотя к Уралмашу он никакого отношения не имел.

Когда замполит Калинин напомнил членам комсомольского бюро о необходимости создания кружков художественной самодеятельности, я поначалу подумал,

что из этой затеи ничего не выйдет. Посудите сами — каждый день работы до седьмого пота, занятия в классах, строевая подготовка, выходы в море на шлюпках... До самодеятельности ли тут? Но получилось как раз наоборот. Не зря в годы войны говорили «после боя сердце просит музыки вдвойне». Вот и юнгам после усиленной физической и умственной нагрузки нужен был отдых для души.

В кружки при готовящемся к открытию клубе записались очень многие. Одни хотели играть в драматическом кружке, другие — на струнных инструментах, третьи — петь в хоре. Одним из самых первых изъявил желание заниматься в духовом оркестре краснокамец Ваня Семенов. У Володи Лыкова неожиданно проявился талант жонглера. Открылись кружки любителей шахмат, танцевальный и даже классической борьбы, в котором занимался посланец комсомолии Кунгура Володя Рудженец. Необходимость быть физически развитым внушил ему еще отец, бывший комиссар одного из полков армии Блюхера Антон Антонович Рудженец. Как ему это пригodiлось, я еще расскажу, а пока хочу упомянуть, что активными участниками художественной самодеятельности Школы юнг были Толя Махнев из Кунгура, Валера Меркушев из Нытвы, Вася Бурков из Добрянки, Миша Балуев из Верещагино, Вася Исаков из Перми... Вместе с юнгами в кружках клуба занимались старшина Алексей Петрович Исаев, члены семей военнослужащих наши одноклассники Наташа Аврамова, Люся Лебединская и другие.

На смотрах, организуемых политотделом Северного флота, Школа юнг занимала обычно первые места.

Многие увлекались военно-прикладными видами спорта.

Часто устраивались соревнования по легкой атлетике, футболу, волейболу, борьбе, лыжам, баскетболу, шлюпочным гонкам.

Мы, юнги флота...

Были у юнг и чисто творческие увлечения.

Как-то зайдя к командиру роты по какому-то комсомольскому делу, я застал Дубового за не совсем обычным делом. Он... сочинял стихи.

— Многие части, помимо общеизвестных военных песен, имеют свои собственные. Вот бы и нам такую создать, — сказал он. — Поговори с ребятами, может, у кого-нибудь такие таланты и объявятся. Стихи юнг можно будет использовать в боевых листках, стенной газете, многотиражке «Товсь!», читать с клубной сцены, печатать в краснофлотской газете Северного флота «Краснофлотец»... Да мало ли где они могут принести пользу?

Идея старшего лейтенанта нашла поддержку. Чуть позже был даже объявлен конкурс на создание песни о школе. Один из тех, кто увлекся сочинением стихов и не бросает этого дела до сих пор, — бывший юнга пермяк Володя Лотошников. Помнится, писали стихи юнга Володя Зыслин, преподаватель школы Исая Абрамович Камышко. Но больше всего мы были благодарны секретарю комсомольской организации школы лейтенанту Алексею Васильевичу Степакову, который в содружестве с Дубовым создал песню о юнгах. Вот какая запись есть в моем дневнике по этому поводу:

«2 ноября 1942 года.

Продолжаем готовиться к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Был на репетиции. Пробовали разучивать марш юнг ВМФ. Песня до конца еще не дописана, но мне уже нравится. Есть в ней такие куплеты:

Мы сами строим нашу Школу юнгов
И видим радость в собственном труде,
Пойдем навстречу штормам, бурям, выгоям
За нашу жизнь, что создана в борьбе.
Пройдут года суровой флотской жизни,
Из нас лихие выйдут моряки,

Но не забудем нашей крепкой дружбы
И вспомним Школу юнгов, Соловки...

Правдиво. Дожить бы до тех времен: и врага разбить, и на Соловках побывать... Вот хорошо бы было!»

Ныне можно сказать, что мечты наши сбылись: и врага разбили, и встречи юнг-ветеранов на Соловках проходят регулярно.

А тогда мы были рады тому, что у нас появилась своя собственная юнгашеская песня. Припев у нее был такой:

Мы, юнги флота, крепки, как бронь,
За честь народа пойдем в огонь.
Фашистским гадам мы отомстим,
В победу верим и победим!
В победу верим и победим!

После того как 7 ноября она была исполнена на торжественном собрании, песню буквально в считанные дни разучили все роты. И не было дня, чтобы она не звучала над лесными пущами и озерами Соловецких островов.

Испытания продолжаютя

С начала сентября начались заморозки. Подули холодные северные ветры. В начале октября острова оделись в зимний наряд. А строительство землянок завершено еще не было. Продолжали жить в палатках. Матрасы сдвинули плотнее. Ложиться стали впритирку.

— На Соловках можно спать только укрывшись всем вещевым довольствием, — шутил Ваня Умпелев.

За три месяца пребывания в Школе юнг он так изменился, что теперь обвинить в лени парнишку было никак нельзя. Да и некогда любимое Ванино «шишенъки» как-то незаметно ушло из его лексикона.

На улице около двадцати градусов холода. Пока работаешь, вроде терпимо, а ложиться в постель страшно.

Уж очень она холодная. Засыпаем только после того, как под одеялами от собственного дыхания становится относительно тепло. Я слышу, как бьется о берег море. Его гул, подхваченный ветром, доносится даже сюда, в глубину леса. Шумят сосны. Нет, на самом деле шумят деревья — значит, я проснулся. Приподнять хотя бы кончик одеяла боюсь — в мое нагретое дыханием теплое гнездышко тут же ворвется соловецкий мороз. Зажмуриваюсь, пытаюсь снова провалиться в сон с радужными грезами из совсем еще недавней счастливой жизни в Очерском детском доме, но он не приходит. Значит, вот-вот дневальный во всю глотку заорет:

— Подъем!

Окружающие палатку сосны шумят и шумят. При сильных порывах ветра кажется, что какая-нибудь из них вот-вот упадет на палатку и превратит нас в кишмиш.

— Подъем! — кричит дневальный. Делает он это, кажется, даже со злорадством — ему надоело торчать на посту одному.

Вставать ужасно не хочется, но надо, ведь я — секретарь комсомольской организации, обязан показывать пример другим.

И все же первым сделал попытку выскочить из своего нагретого за ночь собственным телом местечка Гена Мерзляков и тут же зачертыхался. Отсыревшее от дыхания одеяло примерзло к доскам нар.

Трещат постельные принадлежности и шинели и у других юнг.

На шум в палатку заглядывает старшина смены. Юнги смеются, а Воронов ругается:

— Народное добро надо беречь! Неужели это так трудно уяснить?

Скорей бы уж в землянки!

Переходить в них начали с конца октября. Это было для юнг настоящим праздником. Правда, пока не для

всех. Многие смены продолжали жить в палатках до первых чисел декабря, Случилась задержка с поступлением кирпича, из-за чего не могли своевременно сложить печи, а кое-где были вынуждены сделать из листового железа «буржуйки». Да и с внутренней отделкой работы затянулись.

Еще несколько записей из дневника:

«17 октября 1942 года.

Вчера ночью была тревога. Они часто бывают. Иногда за ночь не по одному разу. И все надо делать в считанные секунды. Старшины засекают время. Кое-кто ловчит. И вот попались. Сыграли «боевую тревогу» и сделали марш-бросок на 12 километров. А потом команда: «Снять шинели!» и... О, ужас! Трое в одних кальсонах... Смеху-то было! А вообще-то не смешно. Завтра по этому поводу проводим собрание. Обещался быть парторг Карачев. Достанется нам. И правильно».

«20 октября 1942 года.

Соловки после того, как выпал снег, стали совсем другими. А звериных следов сколько! Каждый шаг виден.

Теперь сачкам будет неловко. Их, правда, уже много. Повывели. Замполит Калинин сказал, что в этом есть заслуга и комсомольской организации. Значит, ругаемся с ними не зря. Да и песочим в стенгазете тоже.

...Опять была тревога. Говорят, немцы сбросили несколько парашютистов. Ушли их ловить. Интересно, какие они? Я ведь даже живого немца до сих пор не видел. Слышал, рослые — не то, что мы. Наверное, как пришедший к нам из боцманов. Неприятный тип. Целыми днями молчит. А сила у него есть — ворочает бревно хоть бы что...»

«21 октября 1942 года.

Действительно, тип неприятный. Я его в своем дневнике за силу похвалил, а он во время тревоги куда-то смылся. Надо же, какая бессовестность! Да еще не го-

ворит, где был, хотя прорабатывали его всей комсомольской группой».

Тут, наверное, надо сделать пояснение. «Неприятный тип» — это Верзила. Он все-таки своего добился — из роты боцманов в роту радистов его перевели. Обещал командованию в учебе нас догнать. Но пока это у него не получается. Правда, это только с моей точки зрения. Я ведь еще на Волге у Гурьева, Чернышева и Решетняка кое-чему научился. А здесь изучаем пока самые азы.

Занятия радистов идут в том самом классе, где мы с Геней помогали «Милеше Пестахову» в монтаже радиотелеграфных ключей и наушников. Сейчас на стенах висят еще и длинные листы с написанными Сережкой знаками азбуки Морзе.

— От точек и тире даже в глазах рябит, — говорит Вадик Василевский. — Неужели мы их когда-то выучим, да еще передавать и принимать научимся?

Он у нас лирик, пытается писать стихи о любви. Это ему принадлежат строки, впоследствии ставшие известными чуть ли не всем юнгам: «Мы первую любовь узнаем позже, чем первое ранение в бою...»

Пророческими оказались слова Вадика. Так со многими из нас и случилось. А многим, как косинцу Володе Дьякову, пермяку Жене Григорьеву, кунгуряку Саше Жуманову, калининцам (бывшим юго-осокинцам) Мише Мельникову, Володе Льву, добрянцу Валере Перинго, что такое любовь, познать было вообще не суждено. Они полной чашей испили только тяготы войны. На ней и сложили свои головы.

А пока Вадик, как и другие юнги-радисты, внимательно слушает своих наставников. Их у нас двое — Пестов и Астахов.

— И... раз! — командует первый.

Мы коротко нажимаем на головки ключей. Это — точка.

— И... раз, два!

Нажим в два раза длиннее — тире.

— Буквы и цифры учитесь запоминать не по количеству в них точек и тире, а по музыкальному звучанию, — поясняет Астахов. — Например, буква И — два коротких нажима на ключ. Что получается? Ти-ти. А два длинных нажима — буква М. Это уже — та-а, та-а.

— Слушайте, как будет звучать, скажем, цифра 2 — две точки, три тире: ти, ти, та-а, та-а, та-а — я на горку шла. Повторяю: ти, ти, та-а, та-а, та-а — пирожок нашла, — пропел Пестов.

Юнги дружно прыснули.

— Улыбочки прекратить! — сердится Астахов.

Пестов отбивает на ключе семерку.

— Запомнили? — спрашивает Астахов.

И так по четыре часа подряд.

Преподаватели садятся за ключ по очереди, а нам-то надо все слушать да запоминать без передышки. Хотя нет, иногда они, особенно в холодную погоду, когда в классах чуть ли не минусовая температура, бывали. Вот как вспоминал короткие минуты отдыха между занятиями бывший юнга из Добрянки Миша Лагунов:

«...Четвертый урок на исходе. Чернила замерзают. Ждем звонка на большую перемену. Хочется размяться, хоть немного согреться.

Вот он, родимый, звонит!

Почему-то очень долго, не смолкая звонит. Наконец дошло — так ведь это же боевая тревога!

Команда, как удар хлыста: «Становись!»

У старшины стальной блеск в глазах. Он сразу стал далеким и чужим. Кричит:

— К землянкам бегом марш!

Странно: ни тебе «Равняйся», ни тебе «Смирно!»

Бежим. Передохнуть бы!

— Быстрее! — рывкает старшина.

Влетаем в землянку.

«Карабины разобрать!», «Выходи строиться!», «Бегом марш!» — одна за другой следуют команды.

Ноги уже не слушаются. Шестая верста осталась позади. Свернули на дорогу совхоза. Справа озеро, слева горка. Вчера тут учились бросать гранаты. Настоящие. Боевые.

— Немцы! Десант! Парашютисты! — передают по цепочке.

— Немцы! Десант! Парашютисты! — передаю дальше и я. Вот теперь ноги сами понесли.

— Стой!

А на горке уже комбат стоит. И когда успел прибежать? За рост, тучность и подвижность юнги его за глаза «Шариком» зовут. Шарик и есть. Бывало, поутру не успеешь и глаза протереть, а он уж тут как тут — буквально из воздуха материализуется. А голос — чисто церихонская труба:

— Шестая рота! По одному в цепь вдоль озера! Вторая рота! Слева обходи болото!

В Добрянской школе по бегу среди пятых-шестых классов всегда первое место брал, а тут запыхался.

Лежим, отдыхаем. Ноги почти в озере, стволы карабинов — к болоту. Оттуда возможно появление врага.

Рядом плюхается комбат.

— Связным будешь, — хлопает меня по плечу. Очень долго, наверное, минуту, о чем-то тихо совещается со старшиной роты.

— Ну, юнгаши, дуй обратно, до развилки, и по следу второй роты. Передай, что атака по выстрелу и брать только живьем. Да пригибайся — враги уже поняли, что обложены, как волки, подстрелят еще.

Прибегаю обратно:

— ...шите доложить, приказ выполнен.

Комбат поднимает пистолет в небо — горячая стрельная зильза бьет меня по щеке.

— Ура-а-а! — взрывается лес сотнями глоток.

Длинный Верзила обгоняет меня, кто-то падает под ноги. На другом конце болота тоже орут «Ура-а!». Кругом треск сучьев, топот ног. Вижу, куча мала. Кидаюсь на нее. Кого-то бью. Бьют меня. Наконец придавили — ни рукой, ни ногой...

— Вяжи, дави, держи за ногу!

Вот и все — шесть кто во что одетых, заранее подготовленных наших же товарищей, исполнявших роль парашютистов, стоят под охраной вооруженных юнг.

Выворачиваем с корнями мелкие елочки, продаваем их в рукава шинелей — делаем носилки. По очереди тащим их в расположение части. Большая перемена кончилась. Размялись. Согрелись. Следующий урок — физика. Будем изучать закон Ома».

Опять запись из дневника:

«23 ноября 1942 года.

Занятия форсируются. Это не то что в обычный школе. Математику, например, недавно начали изучать, а уже кончаем. Будут экзамены. Так бы и с другими предметами! А там, смотришь, и на кораблях... Под Сталинградом вон как тяжело. Неужели нам там не нашлось бы дела! Нам бы только поскорее на корабли».

А пока... пока приходится учиться быть настоящими воинами.

После пробежки и поимки условных вражеских парашютистов состоялись строевые занятия. Начинались они, как всегда, с построения.

— Равняйся! Смирно! — командовал Воронов. — Направо-во! Умора. Разве так поворачиваются? Резче надо! Направо-во! Отставить!

Пауза.

— Нале-во! Отставить! Резче, резче! Кругом! Отставить!

Казалось, команду «Отставить!» старшина любил больше любой другой.

— Шаго-ом... марш! На месте!

Мы поворачивались, шли, опять поворачивались, останавливались, отрабатывали подход к командиру. Воронов снова и снова вызывал нас по одному из строя, учил правильно подходить, докладывать, становиться в строй.

— Юнга Лисин, ко мне!

Игорь бежит, за три шага до старшины переходит на строевой, останавливается, четко докладывает:

— Товарищ старшина первой статьи, юнга Лисин по вашему приказанию прибыл!

«Сейчас меня вызовет», — подумал я.

— Юнга Леонтьев, ко мне!

С бега перехожу на строевой шаг, докладываю:

— Товарищ стар...

— Отставить! Как руку держите?

Возвращаюсь в строй.

— Юнга Леонтьев, ко мне!

На этот раз все получилось так, как положено по уставу.

Ох уж эти уставы! И каких их только нет: дисциплинарный, гарнизонной и караульной службы, боевой, внутренней службы, строевой. Плюс к тому разные наставления. Одно наставление по стрелковому делу чего стоит. Тут и назначение и боевые свойства винтовки, устройство и взаимодействие ее частей, разборка, сборка, подготовка к стрельбе, производство выстрела, приемы и правила стрельбы с упора, с лыж, из укрытий, на ходу, при передвижении, стрельба по неподвижным и появляющимся, по движущимся, воздушным целям, в условиях ограниченной видимости... Всего и не перечислишь, что надо знать и уметь. И не только это: надо научиться ползать по-пластунски, маскироваться, уметь пользоваться гранатой, противогазом... Не все дисциплины мы любили одинаково — был за нами такой грешок. Хорошо, что преподаватели и командиры не шли на поводу

у своих подчиненных. Они-то хорошо знали, что все это необходимо не только потому, что предусмотрено программой, а потому, что потребуется на войне. Поэтому-то они были порой по отношению к юнгам, как нам казалось, просто безжалостны.

— В атаку бегом марш! — командовал поздней осенью нам Воронов.

Поднимались и с винтовками наизготовку бежали в сторону условного врага. Совсем неожиданно очередная команда:

— Ложись!

А впереди лужа. Плюхаюсь в нее. В не лучшем положении рядом бежавшие Гена Мерзляков, Жора Бриллиантов; Валя Рожков и другие юнги.

В расположение роты возвращаемся не только уставшими, но и мокрыми, грязными. Вместе с нами обсушиваясь у костра, старшина пояснял:

— Лучше остаться мокрой курицей, но живым. Побережешь шинель, не упадешь своевременно — под огонь врага попадешь и... поминай как звали. Знаете, как медичка Мелентьева, осматривавшая вас на медкомиссии, погибла?

— Нет, — встрепенувшись, поспешил отклиться я. — Расскажите. — А у самого от неожиданного известия о судьбе землячки даже все напряглось внутри.

— Так вот... Наши братишки шли в бой. Неожиданно со стороны близлежащей сопки застрочил вражеский пулемет. Появились раненые. Анастасия бросилась их перевязывать. «Лежа, лежа надо!» — кричал ей командир. Из-за нежелания кланяться вражьи пулям — девка она была храбрая, отчаянная — и поплатилась — была смертельно ранена.

Теперь через мать я мог сообщить родным Таси подробности ее гибели.

На очередном из занятий, когда Воронов опять вел нас в «атаку» и неожиданно дал команду «Ложись!», со

мной произошла беда. Чтобы не отнимать у читателя много времени на ее пересказ, приведу строки своего дневника:

«25 октября 1942 года.

Вот беда, сломал ложку. А берег-то как! И кто только придумал давать в армии деревянные ложки? Теперь придется делать ложку самому.

26 октября 1942 года.

Оказывается, и правда, не боги горшки обжигают. Ложку сделал. Есть вполне можно. А все-таки деревянные ложки солдату ни к чему. Да и моряку — тоже.

Строим. Учимся стрелять, занимаемся строевой подготовкой. На отдых времени почти не остается... Скорей бы овладеть специальностью и на боевой корабль! Мне кажется, это желание не только наше, но и командиров, хотя они все время говорят, что еще успеете, навоюетесь. Сами бы тоже не прочь уйти на фронт. Да ведь это видно по ним, по тому, как они читают газеты, слушают сводки Совинформбюро».

Однажды после очередных строевых занятий и строительных работ усталые, продрогшие шли в столовую на обед. Надеялись не только подкрепиться, но и согреться. К нашему большому огорчению, кок Московский встретил нас неласково.

— Горячей пищи нет. Получите сухой паек, — виновато сказал он.

— Почему? — начали было возмущаться столпившиеся возле камбуза юнги.

— Тихо! — прикрикнул на нас командир роты. — Значит, так надо. Уловили?

Уловить-то мы уловили, да ничего не поняли. «За какие грехи нас лишили горячей пищи?» — недоумевали юнги.

Такая же участь в тот день постигла роты рулевых, боцманов, мотористов — весь 1-й батальон, расквартированный в Савватиево.

Лишь вечером Плюсин, пришедший с дежурства из штаба, сообщил что какой-то гад, спустив в суп и кашу мыло, испортил всю пищу.

Юнги негодовали. Мне казалось, попадись нам в ту пору этот подонок — мы бы его на части разорвали.

Поежили нормально. Вроде бы даже сытнее, чем в другие дни. Командование, видимо, дало указание Московскому навестать упущенное. А может, с голоду нам так показалось...

На другой день в обед история повторилась.

— Ну, это уж нахальство! — возмущался Игорь Лисин.

— Не нахальство, а вредительство! — со злостью уточнил его мысль Гена Мерзляков.

Так же думал и я. Выказали наше предположение парторгу Карачеву.

— Время покажет. Разберутся. Это дело не наше, — как-то уклончиво ответил он.

С того дня на камбузе, помимо кока и дежурных юнг, присутствовал кто-нибудь из старшин.

Через несколько дней Гена пошел лакомиться черникой на берег Банного озера. Вернувшись, он принес весть о том, что видел в воде дохлых окуней.

— Не может того быть! — засомневался старшина смены. — Вода в озере хорошая, чистая, вкусная, идет в пищу, а ты... Дохлые окуни... Да откуда им там быть? Пойдем, покажи, где видел.

Взглянуть на погибшую рыбу пошла не только наша смена, но и многие из ребят других рот.

— Вот! — сказал Мерзляков, найдя нужное место. — Она все еще здесь.

— И тут тоже, — кричал отбежавший метров на десять от ребят Володя Дьяков. — Да как много!

Уже через минуту юнги разбежались чуть ли не по всему берегу.

— И тут! И у нас! — неслись возгласы Васи Бурко-

ва, Вани Неклюдова, Вити Сакулина, Жоры Бриллиантова и других мальчишек со всех сторон.

Старшина и Игорь Лисин, как член комсомольского бюро, пошли докладывать об обнаруженном командованию роты. Скоро о случившемся на озере знал весь батальон. Прибывший на камбуз врач, посоветовавшись с Пчелиным, дал указание приготовленный обед закопать в землю, а юнгам опять выдать сухой паек.

— Если так пойдет и дальше — животики подтянем, — сокрушался Умпелев.

— Ничего, кому следует — разберутся, тужить не будем. На фронте солдатам, бывает, не одни сутки голодными воевать приходится. Считайте, что это — тренировка перед предстоящими боями, — успокоил юнг замполит Калинин.

«Чем же кончились эти странные истории?» — спросит читатель.

«27 октября 1942 года.

Оказывается, я слеп. Наш силач-боцман-«радист» (речь идет о Верзиле. — Авт.) — вражеский лазутчик. Узнали мы об этом лишь на комсомольском собрании, когда нас стали драить за отсутствие бдительности. Ох и стыдно же нам было! Ведь и я, дурак, видел в нем очень много странного... Урок на будущее. Да еще какой!»

К этой записи из дневника можно добавить лишь то, что сказал о Верзиле присутствовавший на собрании работник СМЕРШа.

Насколько помнится, его речь сводилась к тому, что Верзила, оказавшись на оккупированной немцами территории, был ими завербован. Он не раз переходил линию фронта. Раздобыв необходимые сведения о советских войсках, передавал их немецкой армейской разведке. Узнав, что по приказу наркома ВМФ создается Школа юнг, постарался затесаться в ряды будущих военных моряков. Для передачи сведений имел при себе портативную

радиостанцию, которой неожиданно лишился при переобмундировании в Соломбале.

Помните, как баталер усиленно советовал юнгам не забыть взять с собой необходимые вещи? Командование, обнаружив радиоаппаратуру, рассчитывало найти и ее хозяина, но Верзила на эту удочку не клюнул. Таким образом, на Соловках он оказался без связи со своими хозяевами. Чтобы занять приемопередающее устройство, сумел пробраться в роту радистов. Сначала ему пришлось изображать ничего не смыслящего в радиоделе человека, однако когда преподаватели предложили вернуться обратно в роту боцманов, Верзила постарался показать свое усердие, но перестарался. Успехи оказались настолько велики, что главные старшины — хорошие знатоки радиодела — не заметить этого не могли. Заподозрив неладное, тут же доложили начальнику школы, тот — органам контрразведки, которые за Верзилой уже, оказывается, присматривали. А случаи с порчей пищи и воды, рассчитанные на то, чтобы вызвать недовольство среди личного состава части, его совсем разоблачили. Верзила получил по заслугам.

С комсомольского собрания в свою палатку я возвращался с Геной Мерзляковым.

— Зубы разболелись, — сказал он, держась рукой за щеку.

— Зубы? — удивился я. — И у меня ноют.

— Ноют — это пустяки. У Жени Григорьева посмотри, что делается: шатаются — есть не может. И не только у него — Володя Дьяков, Миша Мельников, Валера Перинго тоже зубами маются.

— Надо сходить в санчасть.

— Отчислят еще. Потерплю, может, пройдет.

Кому-то из роты рулевых пойти за помощью к врачам все-таки пришлось. Осматривая юнгу, жена замполита батальона фельдшер Капитолина Ивановна поставила диагноз: «Цинга».

Тем временем жалующихся на зубы прибывало.

— В пище витаминов мало, — сделал свое заключение начитанный Митька. — Уже давненько нет свежих овощей.

С наступлением холодов картофель, лук, морковь, свеклу в часть привозили только в сушеном виде. Возьмешь в рот ломтик такой картофелины и не раскусишь. Радовались, что чистить не надо, а оно вон чем обернулось.

Видно, правду говорят, что беда не приходит одна. Поступило еще одно неприятное сообщение — кое-кто завыпывел.

Командование на это отреагировало незамедлительно. В тот же день начались всевозможные процедуры. Было это 29 ноября. Днем позже поступило приказание: немедленно собраться в баню, а завшивевшее белье оставить до весны под снегом, недалеко от землянок.

Баня... Как мы ее любили! В холодную погоду это было единственное место, где можно было хоть раз в неделю по-настоящему отогреться, помыться, постирать белье. Прибрежные валуны ближайших озер, на которых мы это обычно делали, обледенели, покрылись снегом. Холодная вода стягивала судорогой пальцы рук. А здесь не только тепло, но и горячей воды всегда в достатке. Сложенная из огромных валунов баня имела многовековую историю, упоминалась в солосецкой летописи. Спустя десятилетия не забыл о ней и юнга-пермяк Владимир Лотошников, написавший поэму «Юнги Северного флота». В ней есть такие строки:

Стирали и мылись в Савватиевской бане,
Где царь Петр Великий парился ранее.

Жизнь налаживается

А 1 декабря я сделал в дневнике очень короткую, но такую радостную для нас запись: «Вот мы и в землянке! Хорошо! Плохо только, что нет свету». Но уже 3 декабря

очередная запись свидетельствовала: «Со светом вопрос решен: делаем коптилки. Гильзы плюс сапожная мазь — вот и свет. Дымит, правда, но зато можно заниматься вечерами».

Жизнь налаживалась. Стали заботиться даже об уюте, комфорте.

В роте рулевых увлекавшийся рисованием Женя Ларинин предложил оформить свой кубрик по тематике «История русского флота». Командиры и политработники его идею поддержали, даже помогли достать масляные и акварельные краски. Мы в свои кубрики лишь переходили, а в землянке Жени уже висели картины Наваринского, Цусимского боев и сражения при Гангуте. В промежутках между ними разместились плакаты с призывами и изречениями русских флотоводцев Нахимова, Ушакова, Макарова и наркома Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецова.

Инициативу Жени одобрило руководство школы, поручившее ему сделать большую карту европейской части Советского Союза. Ночи напролет в течение месяца на шести ватманских листах Женя наносил на нее не только города, поселки, села, но и деревни, железные дороги. Карту вывесили в штабе школы и ежедневно отмечали на ней положение на фронтах.

Забегая вперед, скажу, что юнги второго набора к ней пририсовали карту Европы и отмечали продвижение наших войск на запад, вплоть до Берлина.

Однажды я хотел было уже готовиться к отбою, как почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку. Повернув голову, увидел старшину.

— Тебя не волнует внутренний вид нашего кубрика? — тихо спросил он меня. — Другие смены уже к оформлению приступают.

— У нас нет художника...

— Слова «нет» на флоте нет. Есть слово «надо!» Понимаешь? Ты — комсомольский вожак. Кто же об оформ-

лении кубриков должен заботиться, если не комсомольцы?

Слово «надо!», сказанное устами Василия Петровича, уже давно для нас, юнг его смены, стало магическим. Уважая и любя командира, мы понимали его в смысле «надо — значит, будет» и делали для выполнения поручений старшины все возможное, а порой и невозможное.

Воронов взглянул на часы и многозначительно заметил:

— Время еще есть...

Я понял, на что он намекает. В соседней роте служил мой закадычный дружок Сережка Филин. Воронов просто не был: он давно догадался, кто рисовал карикатуры на юнг в вагоне, палатке и теперь подсказывал мне мысль о привлечении своего товарища.

Я уже набросил на себя шинель, собираясь сбегать в соседнюю роту, как опять услышал голос старшины:

— Если он согласен, с его командиром я договарюсь.

В кубрик я вернулся, когда юнги укладывались спать. Не раздевался, дожидаясь меня, только Воронов.

— Ну, как?

— Порядок, товарищ старшина! — обрадованно сообщил я ему. — Согласился.

— Вот и лады. А говорил, художника нет... Умора.

На другой день Сережка был уже у нас.

— Сам командир роты послал, — шепнул он мне.

Вместе с Вороновым мы тут же сели за составление плана оформления. В тот день мне пришлось сбегать в библиотеку, взять подшивку журнала «Огонек», в котором время от времени печатались цветные репродукции разных картин. Просмотрели их сообща, выбрали необходимое — и работа закипела. Скоро на стенах нашей землянки появились копии «Синопского боя», «Очаковского сражения», а перед столом — прибитая прямо к нам «Победа у острова Эзель». Рамки для рисунков сделали и покрыли лаком сами юнги. Под каждой из

картин был текст, рассказывавший о победах русских моряков. Потом Филин взялся за портреты русских флотоводцев Нахимова, Ушакова, Макарова, Сенявина. В ряде рисунков отразил бои североморцев на суше и на море в воды Великой Отечественной.

В соседней смене оформительские работы вел Игорь Лисин, писавший картины «Ревельское сражение», «Бой русских кораблей в Чесменской бухте».

...Рота радистов, чеканя шаг, идет на обед.

— Ножку! Ножку! — кричит Дубовой. — Раз! Два! Три!левой!

Юнги стараются — знают: плохо будут идти — комроты может остановить или дать команду «На месте!»

— Ножку! Ножку! — еще громче командует старший лейтенант. — Впереди обед из четырех блюд...

Из четырех? Почему? Всегда был из трех. Ошибся, наверное, командир.

Идущий сбоку своей смены Воронов улыбается.

Вот и камбуз. Красотища! Совсем не та временная столовка, что мы на скорую руку сколачивали из досок, в которой при сильном дожде суп из миски не убывал, каша от валившегося снега становилась седой, а компот остывал чуть ли не до температуры озерной воды.

У каждой смены свое место.

— Головные уборы снять! Отставить! Дружно, дружно надо. Головные уборы... снять! Вот так. Са-а-дись!

А почему миски не в стопке, а расставлены?

— Что это за зеленая бурда налита? — удивленно спрашивает Гена.

— Не бурда, а хвойный экстракт — запаренная хвоя, — поясняет Воронов. — Это от цинги. Пейте! Зубы болеть не будут.

— Горько, — кривится Мерзляков.

В последние дни мои зубы не только ноют, но и шатаются, а десны кровоточат. Полмиски бурды пью до дна.

— Молодец, секретарь! — хвалит старшина. — Берите пример с комсомольского вожака.

«Хорошо, что нет рядом Сережки, — думаю. — Опять бы выпендрился, сказал: «Не зря он у нас «золотце». Не люблю, когда меня хвалят. Того и гляди, новую кличку схлопочешь».

Она и вправду горькая, эта бурда. Даже рот воротит.

— Ничего, привыкайте, — рекомендует Воронов. — Всю зиму придется пить.

«Так вот оно какое — четвертое блюдо», — догадываюсь, вспоминая слова старшего лейтенанта.

Ничего, жизнь налаживается. Неделию назад на окраине Савватиево, в бывшей конюшне, установили списанный с подводной лодки дизель, подремонтировали его — и в кубриках появилось электрическое освещение. Штудировать морские и специальные науки можно сколько хочешь. Распространился слух, что лучшие юнги будут сдавать экзамены раньше и весной разъедутся по действующим флотам и флотилиям. Все стараются попасть в число счастливиц. Вот и запись в дневнике от 14 декабря об этом свидетельствует:

«Писать становится некогда, да и не о чем. Все время занято учебой. Связались с рядом гражданских школ, соревнуемся. Интересно получается. Кое-кто подтягивается. Некоторые переписываются с моряками-фронтовиками. Их письма читаем сообща. Письма — наша слабость. Ждем их с нетерпением».

После ужина в первую очередь бежим к столику дневального. Тут нас обычно ждет свежая почта. В роли почтальонов перебивало людей немало. Больше других юнгам запомнилась Лида Алешычева, работавшая одновременно баталером и писарем. Конверты-треугольнички расхватываются моментально.

— Леша, тебе два письма! — кричит Гена.

— А мне есть? — вбегая в землянку, громко спрашивает Игорь.

— Тебе пока только пишут, завтра придут...

— Не верю. Дайте я сам посмотрю!

Первым делом распечатываю письмо от Любы.

«Здравствуй, Леша! Спасибо за письмо. Я понимаю, как вам тяжело. Но и нам, находящимся в тылу, сейчас тоже нелегко. Под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» советские люди делают все от них зависящее, чтобы вам сражаться с врагом было легче. Не стоим в стороне от этого благородного дела и мы. Я, Ева Воробей, Катя Вдовина, Нина Коклягина, Шура и Таня Булычевы учимся в педучилище, а после занятий вечерами и ночами помогаем воспитателям детского дома в уходе за детьми. Стираем для них белье, дежури́м в качестве ночных нянь, работаем на подсобном хозяйстве, в колхозе, заготавливаем дрова, делаем много других нужных дел. Как мы поспеем повсюду — и сама не понимаю. Учимся корешо. Скоро будем учителями.

Передавай от нас привет своим товарищам.

Знайте, боевые друзья, за нас вам краснеть не придется. Сложив руки мы не сидим...

пос. Очер.

Люба Захарова».

Пробегаю письмо глазами еще раз. Хоть и коротко, но ответила. И это хорошо.

Второе письмо от Гурьева. Толстое. О чем он так много написал? Распечатываю. Газета... Зачем она мне? А в письме всего несколько строк: «Извини, братишка! У нас жарко. Идут тяжелые бои. Писать некогда. Высылаю газету «За родную Волгу». Из нее узнаешь, как вел себя в последнем бою твой друг и учитель Ваня Решетняк. Если встретишься с врагом, веди себя так же, как он!»

Увидев в моих руках газету, Гена Мерзляков кричит:

— О ком пишут? Читай вслух!

Через минуту уже весь кубрик знает, что я получил письмо с Волги, где идут жестокие бои.

— Читай! Не томи, — просит Гена.

— Зажать новости с фронта хочет, — шутят Боря Батанов, Валя Рожков и Игорь Лисин.

Читаю:

«Идет бой... Радист Иван Решетняк в своей узкой, тесной, со всех сторон закрытой рубке не может видеть того, что происходит наверху. Только по грохоту разрывов и скрежету осколков снаружи по бортовой броне он понимает, что катер под ожесточенным обстрелом. Но вот наступает тишина. Никто не приказывает Решетняку передавать донесения. Не слышно на палубе ни разговоров, ни шагов, таких гулких по железной палубе. В чем дело? Решетняк снимает наушники, осторожно поднимает над головой крышку люка и выглядывает на палубу.

Над Волгой уже начинается неяркое осеннее утро. Катер, чуть накренившись, стоит совсем близко от занятого врагом берега. Негромко журчит говорливая вода вдоль неподвижного борта. Тихо.

Решетняк подымается на палубу и, пригнувшись, чтобы не увидели с берега немцы, добирается до командирской рубки, открывает покореженную дверь, заглядывает внутрь. Там, вытянувшись во весь рост, лежит мертвый рулевой.

«Неужели все погибли?» — думает Решетняк. Но вот его ухо улавливает чуть слышные звуки, идущие откуда-то из-под палубы. Похоже, стон. Да, это действительно стон — внизу, в машинном отделении. Значит, кто-то еще жив.

Радист пробирается к люку машинного отделения и спускается туда. В машинном темно. Еще с вечера все световые отверстия задраены наглухо. Только через люк сверху сочится бледный свет раннего утра. В этом свете темным металлом поблескивает вода, залившая половину отсека.

— Есть кто живой? — спрашивает Решетняк.

В дальнем углу слышен слабый стон. Решетняк шагует с трапа в воду...

В глубине отсека, привалившись плечом к стене, тяжело свесив голову, сидит человек, по грудь залитый водой. Рядом с ним — другой. В темноте блестят воспаленные глаза, устремленные на радиста.

— Свергунов, ты? — узнает Решетняк, поняв, что оба моториста ранены. — Ну, держись за меня! — командует он, подхватывая Свергунова. С трудом поднимая раненого по трапу, Решетняк проталкивает его в люк и, взвалив на спину, переносит на корму. В кормовом кубрике меньше воды: корабль осел передней частью. Решетняк кладет раненого моториста на рундук и идет за тем, кто лежал в воде рядом со Свергуновым, — за краснофлотцем Комаровым. Разыскав индивидуальные пакеты, перевязывает обоих.

Потом Решетняк обшаривает весь корабль, но не находит на нем больше ни одного живого человека. Вся остальная команда бронекатера погибла — каждый на своем боевом посту. Радист возвращается в кормовой кубрик.

Уже совсем светло. В утреннем легком тумане, где-то там, за спокойной степной далью, подымается бледное солнце. На реке тихо. Ночной бой кончился, а дневной пока не разгорелся.

«Надо доложить о положении!» — решает радист. Но едва показывается на палубе, как около корабля, взметнув высокий столб воды, падает мина. С берега строчит немецкий пулемет. Пули частой дробью щелкают по броне.

«Увидели! — с досадой думает Решетняк. — Теперь будут колотить, раз живого человека заметили».

Нырнув в открытый люк радиорубки, надевает наушники, слышит позывные штабной рации. Корабль, не вернувшийся на базу, уже разыскивают, беспокоятся о нем.

Радист берет за ключ.

«Я — Решетняк, — передает он. — Катер всем корпусом на мели. Два прямых попадания. Отсеки затоплены.

Кроме меня и двух раненых, все убиты. Противник ведет огонь по кораблю».

Ответ приходит сразу: «Снимем вечером. Каждый час давайте знать о себе».

— Ну, что ж, подождем до темноты! — говорит Решетняк. Он знает: днем подойти по реке к катеру нельзя. Немецкие батареи стерегут фарватер.

Обстрел постепенно прекращается.

«Отвязались!» — с облегчением вздыхает Решетняк. Но радуется напрасно. Над кораблем появляется немецкий бомбардировщик. Очевидно, немцы решили доконать полузатопленный катер.

Надо отбиваться!

Решетняк поднимается наверх к зенитному пулемету, возле которого лежит мертвый пулеметчик.

Иван Решетняк — мастер на все руки. Он может заменить моториста, встать к рулю, справиться, если придется, за командира, умеет неплохо стрелять из пулемета.

Встреченный огнем Решетняка, бомбардировщик наспех сбрасывает бомбы в реку и улетает. Опять начинают бить немецкие батареи. Сбита антенна. Связь со своими потеряна. Но радист знает: товарищи не забыли о нем, они придут.

Снова возвращается бомбардировщик. Опять Решетняк отбивается из пулемета. И так целый день.

С бессильной злобой глядят на бронекатер немцы с правого берега. С тревогой и восхищением следят за кораблем наши моряки и солдаты с левого. Израненный, полузатопленный, неподвижный корабль в строю, корабль сражается. Над его мачтой вьется на речном ветре весь изрешеченный пулями и осколками боевой флаг.

О том, что на борту остался и отбивается от врага последний из команды катера — радист Иван Решетняк, известно уже всем морякам. Они рассказывают о нем

солдатам. И выдавшие виды, скупые на похвалу сталинградцы говорят:

— Вот это герой!

Вечером, когда на реке становится совсем темно, к бронекатеру осторожно подходит шлюпка.

— Кто на шлюпке? — окликает с катера строгий голос.

— Свои.

Над палубой показывается силуэт человека с автоматом в руках. Это — Решетняк.

На шлюпку грузят раненых. Отважный радист остается на корабле. Вскоре шлюпка возвращается, Решетняк с товарищами снимает флаг корабля, перегружает на шлюпку приборы, рацию, боеприпасы, зенитный пулемет.

Теперь, если враг даже завладеет катером, ему не достанется ничего, кроме пустого, изрешеченного снарядами корпуса.

То, что сделал Решетняк в эту ночь, он не считает чем-то необыкновенным. Он поступил так, как обязан был поступить каждый на его месте. Но командование отметило его мужество в этом бою и представило Ивана Решетняка к ордену Ленина».

— Вот это моряк! Вот это герой! — восхищается Гена Мерзляков. — Неужели и нам в такие переплеты попадать доведется? Даже не верится.

— Настоящий воин, — соглашается вместе с другими слушавший корреспонденцию Воронов. — Только, ребята, чтобы так бить врага, надо много знать, уметь. Обратили внимание на то, сколькими флотскими специальностями он владеет? К этому надо стремиться и вам. Главное, никогда, ни при каких обстоятельствах не хныкать.

В последующие дни с помощью группомсоров статью с описанием подвига Решетняка прочли и обсудили и в других сменах роты радистов. В кубриках появились лозунги: «Брать пример с Решетняка!», «Будем достойны славы фронтовиков!», «Не хныкать!» и другие.

— А ты почему свое письмо никому не прочел? — спросил Гена Мерзляков Ваню Умпелева.

— А зачем всем знать, о чем мне пишут? — покраснев, вопросом на вопрос ответил юнга.

Так бы, наверное, никто и не знал, что было в том письме, да спустя полгода, выйдя в отличники боевой и политической подготовки, Ваня сам рассказал нам об этом.

— Глуп я был, — признался юнга. — Узнав десятка три морских терминов, решил удивить одноклассниц своими знаниями. Сочинил им примерно такое письмо: «Служба идет нормально. Стал настоящим «морским волком». Кормят хорошо: едим шкентеля с мусингами, чай пьем на клотике, спим на торм-трапах...» и прочую чепуху. А девчата, оказывается, разыскали словарь морских терминов, расшифровали всю мою галиматью и дали ответ, в котором было всего одно слово: «Салага».

Все захохотали. Упрекать юнгу в хвастовстве было уже поздно. Морское дело он знал теперь не хуже любого из нас.

В последних числах декабря в школу прибыл комиссар Шахов.

Примерно в те же дни на одном из общих построений нам зачитали приказ об установлении в армии и на флоте единоначалия. Должности комиссаров упразднились. Сергей Сергеевич официально стал именоваться заместителем начальника Школы юнг по политической части.

До этого ему приходилось иметь дело с людьми взрослыми. А тут перед Шаховым оказались пятнадцатилетние мальчуганы, которым не чужды были детские забавы и шалости.

Отличительной чертой рано повзрослевших ребят была ярая ненависть к врагу, желание, несмотря на свою молодость, непременно принять участие в его разгроме. Это благородное стремление юнг и решил Шахов направить в нужное русло. По подсказанной им идее комсо-

мольцы приступают к сбору средств на торпедный катер. Работа закипела во всех ротах и сменах. Собирали не только деньги, но и облигации. Боевые листки и «молнии» каждую неделю информировали юнг о проделанной работе.

Многие после распределения мечтали попасть служить именно на этот катер.

Однажды юнги были собраны на митинг.

— Товарищи! В адрес начальника Школы юнг и его заместителя по политической части, — сообщил Шахов, — получена правительственная телеграмма. Вот ее содержание: «...Передайте юнгам, собравшим 160 тысяч рублей и 40 тысяч облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание юнг будет исполнено. И. Сталин».

Последние слова Сергея Сергеевича утонули в многоголосом «Ура-а-а!»

Так на Черноморском флоте появился еще один боевой корабль — торпедный катер (ТКА-451) «Юнга».

Инициатива комиссара, претворенная в жизнь юнгами первого набора, нашла поддержку у юных воинов последующих выпусков. Среди активных сборщиков средств в Фонд обороны в те годы были юнги Володя Лотошников, Коля Стрелков, Юра Борисов, Вася Швалев, Боря Пономарев, Валя Ширинкин, Миша Маковкин, Петя Чемоданов, Виталий Дружинин, Володя Седунов, Володя Колпаков из Перми, Владлен Ощепков из Березников, Толя Казаков из Нытвы, Володя Рудженец из Кунгура, Рева Воротов из Серги, Вася Леонтьев из Березовки, Битя Белкин из Соликамска, Игорь Бурдин и Костя Чазов из Очера, Вася Копытов и многие другие. В результате их труда на Балтике появился сторожевой катер (СК-603) «Юнга Севера».

По душе пришлась Сергею Сергеевичу наша переписка с воспитанниками и воспитателями Очерского детского дома, с военными моряками Волжской военной флоти-

лии. По его совету связались с действующими флотами, флотилиями, тружениками тыла и другие роты и смены. Писали ребятам прославленные североморцы Герои Советского Союза Иван Александрович Колышкин, Валентин Георгиевич Стариков, Николай Александрович Лушин.

С приходом Шахова заметно активизировалась работа комсомольских организаций, групп и кружков художественной самодеятельности. Командиры, побывавшие в боях, рассказывали юнгам о героическом прошлом русского флота, событиях на фронтах, боевых подвигах моряков в годы Отечественной войны, истории Архангельска, Соловецких островов и самоотверженном труде тружеников тыла. В воспитательную работу среди юнг с его помощью были вовлечены члены семей офицерского и старшинского состава, среди которых особой активностью выделялись жены начальника школы — Тамара Николаевна и замполита — Антонина Васильевна.

У Шахова был талант находить общий язык не только с командирами, партийными и комсомольскими активистами, но и с любым из юнг.

Нам Сергей Сергеевич понравился с первого дня его приезда на Соловки. И пусть мы были не всегда дисциплинированными, далеко не все умели делать, он верил в наши благородные порывы, помогал осуществлять наши ребячьи мечты, умело лепил из шаловливых мальчишек будущих военных моряков.

Однажды, не помню уж когда — то ли в конце февраля, то ли в начале марта, а может, и позже, — я был дневальным по роте. Выполняя приказание дежурного старшины, бегал из кубрика в кубрик, доводя до юнг то одно, то другое распоряжение. Стоило выбежать на улицу, как морозный воздух тут же забирался под шинель, щипал нос, щеки, пальцы рук. Но вот все эти ощущения моментально исчезли, перешли в какое-то новое состояние. Лишь несколько минут спустя я понял, что это было

чувство робости, возникшее в связи с появлением на территории части какого-то большого начальства.

Увидев его, дежурный по роте старшина Воронов вздохнул всей грудью, до предела напрягшись, и раскатисто скомандовал:

— Сми-и-ирно!

Возле землянок из-за холода почти никого не было, потому стойку «Смирно!» принял, скорее всего, я один.

Устремив взгляд на подходивших командиров, понял, что робость была вызвана необычностью формы шедшего между замполитом Шаховым и комбатом Пчелиным пожилого офицера. На плечах его я увидел... погоны. Рас-теряться было отчего — человека с погонями на плечах до сих пор я видел только в кинофильмах, а живого в первый раз. Им оказался новый начальник школы, прибывший вместо уехавшего на действующий флот Иванова, Николай Юрьевич Авраамов.

А Воронов уже бежал ему навстречу. Вот он переходит на строевой шаг и, остановившись в трех шагах, приложив руку к фуражке, докладывает:

— Товарищ капитан первого ранга, дежурный по роте старшина первой статьи Воронов. — Делает шаг в сторону, поворачивается во фронт, дает начальнику школы дорогу.

— Вольно, — негромким спокойным голосом говорит Авраамов.

— Во-о-льно! — все так же зычно повторяет команду старшего Воронов. Казалось, своим громовым голосом он хотел предупредить юнг в землянках о приближении начальства.

Капитан первого ранга подает старшине руку и не спеша начинает обход территории роты.

Я не свожу с него глаз. Острое лицо с прямыми нависшим носом, седые, лохматые брови и бакенбарды делают начальника школы очень строгим.

До меня доносится разговор командиров.

— Им бы кораблики по лужам пускать, под крылышком матерей уроки учить, а не на постах стоять да парашютистов ловить, — спокойным, пожалуй, даже чересчур спокойным голосом говорил Авраамов сопровождавшим его офицерам.

— Пускать кораблики не просятся, а на фронт — все как один, — высказывал наши чаяния и желания Александр Григорьевич.

— Фронт... фронт... Кому туда не хочется? Я и сам готов выбрать якорь и отправиться на боевой корабль, да грехи, как говорится, не пускают.

Авраамов все время морщился, то и дело совал руку за пазуху, прижимал ее к сердцу. Похоже, ему нездоровилось.

— Юнга! — позвал меня Пчелин. — Подойдите сюда.

Я сделал несколько торопливых шагов, перешел на строевой и по всей уставной форме доложил о прибытии.

— Вот спросите хотя бы его, о чем он думает, — посоветовал комбат Авраамову.

— Ну и о чем же? — с добродушной улыбкой спросил меня новый начальник школы.

— Говори, не стесняйся — заметив мое смущение, ободрил капитан-лейтенант.

— О чем все. Полгода на флоте, а врага в глаза не видели. Какой он, живой фашист — не представляем...

— На фронт рвешься?

— Так точно, товарищ капитан первого ранга! — выпалил я.

— Успеешь, навоюешься, — с грустью в голосе заметил Авраамов.

— И вот так все, — сказал Пчелин.

— Не агитируйте. Поймите, юнгам спешить на войну рано, — заключил капитан первого ранга. — Прежде чем встать на боевые посты, они должны в совершенстве овладеть морским делом и своими специальностями. Недоуч-

ки — лишнее пушечное мясо, а жертв на войне и так много... Отличная учеба — вот их наиглавнейшая задача.

Авраамов о чем-то подумал и, видимо, не желая больше продолжать разговор на эту тему, приказал:

— Постройте роту!

— Есть построить! Второй роте строиться!

Дежурный по роте подхватил команду капитан-лейтенанта:

— Второй роте строиться!

Я изо всех сил засвистел в боцманскую дудку, все дневальство висевшую у меня на шее, и, обходя кубрики, стал во весь голос кричать:

— Вторая рота, выходи строиться!

Через несколько минут выбежавший из командирской землянки Дубовой, бросив короткий взгляд на застывшие по команде «Смирно!» шеренги юнг, подошел к начальнику школы и доложил:

— Товарищ капитан первого ранга, по вашему приказанию вторая рота построена!

Авраамов, держа руку у козырька с золотыми лавровыми листьями, поздоровался с юнгами бодрым, хорошо натренированным на командах голосом:

— Здравствуйте, товарищи юнги!

Мы, не желая показаться против него слабаками, громко, как только могли, ответили:

— Здравст, товарищ капитан первого ранга!

Но то ли от волнения, а может, от неумения, получилось не совсем хорошо. Четко прозвучало только «Здравст», а остальные слова рассыпались горохом.

— Отставить! — скомандовал Авраамов и поздоровался вторично.

На этот раз ответ юнг прозвучал не только громко, но и четко.

— Молодцы! — похвалил начальник школы. — Стоило захотеть — и получилось.

Авраамов дал высокую оценку выполненным юнгами строительными работ, отметил наше трудолюбие и обратил внимание на необходимость улучшения боевой подготовки.

— ...Недоучки флоту не нужны. Боевые корабли в лишнем балласте не нуждаются. Плохой юнга — кандидат не в моряки, а «летчики» — может вылететь из школы, как пробка. Таковы требования военного времени, — сказал он сурово. — Постоянно помните, что главный экзамен будете держать не перед преподавателями, а в бою. А там плохие знания могут привести к гибели не только совершившего оплошность, но и всего личного состава и корабля в целом. Не забывайте, отличники боевой и политической подготовки получают право досрочного выпуска, выбора любого флота страны и любого класса кораблей.

— Ура-а-а! — закричали юнги.

Вечером в кубриках только и разговору было, что о новом начальнике школы. Одни находили его строгим, от которого пощады не жди, другие — ничего, терпимым.

Осведомленнее всех, как всегда, оказался старшина.

Вошедший с улицы Воронов первым делом направился к «буржуйке», стал усиленно отогревать и растирать посиневшие на морозе руки, потом разделся, привел в порядок свою пышную шевелюру. Юнги к этому времени приготовили для командира смены самое подходящее место, чтобы всем было его не только слышно, но и видно. Стоило старшине сесть на табуретку, как он тут же оказался в тесном кругу юнг.

— Он сердитый? — спросил я старшину, имея в виду Авраамова.

— Поспешные заключения часто ведут к ошибкам, — сказал назидательно Воронов. — Нельзя судить о характере человека по его внешнему виду, делать выводы с первого взгляда. Николай Юрьевич — человек-душа, заботится о подчиненных не меньше, чем о своих детях.

— Расскажите о нем подробнее, — загалдели юнги. — Все, что знаете...

В тот день мы узнали, что во главе Школы юнг отныне будет стоять не просто опытный моряк, но и активный участник установления Советской власти в Петрограде, гражданской и Отечественной войн, кавалер многих боевых наград, в том числе ордена Ленина, трех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды и многих медалей, автор одиннадцати учебников по военно-морскому делу.

Воспоминания... Воспоминания...

— А помните, с каким аппетитом ели смоченные в озерной воде, крепко посоленные черные сухари? — оказавшись на берегу Банного озера, спросил кто-то.

— Сухари? Какие?.. Ах, те самые, что пришли с материки в посылке?

Припоминаем, с чего все началось.

В тот вечер в кубрике царило необычное оживление. Бывшему воспитаннику Березниковского детского дома Израилу Пружан здорово повезло — нашлась мать.

Полученное им письмо читали вместе.

«Дорогой сынок! Нас с тобой разлучило несчастье. После проводов отца на фронт машина, на которой я ехала, попала под бомбежку. Меня без сознания доставили в больницу, а потом направили в дом инвалидов.

Сейчас немного поправилась и, чтобы в тяжелое время не сидеть на шее государства, пошла работать в колхоз. Положение здесь нелегкое: скоро весна, надо будет сеять, а семян мало, да и купить у колхоза не на что. Всею помеха война, развязанная фашистами... Будь добр, отомсти им на наши муки...»

Как-то стихийно образовался оргкомитет для оказания помощи колхозникам.

Каждый юнга ежемесячно получал 8 рублей 50 копеек. Деньги невелики. Но и их на островах тратить было

негде и не на что. Всем необходимым нас обеспечивало государство. Приняли решение причитавшееся в том месяце денежные довольствие перевести в колхоз. Сначала собрали деньги ребята одной землянки, потом роты, а через несколько дней и всего батальона.

Было это в один из зимних вечеров 1943 года. Отослали и забыли об этом. А месяца через два или три от земляков Цружана в часть пришла посылка с черными сухарями.

«...Дорогие сынки! Спасибо вам за заботу о нас. На присланные вами деньги мы купили у государства зерно. Его хватило не только на сев, но и еду, разделили по трудодням. В каждой семье испекли понемногу чистого, душистого хлеба, какой ели до войны. Насушили сухарей. Отведайте наших гостинцев.

Правление».

Ох и вкусные были эти сухари! Никогда таких не едал.

Кажется, в тот же вечер получил письмо и я. После долгого молчания прислал весточку с Волги Яша Гурьев.

«...Сообщаю тебе печальную новость. Не стало нашего бати, — писал мой друг. — Случилось это во время боев в районе Латошанки. Лысенко повел отряд кораблей для снятия выполнившего свою задачу десантного отряда. Во время этой операции он был тяжело ранен. Скончался в госпитале. Подробности узнаешь из прилагаемой листовки».

Я знал, какой любовью и уважением моряков пользовался этот человек, с помощью которого мне удалось попасть в Школу юнг, и даже представить не мог, что его уже нет в живых. Однако листовка политотдела Волжской военной флотилии это подтверждала: «...Свой долг перед Родиной товарищ Лысенко выполнил до конца, честно и самоотверженно отдав свою кровь, каплю за каплей, своему народу, Родине. Он приумножил боевую славу военных моряков Волжской флотилии.

Советские моряки! Родина, партия, народ никогда не забудут мужественный образ командира-большевика...»

«За заслуги перед Родиной капитан третьего ранга (это звание ему было присвоено в ходе боев за Сталинград) С. П. Лысенко посмертно награжден орденом Ленина», — сообщал в конце письма Гурьев.

Листовка ходила из рук в руки до самого отбоя. Юнги-радисты из моих рассказов знали уже немало о боевых подвигах Лысенко и сейчас искренне скорбили по поводу его смерти.

— Какие люди гибнут! — горестно вздыхал Гена Мерзляков. — А мы тут вместо того чтобы воевать, целыми днями, словно дятлы, стучим на ключе да слушаем писк учебных радиоприемников. Скорее бы уж на фронт!

Познав азы военно-морского дела, юнги стали рваться на борьбу с врагом еще больше...

— Проведаем «извозчиков»? — предложил мне однажды Гена.

«Извозчиками» радисты звали рулевых. Обидеть этим их не хотели, но уже через несколько дней услышали, как они нас в ответ зовут «клоподавами».

В роту рулевых нас влекло сообщение о том, что Лида Алешычева пронесла туда объемистую пачку писем. Свои мы уже прочитали. Теперь хотелось узнать, что пишут земляки нашим «извозчикам».

После разделения юнг на роты в часы занятий, работ и дежурств мы находились в кругу своих новых друзей по специальности, а минуты отдыха по-прежнему предпочитали проводить среди земляков. Землянки разных рот были рядом, так что для хождения в гости друг к другу много времени не требовалось.

Дневальный по роте Женя Ларинин встретил нас приятным сообщением:

— А мы не только письма, но еще и посылку получили!

Счастливым оказался Боря Каплан из Березников. По рукам юнг ходило письмо его матери.

«Здравствуй, сынок! — писала она. — Ездила к родственникам на юг. Впервые попробовала мандарины. Очень понравились. Люди мне говорили, что там, где ты служишь, нет не только фруктов, но и овощей. Решила, чтобы и ты их попробовал. Кушай по одному мандарину в день, и тебе их хватит надолго...»

Каплан принес посылку в кубрик, вскрыл ее. Мандарины были — одно загляденье: крупные, золотистые, ароматные. Их запах сразу же распространился по всему кубрику.

Юнга из Юрлы Витя Сакулин закрыл глаза.

— Ребята, где я? В саду? Конечно же. Вот я протягиваю руку и срываю фрукты... — И стал водить рукой в воздухе.

Боря тихо подошел к Вите и положил в его руку мандарин.

Все захохотали.

— Боря! — крикнул Бурков. — Я тоже в твоём саду.

— Раз ты в моем саду, так угощайся же! — Каплан дал и Васе мандарин.

А потом начал угощать каждого, кто был в кубрике. Получили по мандарину и мы с Мерзляковым.

— Не мандарины, а объединение, — хвалили юнги. — Вот бы на Соловках росло такое чудо!

— Брусника, черника, клюква, которых здесь полно, — ягоды тоже хорошие, — заметил Гена.

Ели, хвалили, вспоминали мирные годы, когда овощей, фруктов и других продуктов было в достатке. Скоро от посылки остался лишь запах да один мандарин, оставленный Борей для себя.

Тут с вахты пришел Женя Ларинин. Учув запах, увидев перед друзьями горки мандариновых корочек, шумно втянул ноздрами воздух.

— Что я вижу? — удивился он. — Неужели апельсины?

— Не апельсины, а мандарины.

Капitan достал из кармана перочинный нож, сохранившийся со времен гражданки, разрезал оставшийся мандарин пополам и поделился с товарищем.

Вечером Боря писал письмо.

«Спасибо, мама, за посылку. Мандарины — фрукты замечательные. Вся наша смена да и многие другие юнги Прикамья это подтвердят. Вкусные... Еще раз спасибо тебе!»

Однажды я был назначен рассыльным по штабу. Исполнение этой обязанности особой радости у нас не вызывало. Не каждому хотелось возле дверей начальника школы заменять вывеску «Без доклада не входить!», все время находиться на глазах у командиров, постоянно слышать: рассыльный — туда, рассыльный — сюда, сделай то, не забудь про это... Вот и носился с противогазом на боку от одного командира к другому, из штаба в землянки, оттуда до камбуза и обратно в штаб. Пospoкойнее было лишь в часы, когда руководство школы находилось в ротах или кремле. Тогда можно было посидеть с книгой в руках, сбежать в соседнее здание — послушать, как идут занятия у рулевых, боцманов. Лишние знания не помешают.

Классы, которые мы часто называли кабинетами, а преподаватели — аудиториями, размещались в бывших камерах. Теперь так их называть уже язык не поворачивался. Благодаря стараниям юнг они преобразились.

В кабинете радистов помимо установленных нами ключей и наушников, появилось много другой аппаратуры. Недавно даже крейсерский радиопередатчик поставили. В аудиториях рулевых холодно мерцают выпуклые чечевицы компасных линз, благородно отсвечивает красное дерево нактоузов, бронза и сталь другой навигационной техники.

Не удалось юнгам ничего сделать только с просверленными в дверях глазками, служившими когда-то для наблюдения за заключенными. Снаружи они маленькие — не больше пятака, а внутри диаметром в полметра, благодаря чему из коридора виден почти весь класс.

Меня когда-то удивило обилие дисциплин, подлежащих изучению радистами. У рулевых их тоже оказалось немало: морская практика, сигнальное дело, устройство корабля, навигация и штурманское дело, карты и лоции, рули и поворотливость корабля, метеорология, вождение шлюпки, мореходные приборы, электронavigационные инструменты...

Звенит звонок. Совсем как в обычной школе. Только на уроки юнги разбегаются по-военному быстро, без шума. Не проходит и минуты, а в аудиториях уже тишина, в коридоре — ни единого человека. Доносятся лишь приглушенные каменными стенами голоса преподавателей.

Подхожу к двери класса рулевых. «Извозчики» изучают сигнальное дело.

— ...Кто знает, что означают белый, синий и красный цвета советского военно-морского флага? — спрашивает инструктор рулевого цикла старшина 1-й статьи Алексей Петрович Исаев.

Через глазок вижу десяток поднятых рук, в том числе Олега Няшина, Юры Татарникова и сидящего за ближайшим ко мне столом Вити Сакулина.

Обведя класс взглядом, старшина подымает моего земляка.

— Белый цвет означает благородство и честь воинскую, синий — безупречность и верность долгу, красный — мужество и братство, — уверенно отчеканил Витя.

— Недавно в нашем флоте появился гвардейский флаг. Чем он отличается от обычного военно-морского? — задает очередной вопрос Исаев.

Опять лес поднятых рук.

«Молодцы «извозчики», — подумал я. — Побавляются

«короля неудов». Так втихую, между собой, звали мы Алексея Петровича, ставившего много неудовлетворительных оценок.

На этот раз возможность держать ответ была дана Буркову.

— На гвардейском флаге, — от спешки немного тушуясь, отвечает Вася, — вьется черно-оранжевая лента, означающая огонь и дым сражений, в которых корабль и его команда отличились...

— Достаточно, — прерывает его преподаватель. — Вижу, что знаешь. И другим надо высказаться. Кто еще может что-либо сказать о военно-морском флаге?

Выше других поднял руку Татарников.

— Военно-морской флаг носится кораблем на корме, — начинает рассказывать Юра. — Как только выбраны якоря, его переносят на гафель мачты...

— Молодец, хватит, хорошего понемногу, — останавливает его старшина. — Юнга Пошляков! А чем вы можете дополнить рассказ своих товарищей?

Поднять руку Саша, видно, не успел, но отвечает не хуже других

— Каждый моряк, поднимающийся по трапу на корабль, обязан флаг приветствовать. Неотдача чести флагу — нарушение воинской дисциплины. Поднятие флага «крыжом» — вверх ногами — есть оскорбление корабля...

— Садитесь. Вижу, что старались. Тема освоена хорошо. А теперь поговорим о флагах сигнальных...

Алексей Петрович стал показывать югам флаги Военно-Морского Свода СССР и Свода Международного, рассказывать, что они означают.

«Неужели все это можно запомнить? А я-то считал, что только нам, радистам, надо много знать и уметь...», — думал я, переходя к соседнему кабинету. Только прижался к дверному глазку, как почувствовал на своей спине чью-то руку, потянувшую меня назад.

Обернулся — рядом стоял неизвестно когда и откуда появившийся начальник школы.

— Марш на место, а то «размотаю на всю катушку», — полушутя-полусерьезно пообещал он мне. — На фронт рвешься, а исправно нести службу не научился. А там без этого никак нельзя.

Я совсем забыл, что место рассыльного не в учебном корпусе, а возле дверей капитана 1-го ранга в соседнем здании штаба школы.

Признаюсь, замечание, сделанное Авраамовым, меня не очень огорчило. Мы уже давно поняли, что Николай Юрьевич лишь внешне строг, а на самом деле — человек душевный, добрый, чуткий. «Размотать на всю катушку» он только грозился, а на деле крайними мерами дисциплинарного воздействия никогда не пользовался — больше старался повлиять на нас не наказаниями, а убеждением. Вспоминается, как он вел уроки морской практики. Учебник «Шлюпочное дело», изданный Воениздатом в 1938 году, по которому мы занимались, был написан им самим. Николай Юрьевич считался лучшим знатоком шлюпочного дела в стране. Недостаточно уяснивший изучаемую тему мог попасть в самое неприятное положение, какое можно было только представить. Нет, Николай Юрьевич голоса на нас не повышал, не ругался, а лишь внимательно, с укоризной смотрел на того, кто, решив стать моряком, должным образом не удосужился изучить то, без чего служба на флоте невозможна.

— Я-то старался, учебник писал, чтобы облегчить ваш путь в моряки, а он уяснить готовое, жизнью проверенное, времени не нашел, — говаривал он провинившемуся, а сам смотрел на него так, что в следующий раз не захочешь, да выучишь.

А как мы любили выходить с ним на шлюпках под веслами или парусами в море! Семь потов при этом сходило — не только тельняшки, но и белые брюки из сурового льняного полотна, голландки с синими отложными

воротничками — все у каждого из нас было мокрым, но зато какое удовольствие от этих занятий получали!

Видя наше старание, преображался и сам начальник школы. Покрытое крупными морщинами лицо его молодело, глаза светились.

— Молодцы! Молодцы! — громко приговаривал он. — Выйдут из вас настоящие военные моряки! Выйдут! Верю!

Такая похвала нас неимоверно радовала, ведь это были слова знатока шлюпочного дела, героя Цусимского сражения, имевшего за него именное золотое оружие.

Как я и предполагал, наказывать меня Авраамов не стал. Причин для того было немало. Главная же из них — сообщение о разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Принесли его вбежавшие в коридор штаба инструкторы радиододела Пестов и Астахов.

— Приемник, приемник скорее включайте! — кричали они так громко, что их голоса, наверное, были слышны не только в штабных комнатах, но и на улице.

Из кабинета Авраамова тут же донесся знакомый голос диктора Всесоюзного радио Левитана, передававшего очередную сводку «От Советского информбюро».

Через секунду звучание радиоприемника усилилось, а дверь кабинета резко распахнулась.

— Прошу сюда! — прозвучала не совсем обычная, зычная команда начальника школы.

Рабочий кабинет Николая Юрьевича тут же наполнился штабными работниками, офицерами, старшинами и даже прибежавшими из учебного корпуса юнгами.

2 февраля 1943 года битва под Сталинградом завершилась полной победой наших войск. 91 тысяча солдат и офицеров, оставшихся в живых из 330 тысяч окруженных немцев, взята в плен.

Вечером в клубе школы по этому поводу состоялся торжественный митинг. Выступление замполита Сергея

Сергеевича Шахова, сделавшего сообщение о победе на Волге, то и дело прерывалось громом долго не смолкавших аплодисментов, от которого жалобно дребезжали расписанные морозом стекла окон. По щекам мальчишек, приехавших в Школу юнг по путевкам Сталинградского обкома комсомола, да и многих других, от радости текли слезы.

Один за другим бежали месяцы. С приходом весны кое-кто из особо успешно занимавшихся юнг ушел на боевые корабли Северного флота. Дни становились длиннее, ночи короче. Здесь, на севере, это заметно очень хорошо. Между тем наша жизнь шла своим чередом. После команды «Подъем!», выбежав на залитую ласковым солнышком «линейку», делали физзарядку, наперегонки неслись к озеру умываться, приводили в порядок постели, кубрики, строем с песней отправлялись на завтрак, а потом — на занятия. В утренние часы занимались общеобразовательными предметами: русским языком, литературой, математикой, физикой, географией, потом электротехникой, радиоделом. А вечерами под руководством старшин шла самоподготовка. Бывало, в такие часы командиры и политработники проводили с нами беседы. Материалом для них нередко служили приходившие нам и в часть письма от родных, близких. С разных фронтов, флотов и флотилий в треугольниках и настоящих конвертах со штампами «Краснофлотское» или «Красноармейское» в школу ежедневно поступали письма от наших отцов и старших братьев, сражавшихся с врагом, которые рассказывали о делах на фронте, тут и там происходящих морских сражениях, боевых подвигах советских воинов.

— О том, где и как шли бои, — вспоминал после бывшего юнга Юрий Борисов, — чаще других нам рассказывали замполит школы капитан 3-го ранга Шахов, заместитель командира батальона по политической части капитан

Калинин, парторг роты старшина 2-й статьи Карачев, другие партийные, комсомольские работники, командиры смен. Делалось это обычно в непринужденной обстановке. Но в очередной раз старшина смены нас почему-то построил, тщательно проверил выправку, форму одежды и дал команды:

— Равняйся! Смирно!

Дверь в землянку открылась, и в кубрик в сопровождении начальника школы Аврамова, замполита Шахова вошел начальник политотдела Учебного отряда полковник Гришанов. Поздоровался и стал держать речь:

— Товарищи! Совсем недавно с вами жил и учился представитель комсомолки Прикамья, юнга из Добрянки Валерий Перинго. Как отличный специалист, он досрочно ушел в действующую часть. На днях от командования флотом получено сообщение о том, что он, честно выполнив свой воинский долг, погиб. Командование Учебного отряда приняло решение винтовку, с которой служил в Школе юнг комсомолец Перинго, вручить самому лучшему юнге. По только что подведенным итогам учебы, учитывая образцовое поведение и несение службы, винтовка погибшего при исполнении своих воинских обязанностей Валерия Перинго сегодня вручается лучшему из лучших...

Строй замер.

— Другому юнге Прикамья... Юрию Борисову, — торжественно назвал мое имя Василий Максимович.

Я стоял ни жив ни мертв. Не ослышался ли? Неужели лучший из лучших — это я? Даже не верилось.

С этого дня в своих глазах, да и товарищей, по-моему, тоже, я как бы подрос, поумнел, повзрослел. К учебе, несению караульной службы, выполнению хозяйственных работ стал относиться еще серьезнее. Думал о том, что бы сказал о моих действиях павший смертью храбрых юнга. А его винтовку берег больше собственного глаза, чистил, смазывал особенно тщательно, за что не раз отмечался командиром смены перед строем.

Многое теперь, к сожалению, забылось. И не только события, но и люди. Память сохранила фамилии лишь тех, кто уделял нашему обучению и воспитанию особенно много внимания, вкладывая в это дело свою душу. Уроки русского языка и литературы вел у нас выпускник Кировского педагогического института лейтенант Павел Павлович Вишнев, хорошо понимавший, что его уроки для юнг — не главные. Домашними заданиями непомерно не загружал, но и отметки не завышал.

— Что положено по программе — выучи и не греши, — говаривал.

Математику и физику осваивали под руководством военинженера 3-го ранга Исаия Абрамовича Камышко, который, несмотря на довольно высокое воинское звание, вел с нами себя запросто, оценивал человека не по чинам, а уму и деловитости.

Запомнились чуткость, отзывчивость и сердечность преподавателя электротехники военинженера 3-го ранга Панина, старшины смены Григория Сивковского.

Знаний по радиотехнике набирались от военинженера 3-го ранга Пукимова. Когда кто-либо из нас падал духом, он, как и замполит Шахов, всегда находил нужное слово для успокоения и поднятия настроения:

— Ничего, браток, не теряйся: терпение и труд замечательные плоды дают.

За соблюдением учебной программы и качеством освоения изучаемого неусыпно следил начальник учебной части капитан-лейтенант Ольшев.

Пусть уж извинят эти дорогие мне люди, что память не сохранила их имен, ведь мои встречи с ними были редки и кратковременны. Проведя час-два занятий, преподаватели уходили в свое общежитие — бывшие монашеские кельи, а мы в классах под руководством старшин продолжали уяснять пройденные темы до последних мелочей. Трудно давались наименования рангоута и такелажной оснастки кораблей парусного флота. Много вре-

мении уходило на заучивание морских терминов. Если такие, как «бом-брам-лисель-галс» или «бом-блинд-бо-вен», могли произносить даже скороговоркой, то названия систем якорей Болда, Гаукинса, Денна, Инглевильда, Марелля и принятого в нашем флоте якоря с поворотными лапами Холла язык пока выговаривал лишь с большим трудом.

В таких случаях какой-нибудь шутник снова и снова напоминал любимые слова инженера Пукемова: «Ничего, браток, не теряйся: терпение и труд замечательные плоды дают».

В этом мы убеждались каждодневно. Бывало, выходишь с урока и думаешь: «Такое я никогда не осилю», а посидишь часа два-три в классе или в нашей мальчишеской кают-компании возле «буржуйки» под неусыпным вниманием всезнающего Воронова и, глядишь, начинаешь разбираться. А Василий Петрович усмехнется и скажет:

— Вот умора, а говорили: «Не запомнить, не понять».

С приближением лета настроение юнг стало подниматься. Если в короткие зимние дни выходили из землянок лишь для того, чтобы строем пройти до столовой, учебного корпуса и обратно до кубриков, то теперь мы их покидали и для прогулок в лес, чтобы полюбоваться оживающей природой. Как и у нас, в Прикамье, здесь росли вечнозеленые ели, сосны, лиственницы, пихты, а на хуторе Горка и в Савватиево даже посаженные руками человека величественные кедры. В удалении от лагеря на еще припорошенных снежком полянах были видны следы зайца, лисицы. Говорят, когда-то здесь водились даже лапландские олени.

Населения на островах мало. Наверное, поэтому зверюшки вели себя без особой боязни. Вездесущий Митька Рудаков как-то даже утверждал, что у одного из местных жителей собственными глазами видел дореволюци-

онную газету, в которой автор рассказывал, будто ему довелось на Соловках лицезреть лисицу, которая преспокойно взяла из рук человека кусок сахара.

Мне угощать лисиц, правда, не доводилось. Может, потому, что нам давали не кусковой сахар, а песок, с которым мы и без посторонней помощи справлялись успешно. А вот довольно доверчивую, не трусливого десятика лису мы однажды видели.

Рота в двести пятьдесят человек шла строем на обед.

Старшина Воронов, державшийся рядом со своей смелой, был в своем репертуаре.

— Ножку! Ножку! Не слышу нож...

Не услышав до конца хорошо знакомой команды, юнги повернулись в сторону старшины. Уж не поскользнулся ли он, не случилось ли со старшиной чего другого?

— Лиса! Лиса! — нарушая порядок в строю, вдруг закричал из всех сил Гена Мерзляков.

И только после этого возгласа я заметил, что впереди старшины, приветливо помахивая хвостом, ничуть не спеша, ничего не боясь, бежит, видимо, вынырнувшая из-под выстроившихся вдоль дороги елей рыжая плутовка. Что тут поднялось! Крики, смех, свист...

А лиса хоть бы что — бежит рядом со строем без всякого страха. Проводив юнг до поворота, приостановилась, посмотрела нам вслед и отправилась в лес по своим делам.

С наступлением теплой погоды, благодаря Авраамову, губа Сосновка превратилась в настоящую гавань. С помощью юнг из роты боцманов туда были доставлены шестерки, катера, вельботы. Рядом со шлюпками на солнышке нежились сонные тюлени.

Как-то я был поставлен сюда на пост. От нечего делать тихонько шагал вдоль вытащенных на берег шлюпок. Под рабочими ботинками потрескивали ягоды морского винограда до скрипела морская капуста — ламинария.

Как-то само собой потянуло в сторону лениво игравших со своими детенышами тюленей. Только я сделал попытку присоединиться к их забавам, как откуда ни возьмись появились крикливые чайки, вздумавшие носиться над лежбищем тюленей. Те то ли от страха из-за моего приближения, то ли из-за птичьего гомона стали шипеть и заковыляли к воде. Попытка поиграть с тюленями окончилась неудачей еще и потому, что на тропинке змейкой, выползавшей из леса, показалась цепочка юнг из роты рулевых, среди которых я тут же заметил Сашу Пошлякова, Юру Татарникова, Васю Буркова и Витю Сакулина. В ее хвосте шли начальник школы и старшины смен.

Юнги выстроились, подравнялись. Николай Юрьевич встал перед ними.

— С сегодняшнего дня будем учиться ходить на шлюпках. Шлюпка в воспитании моряка — инструмент наиглавнейший... Вы испытаете массу удовольствий, но будет немало и тяжелого труда, — говорил Николай Юрьевич. — Будут и романтика, и мозоли... И не только на руках, но и на том месте, что ниже пояса...

Лица юнг расплылись в улыбках.

— Хождение на шлюпке поможет выработке таких необходимых для моряка качеств, как глазомер, быстрота реакции, сноровка, умение находить выход из критических положений. Укрепится ваша воля, по-настоящему полюбите море. А кто будет лениться, рискует схлопотать «на всю катушку», а то и вылететь из школы. Балласт на кораблях не нужен.

Зная, что эти слова у Николая Юрьевича лишь своеобразные поговорки, юнги добродушно улыбались. Они не без основания считали, что никакого списания из школы быть теперь не может хотя бы потому, что из полутора тысяч ее воспитанников уже не было ни одного отстающего. Абсолютное большинство юнг учились на 4 и 5.

Через несколько минут раздалась команда: «Оттолкнуть нос!», «Уключины вставить!», «Весла разобрать!», «Весла!», «На воду!» Заскрипели уключины, и шлюпки взяли курс в открытое море.

Увидеть возвращение рулевых не удалось. Пришла смена. В землянку решил вернуться не по тропинке, а напрямик. Каждый выход из расположения части убеждал меня в неопишуемой красоте и своеобразии Соловецких островов.

Хотя в древности Белое море и называлось Студеным, климат на острове суровым я бы не назвал. Недавно от Воронова узнал, что Большой Соловецкий остров больше острова Мальта, что окружность его — около 100—115 километров, длина береговой черты — почти 200 километров. Берега сильно изрезаны, изобилуют морскими заливами, мысами, полуостровами.

На пути то справа, то слева голубели озера. И каждое — подлинное чудо, хоть чем-нибудь да отличается от другого. А названия-то какие у них: Ягодное, Хлебное, Благодатное, Святое, Щучье, Лопушки, Горелое, Красное...

Удивительная тишина, царившая вокруг, нарушалась только тихими всплесками многочисленной озерной рыбы. По берегам, как на подбор, стройные ряды осин и берез. Можно вообразить, как красиво эти деревья выглядят осенью, когда окрашиваются в золотые и пунцовые цвета. А за ними сплошной стеной до самого расположения батальона стоят зеленые ели и сосны — царство замшелых стволов, камней, бородатого мха на нижних ветвях елей.

Петляю по зажатым лесом маленьким полянкам, утопающим в сплошных коврах брусничника, черники, голубики, мороники, всевозможных цветов, среди которых узнаю ромашку, иван-чай, колокольчики, медуницу, одуванчики, лютики, фиалки, кипрей... Залюбовавшись цветами, я, кажется, немного подзаблудился... беру курс на

Секир-гору. Ее здесь отовсюду видно. Выхожу возле нее на дорогу. Оказываюсь у лестницы, ведущей на гору. Не удержавшись, поднимаюсь вверх. Считаю ступеньки. Сколько же их? Кто-то говорил, что по числу дней в году — 365. Перед глазами открывается фантастическая картина. С самой высокой точки Соловецкого острова далеко видно не только море, но и поросшие лесом соседние острова, голубые глаза многочисленных озер, прямые желтые нити дорог, на которых кое-где можно разглядеть столетней давности верстовые столбы.

Спускаюсь, иду на дорогу. Через лиственный лесок выхожу на обширный луг. Рядом небольшое озеро. А тут за поворотом рукой подать до нашего родного Савватиево. Удивительное местечко! Два живописных озера, поросшая буйной травой чудесная поляна, посреди нее небольшая кедровая рощица, огромные каменные глыбы, цветы... Кругом такая красота, что, кажется, любовался бы ею до бесконечности.

Но помимо кедровой рощи, радующих глаз северных цветов на поляне два здания — штаба и учебного корпуса. Они напоминают, что не предусмотренная распорядком дня прогулка по острову затянулась. Спешу на занятия.

Заглянув в глазок, вижу, что радисты занимаются приемом на слух. Сидят с наушниками на головах, склонившись над столами, и торопливо записывают очередную радиограмму. В последнее время мы в этом поднааторели — большинство принимало по сто и больше знаков цифрового текста в минуту. Примерно с такой же скоростью вели передачу. Робкая и сбивчивая поначалу морзянка, отбиваемая нами на телеграфных ключах, все более походила на работу настоящих радистов-профессионалов.

Чтобы не мешать занимающимся, решил до звонка побывать в коридоре. Подошел к соседнему классу. В нем сидят рулевые. Тоже занимаются морзянкой. Инструктор

рулевого цикла Исаев на клавишах Ратьера отщелкивает знаки азбуки Морзе, а рулевые по миганию фонаря хором читают слова, а потом и целые фразы:

— Спра-ва по бор-ту ми-на!..

Звенит звонок.

Следующее занятие в нашей смене — практические стрельбы. Затем водолазное дело. После изучения теории пришло время практических погружений. Как отлично знающего материальную часть, первым инструктор послал на дно озера Мишу Лагунова.

Товарищи втиснули его в скафандр. Юнга открыл кислород, нажал на бойпас. Хлопок по голове. Он означает команду: «Пошел на погружение!»

Берег неудобный, скользкий, обрывистый. Пока неопытный водолаз медлил, сползая к воде, в скафандре скопилось много воздуха (Миша выпустил его через нос, чего делать не следовало). Водолаз потолстел, стал похож на пузырь, и вместо того, чтобы погрузиться, поплыл по воде. Минутой позже произошло совсем непредвиденное. Пояс балласта и аппарат сдвинулись к груди, и юнга оказался вверх ногами. Под хохот ребят он беспомощно болтал ими. Инструктор дернул сигнальный конец, что означало: «Как себя чувствуете?» Лагунов ответил: «Чувствую себя хорошо, стою на грунте», — поскольку раздельного сигнала не существовало. Юнг это развеселило еще больше, ибо стоять на грунте теперь Миша мог разве что на голове. Наконец незадачливому водолазу помогли выбраться на берег.

«Теперь меня в воду больше не пустят», — с сожалением подумал Лагунов. Но юнга приучил себя не унывать, не хныкать, при неудачах и трудностях не пасовать. В трудные минуты любил про себя напевать: «Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда». А тут еще инструктор объяснил, что это его вина — не предупредил, что выпускать воздух через нос нельзя. Разочарование прошло. Миша присел на кор-

точки, юнги крепче через плечевые клапаны выжали из скафандра воздух. И Лагунов снова пошел в воду. Теперь скафандр обтягивал его, как трико, и он спустился на дно быстро. Едва коснулся его, как черные тучи ила взмыли вверх. Наступила сплошная тьма. Лагунов стоял и вертел головой, следя за наполнением дыхательного мешка, чтобы опять не всплыть. Неожиданно почувствовал, что в скафандр поступает вода. «Значит, порван», — подумал он. Руки сами подали сигнал к подъему.

Мишу вытащили. Оказалось, аппарат цел. Просто по неопытности юнги его плохо загерметизировали. В скафандр полез следующий. А Мишу сразу же обступили товарищи.

— Рыбу видел?

— Видел. Тысячи. Одну даже в карман запихнул... — негодуя на себя за неудачи, отвечал Миша. — Спустились — сами все увидите.

В тот день под водой побывали лишь шестеро. Курьезного и смешного было и у них немало.

На другой день занятия было решено проводить на Горелом озере. Там дно песчаное, а вода прозрачная. Первым в воду пошел опять юнга из Добрянки.

— Задача: разведать дно, пройти по азимуту чуть-чуть, без компаса, десять метров вперед, сделать поворот на девяносто градусов, еще десять метров, еще поворот. Должен выйти на берег левее в десяти метрах, — пояснил инструктор.

И Лагунов пошел. Да так, будто всю жизнь только этим и занимался. И рыбок увидел. Но они вели себя осторожно, держась от водолаза на приличном расстоянии. Увидел скалу. Издалека она казалась серой, сплошь обросшей каким-то мхом. Приказа сворачивать, обходить не было. Придется перелезть. Подошел. А скалы уже нет. У ног лишь небольшой камень. Иллюзия? Смотрит дальше: лежат бочки. Подумал: «Камбузные». Блестят,

словно надраенные. Зачем они тут? Надо будет достать... Опять показалось — да ведь это же консервные банки. Увидел бревно-топлик, черное такое. «Наверное, палка». Оказалось, щука. Сиганула от юнги так, что только муть пошла.

Вышел на берег точно в том месте, где требовалось.

— Отлично, — коротко оценил труд юнги инструктор.

...Шел июль 1943 года. Советские войска на всех фронтах вели ожесточенные бои. С наступлением тепла самым оживленным местом роты радистов стала «линейка» под висевшим на дереве репродуктором. Фронтовые новости узнавали из сообщений Советского информбюро, радиопередач «В последний час», из свежей почты. Центральные газеты на острова приходили через несколько дней, а орган Северного флота газета «Краснофлотец» и газета Учебного отряда многотиражка «Товсь!» — в дни выхода или на следующие сутки. Комсомольские активисты Ваня Семенов, Саша Плюснин, Мир Нигматулин, Митя Рудаков, Иолий Горячев, Гена Мерзляков, Ваня Неклюдов, Витя Сакулин, Володя Лыков, Вася Бурков, Женя Ларинин во время обеденного перерыва и перемен между уроками устраивали коллективные читки.

В нашем кубрике висела, нарисованная Сережей Филиным, карта страны. Дневальные были обязаны с помощью булавки с красными флажками устанавливать линию фронта. К началу месяца флажки продвинулись до Орла, Курска, Белгорода. В середине июля севернее и восточнее Орла Красная Армия перешла в наступление и оборонительную полосу противника прорвала. Сделать очередную перестановку флажков на этот раз довелось мне.

Прибежавшие с ужина ребята, собравшись у карты, неожиданно разволновались.

— И когда только наша учеба кончится! — сердился Жора Бриллиантов. — Пока экзамены, то да се — враг с нашей территории будет изгнан...

— Не дрейфь, работы хватит. Будем гнать фашистов дальше, — успокаивал его Мерзляков.

— До самого Берлина, — уточнил Воронов. — Учтите, нам не только свою Родину освободить надо. Братия-славяне ждут помощи. Война кончится не раньше чем возьмем логово Гитлера.

— Умора будет, если в Берлине не побываем, — взвизнув любимое словечко старшины, подвел итог короткой беседы возле карты Гена.

— Умора случится, если кто-либо из вас начнет плавать на приближающихся экзаменах, — заметив поднажку, поведя глазами в сторону Мерзлякова, сказал старшина. — Садитесь-ка лучше за выполнение домашних заданий.

Вечером, подав команду «Отбой!», чтобы прогнать по привычке появлявшуюся в это время сонливость, я вышел в тамбур. На улице было почти как днем. Солнце только-только скрылось за вершинами деревьев, для того чтобы вскоре появиться опять. На бледно-сером небе ни единой звездочки. Таковы особенности здешних белых ночей. Над островами установилась ничем не нарушаемая тишина. В такие таинственные часы, оставаясь наедине с природой, с особой силой ощущаешь смысл своего бытия. Вот я на Соловках, далеко от родного Прикамья... Хорошо это или плохо? Наверное, все-таки хорошо. Родина переживает нашествие жестокого врага. Я — ее защитник. Разве это может быть плохо? Пусть я еще молод, не все знаю, многого делать не умею, как это положено настоящему воину. Да ведь всему сразу не научишься. Но и сейчас голыми руками враг взять нас уже не сумеет. Прошедшие стрельбы из боевого оружия, гранатометание в цель почти все сдали на отлично. На шлюпке ходить научились. Водлазное дело освоили. Большинство юнг, помимо своей основной специальности, по примеру Решетняка, стараются познать смежные. Призыв к этому бросили мы, комсомольцы. Радисты на

боевых кораблях смогут в любое время заменить сигнальщиков, рулевые — боцманов, артиллерийские электрики — комендоров и наоборот. Замполит Шахов в последнем выступлении перед ротой назвал юнг достойными продолжателями славных дел комсомольцев 20-х, по инициативе которых в те годы по стране прокатился клич «Комсомольцы — на флот!». В результате только в 1922—1924 годах по комсомольским путевкам в Военно-Морской Флот пришло около 10 тысяч человек. А теперь и мы — защитники своей Отчизны.

В борьбе со стихией

С наступлением лета больше внимания стало уделяться физической подготовке. В ротах по совету замполита Шахова комсомольцами были созданы футбольные и волейбольные команды. Устраивались соревнования на первенство школы и Учебного отряда. По ночам юнг по-прежнему часто подымали по тревоге. Зимой, когда острова утопали в снежных сугробах, делались пешие переходы по дорогам или на лыжах по лесам. Сейчас совершались многокилометровые марш-броски по пересеченной местности.

— Для настоящего воина, — учил Авраамов, — никаких преград быть не может. Попадется на пути гора — перелезай, встретится озеро или река — переплывай.

Сначала мы думали, начальник школы сказал это, как говорится, для красного словца. Но вскоре поняли, что ошиблись.

В тот раз я дневалил.

Со стороны «линейки» слышались тревожные шаги.

— Кто идет?! — окликнул я.

— Командир роты Дубовой.

Он почти бежал.

— Дневальный?

— Так точно!

— Объявляй боевую тревогу!

— Есть! — ответил я и, распахнув двери землянки, скомандовал: — Боевая тревога!

Первым соскочивший со своей постели Воронов, глядя на секундную стрелку своих часов, уже громко считал:

— Десять... пятнадцать... двадцать...

Юнги одевались без лишней суеты, но быстро. Кое-кто, схватив карабин, уже выбежал для построения на «линейку», где старшина роты и баталер выдавали подсумки с патронами, на этот раз настоящими, боевыми.

Рота радистов была послана на прочесывание леса в направлении деревни Исаково. Эта дорога нам хорошо знакома. В прошлую осень ходили туда на уборку овощей. Только сегодня пришлось идти не по дороге, а лесом. Юнг выстроили в цепочку, с интервалом метров в десять друг от друга и дали команду:

— Вперед марш!

Затрепали под ногами сучья валежника, с разных сторон стали доноситься, повторяемые эхом, зычные распоряжения младших командиров.

— Десант сброшен! — прокричал мне шедший слева Игорь Лисин.

— Да нет, говорят, лишь один диверсант, — уточняя услышанное, сообщил продиравшийся сквозь лесные дебри Гена Мерзляков.

— Скорее всего, зажигалки, — донесся голос Жоры Бриллиантова. — Взгляните на небо!

И я увидел, как далеко вдали над островом подымались вверх темно-жирные клубы дыма.

— Лес горит! — громко крикнул Воронов. — Вперед, в сторону огня! Быстрее!

— Вправо, вправо надо, тут озеро! — в один голос закричали Витя Кожихов, Валя Рожков и Боря Батанов.

— Не сахарные, не растаете, — ответил им старшина. — Вперед, вплавь, через озеро ма-арш!

Авангард роты был уже в воде, а мы к ней лишь подбегали. Десятки юнг, держа над головой карабины, прямо в одежде плыли в сторону противоположного берега. Рядом со мной оказался Игорь Лисин. Справа — Гена Мерзляков, слева от Игоря — Жора Бриллиантов. Сзади нас догоняли Боря Батанов, Валя Рожков и Витя Кожихов.

Огонь продвигался в сторону губы Сосновки.

— Шлюпки, шлюпки надо спасать! — кричал, обгоняя меня, Мерзляков.

Выбравшись на берег, прежде всего осмотрели свои карабины. Убедившись, что они сухие, тут же продолжили движение вперед. О выливании воды из ботинок, выжимании робы никто даже и не думал.

— Быстрее! Быстрее! — поторапливал Воронов. — Бегут, как на прогулке. Умора!

Выбежав на тропинку, что вела к юнгашеской гавани, заметили Бутылку под командованием все того же возчика, что сидел в луже и выехал из нее лишь с помощью Саша Плюснина. На этот раз Бутылка тянула телегу, до отказа нагруженную лопатами.

— Разбирай! — скомандовал старшина.

— Зачем? — наивно спросил запыхавшийся от бега Гена.

— Он еще спрашивает. Путь огню преграждать будем.

Выбежали на поляну.

— Стоп, братва! Становись цепью! Быстро! — продолжал командовать старшина.

Строй юнг пересек поляну почти посередине. Полыхавший огнем лес был от нас метрах в ста, не больше.

— Копать! — приказал Воронов. — Дери, дери прежде всего снимайте!

После завершения строительных работ лопаты не тачились и теперь шли в землю с большим трудом. Густой покров травы пружинил. Под ним оказалась галька.

Вспомнилось рытье котлованов во время строительства землянок осенью и зимой прошлого года, когда многие зарабатывали мозоли. Видно, и теперь их не избежать.

Ползший со стороны горящего леса дым забирался в легкие, мешал дышать, разъедал глаза, но я копал и бросал, копал и бросал, видел только мелькавшую лопату, дерн да комья земли. Работал изо всех сил, был уверен, что то же самое делают мои товарищи. Старшина сказал, что тушением пожара занимаются уже около шестисот человек. Значит, рядом такие же рвы, похожие на окопы полного профиля, только шире, роют боцманы, рулевые. На помощь из кремля спешат юнги второго батальона. Это придавало силы, уверенности в том, что огонь будет побежден. Но пока он еще так силен, что идет на нас в наступление. Охватываемые пламенем сосны вспыхивают точно свечки. Огонь от росшего на глазах рва был еще метрах в семидесяти, а жара уже становилась невыносимой.

— Поднажмите, поднажмите, — приговаривал Воронов. — Еще чуть-чуть, и огонь дальше не пройдет.

Минут через тридцать старшина достал свои часы и сказал:

— Почти три часа рыли. Умора! А вообще-то молодцы!

За работой никто не заметил, как ветер сменил направление, стал юго-западным. Догадались мы об этом, лишь увидев рассыльного по роте, торопливо бежавшего в нашу сторону.

— Мотористы помощи просят! — кричал он.

— Будет помощи! — громко ответил стоявший посередине поляны Дубовой.

— Бегом к мотористам! — скомандовал нам Воронов и рванулся вперед.

Схватив карабины и лопаты, мы бросились его догонять.

Старшина был почти в три раза нас старше, а бежал

с такой прытью, что юнги едва за ним поспевали. А в лесу и вовсе отстали.

— Не туда бежим! — закричал Жора Бриллиантов. — Вон он, огонь-то, правее.

Огонь был врагом опытным. Давать нам передышки не хотел. На этот раз он ударил по флангу роты мотористов, пытаясь обойти юнг сзади.

— Сюда! Сюда! — увидев нас, кричали выскочившие из своего рва мотористы Володя Моисеенко, Саша Ковалев, Ваня Неклюдов, Алеша Макушин, Женя Григорьев.

На небольшой, зажатой со всех сторон лесом, поляне, где они боролись с огнем, настолько дымно, что трудно что-либо разглядеть. Зацепившись носком ботинка за вросший в землю небольшой валун, я упал. Через меня полетел Гена Мерзляков.

— Предупреждать надо, что ложишься! — с иронией и злостью пробурчал он и, оглядевшись, добавил: — Не поляна, а преисподняя какая-то.

— Хватит, хватит лежать, пора и совесть знать, — прикрикнул на нас Воронов. — За дело, братцы, за дело!

И все опять выстроились цепочкой. И снова копали, копали...

Чтобы дать спине минуту отдыха, я разогнулся и увидел макушки сосен, как бы плывущие в розовой дымке раскаленного воздуха. Деревья стояли как по команде «Смирно!» Будто готовились достойно встретить свою печальную участь. «Умирают, как настоящие герои, — подумал. — Ливень бы на них». Но дождя не было. Вместо него на поляне показалась Бутылка с коком на телеге. Оказывается, уже настало время завтрака, и Московский привез его нам прямо в лес.

Не верилось, что битва с огнем идет уже около десяти часов.

Перекусив, опять принялись копать рвы. Через кусты ольшаника продирались на новое место. И здесь кругом горело, шипело, трещало, падало...

В борьбе с огнем, вместе с подошедшими юнгами из кремля, уже принимало участие более тысячи человек.

Воздух пропитался гарью. Ею же несло от нашей одежды. Сквозь сосновую рощу было видно, как сражались с огненной стихией подъехавшие на полutorке матросы из хоззвода.

Обедали по очереди. И опять работа и работа. После ужина, когда рыть глубокие траншеи стало уже не по силам, ограничались лишь сдиранием и переворачиванием дерна. Тлеющую траву засыпали песком, землей, галечником — всем, что попадало на совок лопаты.

Битва с огнем шла уже двое суток. А пламя продолжало бушевать со страшной силой. Горело все: деревья, трава, мох на камнях, лишайник, багульник. Выгорали до последнего стебелька поляны брусники, черники.

Заметив, что огонь по траве идет даже против ветра, в сторону землянок, Иолий Горячев, Ваня Семенов, Вася Бурков, Ваня Неклюдов, Володя Лыков, Валя Рожков и Витя Сакулин, бросив лопаты, снятыми с себя голландками, ногами тушили разлетающиеся искры.

Старшина Воронов и Саша Плюсник, вооружившись поперечной пилой, как заправские лесорубы, спиливали под корень сосны. Володя Моисеенко, Валя Бобров, Сережа Филин и Ваня Умпелев топорами обрубали сучья, благодаря чему деревья уже не горели факелами, сила огня терялась.

Саша Ковалев, Юра Зайцев, Саша Ходырев, Митя Рудаков, Саша Пошляков ведрами из озера таскали воду и заливали ею тлевшие остатки пожарища.

Почва там, где боролись с огнем Гена Мерзляков, Гена Таращук и Юра Татарников, была торфянистой. На одно и то же место опрокидывали по пять-десять ведер, а огонь все не унимался. Вильют воду из ведер, пока бегут к озеру, а он опять, будто из пасти сказочного чудовища, откуда-то изнутри исходит. На помощь им прибегали Ваня Семенов, Иолий Горячев, Гена Коновалов, Саша

Пошляков и Леня Светлаков, принялись разгребать очаг лопатами. Подносили воду юнги лили ее, как говорится, в самое чрево, которое в ответ сердито шипело, выбрасывало клубы пара и хлопья горячего пепла...

В расположение рот юнги вернулись лишь через три дня, грязные, уставшие.

— Умора, а говорили не потушить, — входя в землянку, сказал Воронов.

— Это кто же говорил? — дружно накинулись на старшину юнги. — Мы? Юнги? Да подобное от нас никогда не услышите! Ведь не зря...

Ребята переглянулись и дружно, сотрясая стены землянки, грянули:

Мы, юнги флота, крепки, как бронь,
За честь народа пойдем в огонь...

— Осталось пройти только медные трубы, и мы — настоящие моряки, — заметил Мерзляков.

— За этим дело не станет. Придете на корабли, там в боях и медные трубы пройдете, — заверил Воронов.

— Товарищ старшина, а отчего все-таки пожар случился? — спросил Гена.

— На вечерней поверке узнаете, — пообещал Воронов.

После ужина состоялось общее построение. Замполит Шахов рассказал юнгам о последних событиях на фронте. Начальник учебной части Ольнев зачитал приказ, в котором говорилось, что вечером того дня, когда нас подняли по тревоге, над территорией Соловецких островов пролетал немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88». Островная зенитная батарея, замаскированная на опушке леса неподалеку от кремля, сбила его. Воздушный пират, сбросивший зажигалки, не сумев дотянуть до берега, упал в море.

В конце приказа зенитчикам за уничтожение вражеского самолета и большой группе командиров, краснофлотцев и юнг за успешное тушение лесного пожара

объявлялась благодарность. Из пермских юнг этой чести были удостоены Вася Бурков, Ваня Неклюдов, Ваня Семенов, Володя Лыков, Витя Сакулин, Саша Плюснин, Валя Рожков, Гена Мерзляков, Женя Ларинин, Илий Горячев и я.

Юнги — герои киноэкрана

Однажды всегда обо всем осведомленный Митька Рудаков принес в батальон весть, что скоро на острова придут известные советские писатели, поэты и кинооператоры. Многие из юнг этому сообщению не поверили. Разве до нас видным деятелям культуры? На фронтах идут жесточайшие сражения. Труженики тыла делают все возможное и даже невозможное для оказания помощи армии в деле разгрома фашистской нечисти. Как-то мать переслала мне областную газету «Звезда» за 17 февраля 1943 года. В ней было опубликовано письмо трактористок 16-го отряда Кунгурской МТС, рассказывавших о самоотверженном труде своей подруги Клавдии Склюевой, в тяжелых погодных условиях осенью 1942 года вспахавшей более 500 гектаров зяби. Комсомольцы-агитаторы Гена Мерзляков, Игорь Лисин, Жора Бриллиантов, Валя Рожков и другие по моему поручению побывали с газетой во всех сменах роты. Мы от души гордились своей землячкой. Еще больший восторг вызвала у нас «Правда» от 16 июня 1943 года, в которой был помещен портрет Склюевой. Газета писала, что она сдала 100 тысяч рублей на постройку боевого самолета. Юнги с Урала ходили именинниками, будто не Клавдия Макаровна, а они совершили этот патриотический поступок.

— Вот о ком надо писать стихи, создавать кинофильмы, а не о нас! — утверждал свое мнение Гена.

Верящих в приезд поэтов и киношников было мало. И все же принесенная Митькой новость и на этот раз оказалась правдивой. Первыми внимание юнгам уделили

североморские поэты Александр Ойслендер и Ярослав Родионов, рассказавшие нам о жизни на Большой земле, боевых делах североморцев, прочитавшие юнгам свои стихи. К сожалению, из-за пребывания в наряде послушать их мне, как и остальным юнгам нашей смены, не удалось. Зато встречи с другими представителями литературы и искусства оставили в моей памяти неизгладимое впечатление.

Шли экзамены. Юнги в эти дни ходили не в робах, а по форме «три», о которой каждый мечтал чуть ли не со дня отбытия из родного дома. Голубые с тремя белыми полосками форменные воротнички, бескозырки (пусть даже с бантиками, вместо косиц с якорями), настоящие флотские брюки, ремни — все было давно подогнано, отутюжено, сидело ладно.

Гена Мерзляков, полный решимости сдать экзамены на одни пятерки, вышел из кубрика на общее построение первым и тут же с криком ворвался обратно:

— Братцы! Сегодня нас в кино снимать будут!

— Трави больше! До жвака-галса, — зашумели радисты.

— Комиссар Сергей Сергеевич Дубовому говорил. Сам слышал, — доказывал свое Гена.

В аудиториях, где сдавали экзамены, было тихо. Радисты в свой класс входили настороженно, без лишней суеты, чуть ли не на цыпочках. Каждый переступивший порог как по команде делал поворот головы в сторону инструкторского стола. Рядом с ним стояла тренога, на которой был укреплен накрытый куском черного материала продолговатый ящик.

— Киноаппарат, — догадался Мерзляков.

Теперь с ним уже никто не спорил. В класс один за другим вошли Милеша Пестахов (Астахов и Пестов) и еще какой-то незнакомый мужчина в гражданском. После обычного приветствия главный старшина Астахов торжественно объявил:

— Сегодня у нас в гостях старейший мастер документального кино Федор Иванович Овсянников. Он будет вести съемки для специального выпуска киножурнала «Пионерия».

— Прошу любить и жаловать, — улыбаясь, добавил Пестов.

И власть в классе тут же перешла к кинооператору.

— Мне нужен помощник, — заявил он. — Желаящие найдутся?

В ту же секунду вверх взметнулось больше десятка рук. Не колеблясь, поднял и я. Наверное, потому, что я сидел за ближайшим к нему столом, Овсянников поднял меня.

— По моей команде будешь крутить вот эту ручку, — коротко пояснил он, а сам стал разъяснять, кому где следует сесть, как нужно вести себя во время съемок.

Крутить ручку киноаппарата пришлось недолго.

— Ну, вот и все, благодарю, — совсем не по-военному закончил свою работу кинооператор. — Мы с вами еще встретимся.

О соблюдении распорядка дня и расписания занятий в тот день не могло быть и речи. Казалось, с этим примирились не только ревностно их соблюдавшие старшины смен, но и начальник учебной части Ольнев.

После съемок в классе строем направились в губу Сосновку. Оттуда, прихватив бочки, бачки, ведра с камбуза и изготовленные нашими руками машинки для сбора ягод, на шлюпках переправились на ближайший соседний остров, где было очень много брусники. Узнав о том, что юнги в свободное от боевой учебы время собирали ягоды для лечащихся в госпитале фронтовиков, Овсянников решил запечатлеть момент сбора ягод на киноплёнку.

Много времени это не потребовало. Насобирать три бочки ягод с помощью машинок юнгам особого труда не

составило. И опять я выполнял обязанности помощника фронтового кинооператора.

— Тебе не надоело «крутить шарманку»? — с улыбкой спросил меня Гена. — Прокрутишь — в историю не попадешь.

После ужина наша смена заступила в наряд. Мне выпало стоять на центральном посту роты возле рынды, под грибом.

Вышедший из командирской землянки Овсянников, заметив меня, сказал:

— Мой боевой помощник уже на посту? Замечательно! Минуточку подожди меня, никуда не уходи («Как будто я мог куда-то с боевого поста уйти. Ох уж эти гражданские!..»)

Он побежал обратно в землянку, откуда вышел с киноаппаратом в руках в сопровождении Дубового, несшего треногу.

— Он у нас не только отличник, но еще и комсомольский секретарь. Заслуживает, одобряю... — говорил на ходу Овсянникову командир роты.

Завидев кинооператора, на «линейке» стали собираться юнги.

— Часового, часового снимают...

— Откуда снимают?

— Не снимают, а фотографируют...

Овсянников дал команду «Принять бравый вид!», который у меня никак не получался. Как я позировал перед аппаратом, сейчас даже не припомню.

Через четверть века, высылая на память несколько кадров из снятого Овсянниковым фильма, дружок по смене Игорь Лисин мне напишет: «До сих пор с улыбкой вспоминаю, как ты волновался, оказавшись перед киноаппаратом. По-моему, гораздо больше, чем при налетах вражеской авиации...» С присланных кадров киноленты были сделаны фотокопии, но ни на одной из них я себя по-на-

стоящему не признал. Худой, лопоухий мальчишка со «свечкой» (так мы называли винтовки выпуска прошлого века, с которыми стояли на постах) в руке, противогазом через плечо от чрезмерного волнения и неоднократных перестрелок походил на меня весьма отдаленно. Сам же журнал «Пионерия» № 8 за 1943 год, посвященный нам, юнгам первого набора, я просмотрел лишь в 1975 году на Всесоюзной встрече юнг на Соловецких островах.

Увидел своих товарищей на уроке радиодела, в то время когда я крутил ручку киноаппарата; уверенно идущего в строю сослуживца по роте Нечаева, бывших юных партизан-орденоносцев Лешу Юденкова, Сашу Радькова, Борю Усова, ведущего передачу сигнальными флажками Толю Денисова. Увидел и еще раз вспомнил те незабываемые дни.

Встреча с Александром Жаровым

«5 июля 1943 года.

Вчера давали концерт. Вместе со всеми смотрел его приехавший начальник политуправления генерал-майор Торик. Я читал стихи. Они — моя слабость. Еще в школе полюбил, на отлично читал. Был поэт Александр Жаров. Беседовал со стенгазетчиками. Захотелось писать и писать, стать журналистом».

Интерес к сотрудничеству с газетой у меня появился еще в Очере, до ухода в Школу юнг, когда в начале 1942 года, преодолев в себе большую робость, отправил в «Пионерскую правду» свою первую корреспонденцию о трудовых делах воспитанников Очерского детского дома в годы Отечественной войны. И как сейчас помню, еще до того, как увидел свою заметку в газете, получил из редакции красочный бланк с добрыми пожеланиями и памяткой юнкора. После рассказа Александра Жарова о значении прессы страсть печататься появилась вновь. Этому, наверное, во многом способствовали простота его

речи, задушевность, доброжелательность, умение вести разговор как со взрослыми, не показывая своего превосходства. На всю жизнь запомнились его слова:

— Пишите вдумчиво, старательно и обязательно только о том, что хорошо знаете, понимаете. Не ленитесь не понравившиеся места переписывать. Тогда постепенно из вас получатся настоящие журналисты.

Еще запись в дневнике:

«29 июля 1943 года.

Сдавали русский язык и географию. Учил их, конечно, не так, как прием, передачу и радиотехнику, но все-таки пятерка. У большинства ребят — тоже. И это в таких условиях, при такой занятости!»

Благодаря исключительной старательности в течение учебного года, экзамены шли как по маслу. Мои дружки по роте радистов Гена Мерзляков, Боря Батанов, Игорь Лисин, Валя Рожков, Володя Зыслин, Витя Нечаев, Женя Харитонов, Витя Кожилов, Олег Шерстюков по всем предметам получили только отлично.

Почти так же заканчивали учебный год рулевые Женя Ларинин, Вася Бурков, Витя Сакулин, электрики Саша Плюсин, Мир Нигматулин, Иолий Горячев, Саша Ходырев, Володя Лыков, Ваня Семенов, Гена Коновалов, мотористы Саша Ковалев, Сережа Филин, Ваня Неклюдов, Женя Григорьев, Корнелий Еленев, Володя Моисеенко, Володя Дьяков. 92 процента юнг первого (1942 года) набора окончили школу по первому и второму разрядам. Многие получили свидетельства с отличием.

Юнгам второго (1943 года) и третьего (1944 года) наборов строительством заниматься необходимости не было, налеты вражеской авиации им не мешали. Результаты их учебы были еще лучше: из юнг второго набора сдали экзамены по первому и второму разрядам 93 процента, из третьего набора — 96.

На озере

Холодный августовский вечер. Юнги появились вдруг. Сбежав с косогора, быстро сдернули с себя голландки, тельняшки. Звонко шлепая друг друга по загорелым телам, расстегивали ремни, сбрасывали брюки и тут же под крики и хохот прыгали с большого плоского камня, покрытого местами мшистой зеленью, в озеро.

Вот Гена Мерзляков, ради шутки истошно воя, не ныряет, а широко разбросав в стороны руки и ноги, бросается на воду спиной. Эхо, задевая верхушки деревьев, уже носится где-то в сопках, бьется, звенит, рассыпается на множество отголосков.

На этом краю острова юнги бывают редко. Сегодня они, как и в прошлом году, используя время, отведенное для отдыха, пришли сюда для того, чтобы помочь работникам совхоза в уборке овощей. Пришли не по приказу, а по решению комсомольского собрания. С раннего утра до позднего вечера, не разгибаясь, рвали и грузили на подводы турнепс.

Северное лето коротко. Вот-вот острова покроются снежным покрывалом. Надо спешить. Солнце едва пробивалось сквозь дымку облаков. Было прохладно, и все же работали по пояс раздетыми.

Да и вода была не теплой. Но выходить из нее никому не хотелось. Несмотря на осень, введенное старшинами правило — плавать и нырять, не выходя из воды двадцать минут, — оставалось в силе.

За время пребывания в школе мальчишки закалились, физически окрепли. Теперь юнгам никакие капризы природы не страшны. словно шальные, хохочут, плещутся в холодных водах озера.

А накупавшийся старшина Карачев стоит на берегу, напрягает могучие бицепсы, любовно разглаживает их:

— Купался бы вот так всю жизнь и... турнепс рвал.

— И для полноты жизни на какую-нибудь хохотуш-

ку из деревни смотрел, — кричит из воды Гена Мерзляков.

— Ах, скалитесь! Не поняли, что выходить пора? Вот я вам сейчас устрою! Рота — в ружье!

Юнги выскакивают из воды. От множества голых тел вокруг даже посветлело.

В пару минут оделись. Так же быстро построились. И взвился над сопками голос запевалы:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!

И вот уже вся смена дружно подхватила:

Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут и плачут,
И плещут о борт корабля...
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Растаял вдали за леском и отряд юных моряков.

Не за горами то время, когда и мы скажем Соловкам свое «прощайте», выйдем в море и уйдем туда, куда зовет нас Отчизна.

Прощайте, Соловки!

Командование дало юнгам возможность перед дорогой отдохнуть. Авраамов, выступая перед батальоном, сказал:

— Молодцы! Экзамены сдали как подобает. А теперь три дня отдыха. Вы его заслужили. А потом в путь-дорогу! Вас ждут боевые корабли.

Одни в отведенное для отдыха время отсыпались. Другие с удочками в руках сидели на берегах многочисленных озер. Кок Московский буквально закармливал нас рыбными блюдами. Третьи спешили насытиться редкими дарами соловейской флоры. Приносили в кубрики и столовую ведрами и кухонными бачками отливающую

золотом бруснику, чернику, голубику, морошку, из которых с помощью юнг дежурные по камбузу варили варенья, делали джемы, напитки. Приходили с озер и из лесу искусанные комарами до неузнаваемости. Раньше, когда мы были до предела заняты строительством, учебой, прочесыванием лесов, тушением лесных пожаров, на них особого внимания не обращали. Некогда было. А под конец нашего пребывания на Соловках они словно стремились доказать правоту шутки, распространенной на севере, что единственный хищный зверь здесь — комар.

Мы же с друзьями в последние дни на Соловках решили сходить на организованную по инициативе Сергея Сергеевича Шахова экскурсию по кремлю. Там-то мы и встретились с юнгами второго набора. Отведав в Трапезной палате, которая по величине сводов и дерзости архитектурной мысли могла бы соперничать с Грановитой палатой Московского Кремля, отменного борща, замечательных по вкусу и калорийности макарон по-флотски и компота, новички, расслабив ремни, отпыхиваясь, шли строем на экскурсию. Совсем пацаны... Не строй, а гусеница какая-то ползет: от головы до хвоста волна за волной... А все оттого, что тянут, то и дело сбивают ногу. Бескозырки сползли на уши. Шинели топорщатся. Салати! Неужели и мы такими были?

— Володя, ты? — неожиданно возле самого уха гаркнул стоявший рядом со мной Мерзляков и кинулся к строю.

— Стой! Куда ты? Обожди! Сейчас остановятся! — догадавшись, что Гена увидел своего брата, приехавшего в Школу юнг по его совету, крикнул я ему.

Стоило прозвучать команде «Разойдись!», что тут только началось! Рукопожатия, поцелуи. Стали искать своих земляков. Саша Пошляков отыскал среди прибывших младшего брата Мишу, Володя Моисеенко — своего земляка Толю Гордиенко. Нам с Митькой и Сережкой

удалось разыскать посланца комсомолии Очера Игоря Бурдина. Володя Лыков, Ваня Семенов, Витя Сакулин, Ваня Неклюдов, Саша Плюснин познакомились с прибывшими из областного центра Володей Трапезниковым, Валерой Аверьяновым, Виталием Дружининым, Володей Колпаковым, Володей Седуновым, Борей Пономаревым, Мишей Колмаковым, Володей Виноходовым и Игорем Еловиковым. Среди прибывших были Толя Казаков из Нытвы, Вася Леонтьев из Березовки, Володя Зуев из Добрянки, Владлен Ощепков из Березников, Женья Волков из Елово, Вася Копытов, Толя Гордиенко и многие другие наши земляки. Всех теперь и не припомнить. Ребята рассказывали нам о делах на Урале, о том, как плыли по Белому морю, расспрашивали о службе.

На другой день в клубе был вывешен приказ начальника школы о том, кто на какой флот или флотилию направляется. Слово свое Николай Юрьевич сдержал: отличники учебы получили назначения туда, куда просились. Небольшое недоразумение произошло только с Семеновым. Как окончивший школу на одни пятерки Ваня имел право выбора флота. У паренька была мечта по примеру своего любимого старшины смены Щербакова, пришедшего в Школу юнг с Балтики, стать балтийцем. А руководство школы решило оставить Ваню в Учебном отряде Северного флота. Однако юнга проявил характер, твердость, выработанные здесь же, в Школе. Решил во что бы то ни стало добиться перевода на действующий флот. В тот же день, оказавшись дежурным по камбузу, Ваня пошел на маленькую хитрость — вызвался отнести командиру Учебного отряда Броневицкому пробу обеда. Придя к генерал-майору, юнга вытянулся по стойке «Смирно!» и по всей форме доложил о своей горе и страстном желании своими руками бить заклятого врага. Вопрос был решен — Семенова направили на действующий флот, правда, не на Балтику, а на Тихий океан. Но и этому он был рад. А против моей фамилии стояло два

слова: «Волжская флотилия». Год назад, когда под Сталинградом шло ожесточенное сражение, такому назначению я был бы несказанно рад, а теперь... Теперь же мое построение было, как говорили мы, ниже среднего.

— Ничего, не унывай, — заметив мое угнетенное состояние, сказал оказавшийся рядом командир роты рулевых старший лейтенант Кравченко. — Учти, фронт движется. И вы на Волге долго не задержитесь. Быть тебе скоро черноморцем, дунайцем или днепровцем!

Настал последний день пребывания в Савватиево. Часов в десять в расположении роты появились юнги нового набора.

Состоялось общее построение двух батальонов: первого и второго наборов. Мы дали клятву: «Больше жизни любить Отчизну, море, флот! Быть решительными и беспощадными к врагу, мужественно защищать Родину! И в военное и в мирное время высоко нести честь моряка, юнги Военно-Морского Флота!»

Юнги второго набора обещали надежно нести дежурную и караульную службу, упорно овладевать морскими специальностями, блюсти флотские традиции, хранить и беречь все то, что сделано руками юнг первого набора.

— Ну, вот и все. Прощайте, Соловки! Когда мы еще встретимся с вами? И встретимся ли вообще? — беря рюкзак, сказал Гена Мерзляков.

— Встретимся, обязательно встретимся, — успокоил его. — И давайте, друзья, договоримся никогда не забывать их, и друг друга тоже! — К горлу подкатил комок, мешавший мне говорить, глаза повлажнели.

— Здесь мы стали не только братьями по оружию, — немного высокопарно продолжил мою мысль Митька Рудаков, — но и братишками навеки...

— И кто бы кем в будущем ни стал, давайте всегда будем на «ты», как в Школе юнг. Так ближе, роднее, — предложил Сережка Филин.

— Так поклянемся же! — призвал Володя Дьяков.

— Клянусь! Клянусь! Клянусь! — почти одновременно воскликнули мы.

В нашу сторону шел строй юнг второго набора. Мы стали у обочины.

— Воронов ведет, — определил Гена.

Басилий Петрович, как всегда, был подтянут, строг, серьезен. Командовал:

— Р-раз, два, три. Р-раз, два, три. Ножку, ножку не слышу...

Юнги подтянулись, четче стал шаг, веселее лица.

Они были уже почти напротив нас, когда старшина громко скомандовал:

— Смирно! Равнение направо!

На нас, значит. Мы даже растерялись. А продолжатели нашего дела идут мимо и таращат на нас глаза, будто на адмиралов каких.

Мы подтянулись, стали по стойке «Смирно!», отдали честь.

У Воронова глаза серьезные, рука — у бескозырки. Вместе с юнгами и он приветствует нас.

Прошли.

— Вольно! — скомандовал старшина, обернулся в нашу сторону и напутственно помахал рукой. Вот и все прощание с любимым командиром... Что поделаешь, служба есть служба!

В последний раз стоим на «линейке».

Попрощаться с нами пришли начальник Школы юнг Авраамов, замполит Шахов, почти все преподаватели, командиры рот, их заместители по политической части, свободные от несения службы старшины. Чуть в стороне стоят две подружки — баталер Лида Алешычева и Маша Велиевская.

Вот как запомнился наш отъезд Лидии Яковлевне Алешычевой (Плотниковой), ныне живущей в городе Мончегорске Мурманской области:

«...Батальон, как и в первый день пребывания в Сав-

ватиево, стоит возле учебного корпуса. Одна за другой следуют команды: «Равняйся!», «Смирно!», «Направо!», «Шагом марш!», «Запевай!»

И более чем семисотголосый хор грянул:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой мелькнет за кормой...

Но что это? Дальше в песне идут слова:

Знакомый платок голубой.

А юнги как один грянули:

Знакомый мешок вещевой.

Леса и озера задрожали от всеобщего хохота.

Да, юнги, став настоящими воинами-моряками, в то же время в чем-то еще оставались мальчишками. Мы с подружкой Машей Белиевской махали им вслед платками и... плакали. Ведь они были еще совсем детьми, а уже шли воевать, защищать Родину...»

Мы боялись опоздать на войну. Однако войны на нашу долю хватило. Досыта. Володе Лыкову, Жене Григорьеву, Володе Дьякову, Вите Сакулину, Мите Рудакову, Валентину Рожкову предстояло драться за Родину на Краснознаменной Балтике, Иолию Горячеву, Вале Боброву, Саше Плюснину, Миру Нигматулину, Сереже Филину, Геннадию (Генри) Таращуку — на Северном флоте, Ване Неклюдову, Володе Моисеенко, Ване Семенову — на Тихом океане, Феде Марукину и Алеше Макушину — на Черном море, Васе Буркову — в составе Амурской флотилии.

У каждого впереди была своя судьба.

Самое памятное

Прошло почти четыре с половиной десятилетия. И вот я опять на Соловках. Снова и снова перебираю в памяти прожитые годы. В первую очередь неизменно вспоминается последний день войны и первый день мира.

...Ясным весенним утром 9 мая 1945 года корабли нашего 1-го отдельного гвардейского Белградского дивизиона бронекатеров Краснознаменной Керченско-Венской бригады речных кораблей Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии подошли к предместьям австрийского города Маутхаузена, печально известного своим лагерем смерти.

На мачтах кораблей развевались еще невиданные в этих краях бело-голубые с черно-оранжевой лентой, с пятиконечной звездой, серпом и молотом гвардейские флаги.

— Русские моряки! — с изумлением перешептывались жители городка.

Внимательно смотрели мы на незнакомый берег. На пристанях и прибрежных улицах пестрела толпа. Над острыми, непривычными глазу крышами домов развевались национальные флаги, поднятые впервые за много лет с начала гитлеровской оккупации. С рыбацких лодок, причалов, из распахнутых окон зданий сотни любопытных глаз смотрели на советские корабли.

«Конец войне. Дошли», — подумал я и спрыгнул на берег, чтобы принять швартовы. Неожиданно мне на шею бросилась девушка в рваном рабочем халате, в тяжелых деревянных башмаках на ногах.

— Товарищи! Родные! Спасибо вам, милые! Не дали на чужбине погибнуть.

Девушка смеялась и плакала от радости. Не находя слов от волнения, она сияющими глазами смотрела на нас.

— Матросики, дорогие, откуда же вы так далеко заплыть сумели?

— Из Сталинграда! — веско произнес кто-то.

— Сталинград? О, колоссаль! — оживленно заговорили местные жители, с уважением снимая шляпы.

Бронекатера сюда, к границам Германии, пришли действительно из-под Сталинграда.

О, Волга, Волга...

В непосредственной битве за Сталинград участвовать мне не довелось. В осенние месяцы 42-го и в начале 43-го я учился еще в Школе юнг. Опаленный войной город впервые увидел осенью 1943 года, когда после завершения учебы прибыл на Волжскую военную флотилию.

Оказавшись в овеванном боевой славой Сталинграде, узнал, что моих друзей Гурьева, Чернышева и Решетняка здесь уже нет. Гоня немцев, они ушли дальше на запад. С болью в сердце смотрел я на обезображенные берега моей любимой реки. Тут и там из-под воды торчали затонувшие пароходы и баржи. По реке плыли доски, разбитые ящики, а изредка еще и трупы. Не лучше выглядел и сам город. Смотрел я на обгоревшие остовы зданий, на зияющие глазницы мертвых окон и очень сожалел, что не был рядом с его защитниками в тяжелое для города время. Отчетливо понимал, что в сравнении с прошедшими горнило Сталинградской битвы моряками я пока настоящий салага.

— А что это у тебя на плечах написано? — глядя на узенькие погоны с буквой Ю, спросил меня командир корабля, на который я был направлен радистом.

— Юнга! — громко, по-военному ответил я, гордясь своей принадлежностью к Военно-Морскому Флоту.

Тут неожиданно внимание ко мне у командира и команды пропало. Что-то произошло с кораблем. Он внезапно остановился: не вращался винт. Вскоре выяснилось, что на него намотался трос. Катер тут же подхватил течение. Надо было немедленно устранить неисправность. Но как? Водолазного костюма на корабле не было. Никто из команды опыта работы под водой не имел.

— А что, если противогазы? — робко заметил я.

— Что противогазы? — тут же переспросил командир.

— Ну, несколько трубок и маска... — стал я невнятно объяснять.

— А ведь верно, — с удовлетворением сказал командир. — Кто попробует? — спросил он, обращаясь к морякам.

— Разрешите мне! — обрадованный поддержкой, просил я.

— А справишься? Плавать-то хоть умеешь? — протечески заботливо поинтересовался командир.

— Пять раз в Очере пруд переплывал! — совсем осмелев, выпалил я. Будто командир мог знать, где этот Очер находится и что там за пруд. — Дно доставал, — не удержавшись, похвастался я.

Впрочем, все это было правдой. Проводить время на Очерском пруду мы с Сережкой Филиным и Митькой Рудаковым очень любили. По несколько раз переплывали его из конца в конец. На нем же сдавали нормы на значок «Юный моряк», были членами ОСВОДа.

— Ну, что ж, попробуй, юнга! — решил наконец командир.

Краснофлотцы быстро соединили несколько гофрированных противогазных трубок и прикрепили их к маске. Надев ее, я спустился с кормы в воду. Она была холодной. Дух сразу же перехватило. Дышалось тяжело.

Размотать трос оказалось делом нелегким. Но мне так хотелось сделать это, что, кажется, поступи приказ бросить работу, и то не вылез бы из воды. Время шло, но я его не замечал: так был увлечен работой.

Трос все же размотал, сбросил с винта. Порядком измученный, продрогший поднялся на палубу. Мотор заработал. Катер снова обрел ход.

— Молодец! — похвалил командир. — А говорил: юнга... Да какой же ты юнга? Настоящий матрос!

Вечером того же дня, во время вечерней поверки, мне объявили благодарность и тут же перед строем зачитали приказ о досрочном присвоении звания «краснофлотец».

А старшина выдал мне новенькие погоны с буквами «ВФ», что означало «Волжская флотилия».

Штабной фотограф-любитель по секрету позвал меня к себе в кубрик, усадил на стул и сфотографировал.

— Такой момент и запечатлеть не грешно. Не часто бывает, когда в первый день службы на корабле присваивают очередное воинское звание. Вспоминать будешь, — сказал он.

В то время я еще не знал, как крепко подружусь с моряками этой части. Со многими из них мне будет суждено служить на Черноморском флоте и в составе Дунайской флотилии пересечь шесть государственных границ.

С первых же дней они показались мне людьми особенными. На Соловках, получив газету с описанием подвига Ивана Решетняка, я, как и другие юнги, восхищался его умением управлять любой боевой техникой. Оказавшись среди волжских моряков, я убедился, что такими же умелыми воинами здесь были и другие старшины и матросы. По всему выходило, корабельному радисту тоже мало знать лишь свое дело.

— Моряк должен быть воином широкого профиля, — говорил мой новый командир. — Без глубоких разносторонних знаний даже самые лучшие помыслы могут принести не столько пользу, сколько вред.

В Школе юнг, помимо радиодола, я освоил специальность сигнальщика. Но этого оказалось недостаточно.

— С первых же дней берись за изучение крупнокалиберного пулемета, а также вместе с другими моряками под руководством старшины будешь изучать устройство мин и правила их подрыва, — сказал командир.

Насколько это было необходимо, я вскоре сумел убедиться.

Катера вели траление. Признаться, эта работа мне не особенно нравилась, казалась слишком мирной и прозаичной. Юнги-одноклассники Витя Сакулин, Володя Лы-

ков, Иолий Горячев, Ваня Семенов попали на эскадренные миноносцы, Женя Ларинин, Володя Дьяков и Ваня Неклюдов — на торпедные катера, Саша Плюснин — на морской охотник. Мощные артиллерийские удары, залпы торпед, стремительные атаки... А тут тральщики... Тихие ходы, тяжелый каждодневный труд на фарватерах. Ни тебе лихих атак, ни ударов глубинными бомбами. Даже на радиовахтах не каждый день доводится сидеть. Флажным семафором часто обходимся.

Только спустя некоторое время я понял, как важна была наша работа. Освободить важнейший водный путь — Волгу — от минной опасности, дать стране возможность доставлять по ней важнейшие военные и народнохозяйственные грузы для армии и начинавшегося восстановления Сталинграда — это ли не почетно! Не зря в просторечии моряков тральщиков называли «пахарями моря». Может ли быть оценка выше! Но, повторяю, это понимание пришло ко мне позже, если не изменяет память, во время боевого траления в районе впадения в Волгу небольшой речушки Ахтубы. Здесь фашисты сбросили в речку немалое количество антенных мин, о которых я до этого даже не слышал. Уж больно лихо они рвались в тралах! Бывало, даже не одна, а несколько одновременно детонировали.

«Нет, — решил я тогда, — траление — дело не только нужное, но и очень почетное», — и взялся за изучение минного дела со всей серьезностью. Перенимал опыт старших и, конечно, вместе с другими моряками, когда был свободен от несения радиовахт, занимался обезвреживанием мин. И скоро, очень скоро уяснил, что флотская служба, даже на реке, любит только смелых, сильных и умелых. Я же в этом смысле ничего выдающегося не представлял. На вид был, как и год назад, худ и немогущ. Правда, это мне не мешало быстро освоить не только крупнокалиберный пулемет, дело минера, но и... профессию кока, азы которой год назад я познал здесь

же, на Волге, при помощи Яши Гурьева. На катерак пищу моряки готовили сами. Пожалуй, чаще других этим делом занимался я. Еще любил исполнять обязанности сигнальщика и впередсмотрящего: укутавшись в капковый бушлат, подолгу внимательно наблюдать за поверхностью воды, быстро и четко докладывать обо всем замеченном командиру.

Солнечные дни стали сменяться пасмурными, дождливыми. Низкие тучи обволакивали небосклон. Навстречу катеру катились тяжелые свинцовые волны. К осени мин на реке поубавилось. Бывало, не одни сутки трал таскаем, а количество красных звездочек на боевой рубке, означающих число подорванных тральщиком мин, не прибывает. Во время траления сидеть в радиорубке приходилось редко, больше исполнял обязанности сигнальщика. Вооружившись биноклем, который в Школе юнг мне казался необходимым атрибутом морской службы, стоишь на покачивающемся мостике. То и дело поднимаешь бинокль к глазам, внимательно всматриваешься в набегающие на катер волны. Прямо по курсу ничего подозрительного не видно. Хотя нет... Уж не мина ли? На поверхность волны на секунду выныривает круглый шар. Точно!

— Прямо по курсу мина! — что есть мочи кричишь командиру.

«Дзынь-дзынь», — ударяет внизу машинный телеграф. Значит, стоп, машина. Сейчас еще сильнее качать начнет... Пока я так думаю, уже спустили тузик — особо легкой конструкции шлюпку малого размера, — и один из матросов направляется в нем в сторону мины. И как он только не боится на такой крутой волне идти к «рогатой смерти»? Ведь только чуть задень ее рог — и поминай как звали! Но моряки эту опасную работу выполняют ювелирно. Хочется таким же мастером минного дела стать и мне. А пока меня к «рогатой» не пускают. Зато за несение сигнальной вахты получил уже благо-

дарность. Стою на мостике почти ежедневно. Висящий на тоненьком ремешке бинокль кажется тяжелым, шею оттягивает, даже больно. Да и мегафон в руках порядком надоел. Но об этом никому не скажу! Службу нести надо без нытья, как положено. У других обязанности не легче, а не жалуются. Так и я должен.

Я мечтал о том дне, когда и мне доверят подходить к мине, вешать на нее подрывной патрон, но встретиться вплотную с вражескими минами мне так и не пришлось. Начался ледостав. Тральщики пришли в Астрахань. Личный состав сошел на берег, приступил к ремонту кораблей, а меня перевели на штабную радиостанцию. Вместе с другими радистами поддерживал связь с уходящими все дальше на запад войсками и Москвой. Работать со столицей очень интересно. Дело в том, что в Москве на радиостанциях сидели пришедшие с гражданки настоящие асы своего дела. При передаче они выдавали такую скорость, о которой радистам, получившим специальность в военное время по ускоренным программам, приходилось только мечтать. Помню, очень боялся получить от собеседника по эфиру знак, означавший «Снять радиста. Не умеет работать». Ранее пришедшие на штабную радиостанцию для увеличения скорости работали на «вибрах» — самодельных приспособлениях, сделанных из обыкновенных полотен ножевок. Они давали возможность работать на два контакта. Соответственно увеличивалась скорость передачи. Глядя на них, стал учиться работать на «вибре» и я. Это было небезопасно. Радист, приступивший к работе на «вибре», мог сбить руку. Несколько недель вечерних тренировок, и скорость моих передач увеличилась до 180 знаков цифрового текста в минуту. Теперь «погнать с ключа» меня уже никто не мог. За успехи в обеспечении радиосвязью я был отмечен даже в приказе командира. Но тут со мной произошел неприятный случай.

Осенью 1943 года штабным радистам приходилось не

только нести служебные радиовахты, но иногда в ночное время принимать сводки Совинформбюро, для того чтобы на следующий день они появились на страницах краснофлотской газеты, местных газет и в специально выпускаемых листовках, извещавших население о положении на фронтах.

Работа несложная, но, как я понял позже, ответственная.

Диктор, видимо, зная, что запись ведется вручную, давал текст медленно. Продиктовав сообщение до конца, для проверки повторял его еще раз, чуть быстрее. Для того чтобы записывавшие могли отдохнуть, делал между передачами небольшие перерывы.

На этот раз Москва сообщала о начале высадки английских войск в Южной Италии, выходе советских частей к Днепру и захвате плацдармов на его правом берегу.

Несколько более мелких сообщений, и диктор объявил перерыв.

«Самое время послушать хорошую музыку или песню», — подумал я и тут же, как говорили мы, стал рыскать по эфиру.

Интересной радиопередачи не нашел. Настроился на старую волну и... о ужас, — там велась передача.

Судя по голосу, ее продолжал уже другой диктор, сообщавший о том, что под Рязанью произошел мятеж румынских военнослужащих.

«Странное сообщение, — подумал я, записав его. — Рязань — наш областной центр. Откуда там быть мятежу, да еще румынскому? Ерунда какая-то...»

Взглянул на часы. По времени продолжения передачи быть еще не должно. Откуда же взялся этот диктор с его подозрительной новостью? Уж не вражеская ли это дезинформация?

Только я об этом подумал, как на той же волне услышал голос прежнего диктора, извещавшего о возоб-

новлении передач. «В Селецких лагерях под Рязанью, — начал диктовать он, — начато формирование 1-й румынской пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску...» Я чуть не закричал «Ура!». Вот к чему приводит даже малейшее нарушение установленных в армии порядков. Ведь рыскать по эфиру в поисках песенок и музыки я не имел права.

Хоть и неохота было, пришлось о случившемся доложить командиру. Избежать соответствующего внушения не удалось. Да я к этому и не стремился. Знал, что виноват. Значит, и отвечать за содеянное должен. Так я получил еще один урок на будущее. Вот уж поистине правильно говорят: «Век живи — век учись».

С переходом на штабную радиостанцию забот стало меньше. Раньше, сразу после прихода на зимнюю стоянку, много времени уходило на обкалывание льда вокруг катеров, стоявших в затоне, ремонт и покраску их обшивки, внутренних помещений и механизмов. Судя по пробоинам и повреждениям, полученным в боях и на тралении, нелегкие испытания им довелось вынести, и порой было удивительно, что они остались на плаву, а не пошли ко дну.

Здесь же надо было только добросовестно нести радиовахты, принимать сообщения Советского информбюро и постоянно совершенствовать свои специальные знания, готовиться к новым боям. Свободного времени стало больше. Все чаще приходили на память друзья по Школе юнг, земляки-пермяки. Разъезжаясь по флотам и флотилиям, мы обещали друг другу писать письма, договорились связываться через Школу юнг, ее новых воспитанников, командиров, политработников, преподавателей. Написал ребятам в Школу юнг письмо, попросил их рассказать о делах в школе, сообщить адреса разъехавшихся по флотам юнг первого набора и стал ждать ответа. Но его почему-то все не было и не было. Тем временем на радиостанцию прибыл еще один радист, ранее служив-

ший на Северном флоте. В его рюкзаке оказалась хорошо мне знакомая газета «Краснофлотец». Я сразу же взял ее. В приказе командующего Северным флотом А. Головки от 26 ноября 1943 года неожиданно увидел фамилию «Бобров». Вместе со мной в Школе юнг служил воспитанник Оханского детского дома Валька Бобров. Не он ли? Приказ гласил, что Валентин Владимирович Бобров (надо же, по имени-отчеству моего однокашника величают!) за героизм, проявленный в бою, награжден медалью «За отвагу»!

— Молодец! — невольно воскликнул я.

— Кто? — недоуменно спросил приехавший.

— Да вот имя земляка в газете встретил. Медалью награжден.

— Там, на севере, браток, моряки большие дела делают, — заметил тот. — Не только медали, но и ордена получают! И за какие грехи меня сюда направили, никак не пойму?

Разговор сразу же зашел о том, как вырваться из этой тыловой дыры на действующий флот.

Я заметил, пока люди занимались тралением, с пребыванием в тылу мирились, но стоило прийти на зимовку — мирной жизнью стали тяготиться. Такие же чувства испытывал и я.

— Не беспокойтесь, долго здесь не засидимся, — успокоил старшина. — К весне на Черном море или еще где-нибудь на западе будем.

Вспомнилось, что то же самое перед расставанием со Школой юнг сказал мне старший лейтенант Кравченко.

Где он теперь? Удалось ли командиру роты рулевых уйти на действующий флот?

Об этом я ничего не узнал и после получения коллективного ответа на свое письмо в Школу юнг. Юнги-радисты второго набора благодарили своих предшественников за добротню построенные землянки-кубрики, в которых им в эти зимние месяцы тепло и уютно. Сообщали о

приезде в Школу юнг нового начальника капитана 1-го ранга Садова, о своих успехах в овладении флотскими специальностями, не забыли написать и адреса интересовавших меня юнг. Правда, их оказалось немного. Узнал, что Толя Негара воюет в составе Беломорской флотилии, Сережа Филин — на Северном флоте, Гена Мерзляков — на Краснознаменной Балтике. Первым откликнулся Толя, приславший подробное описание своего последнего похода. Он, как и я, после окончания школы юнг попал на тральщик, моряки которого занимались обезвреживанием мин, проводкой транспортов и сопровождением караванов.

Всею штурмам назло

Однажды в Карском море его корабль вступил в поединок с вражеской подводной лодкой. В ходе боя катер сотряс сильный взрыв. В корпусе появилась пробоина. Гребные винты и рули оказались сорваны. Тральщик лишился хода, стал крениться.

По аварийной тревоге Негара и еще несколько матросов из боцманской команды запустили помпы, завели пластырь, но вода не убывала. Стало ясно, что корабль спасти не удастся. Тогда командир отдал приказ спустить на воду спасательный понтон. Команда, за исключением командира, не пожелавшего оставить боевой пост, покинула корабль.

Неожиданно возле катера всплыла немецкая подводная лодка.

Раздался пушечный выстрел. Его произвел по вражеской субмарине раненый командир, уходивший вместе с кораблем в морскую пучину. Снаряд, попавший в рубку подлодки, заставил ее срочно пойти на погружение, что спасло команду катера от неминуемой гибели.

Понтон, на котором среди других моряков находился юнга Негара, отошел уже на расстояние около кабельто-

ва, когда над тральщиком взметнулся столб огня. Моряки обнажили головы.

Девять дней спасательный понтон бросало с волны на волну. Его низкие борта чуть-чуть поднимались над студенными водами Карского моря. Хлесткие волны мяли понтону бока, заливали до краев.

Над морем сплошная темнота — ни единой звездочки. Куда плыть — бог его знает. Косой дождь со снегом не оставил на моряхах ни единого сухого места.

Матросы по очереди, сменяя друг друга, садятся на весла. Негаре, как юнге, да еще не оправившемуся как следует от недавно перенесенной болезни, предлагают отдохнуть, но он отказывается, гребет наравне с другими. Об усталости старается не думать, о голоде — тоже, хотя тот дает о себе знать все больше и больше. На третий день болтания по морю кончились запасы пресной воды. Хлеба тоже нет. Буханки, прихваченные с корабля, размокли в соленой воде, превратились в непригодную для еды кашу. Осталось лишь несколько банок консервированных сосисок. Чтобы растянуть их на дольше, было решено выдавать каждому по половинке тонкой колбаски в сутки.

Неожиданно понтон вынесло к каким-то островам, как после выяснилось, архипелага Скотт-Гансена. Берег, на котором оказались моряки, был необитаем. В северной части острова крутым горбом поднимались скалистые горы. Низменность была усыпана валунами и галькой. Измученные люди замертво повалились под камни-валуны. Укрывшись за ними от пронизывающего ветра, согревая друг друга телами, заснули.

Утром пошел снег. Мягкий, пушистый, он ложился на землю большими белыми хлопьями. Кругом было тихо, спокойно. Только изредка раздавались крики кайры, но она летала где-то в глубине острова.

Понимая, что на каменистом клочке земли жизнь не сохранить, моряки решают послать пятерых человек, у

которых еще остались силы, на поиски материка. И вот смельчаки, среди которых был и Негара, столкнув понтон в воду, снова пустились в плавание.

У моряков всего одно весло. Второе унесло во время шторма. При таком положении в открытом море далеко не уйдешь. Юнга предлагает попробовать соорудить парус. Еще в школе, на Соловках, он научился управлять им как никто другой. По предложению Толи моряки сшили парус из собственной одежды, укрепили его на самодельной мачте. Единственное весло приспособили под руль.

Глубокой ночью понтон прибило к какому-то мысу. Песчаный берег смягчил удар. Не дожидаясь рассвета, приступили к обследованию берега. Вскоре обнаружили разбитые ящики, плот, а рядом с ним... мешок подмокшей муки. Вот радости-то было! Впервые за время скитаний развели костер, обогрелись. Из муки приготовили болтушку. Поели.

Утром Толя с одним из товарищей отправился на разведку. Часа через два километрах в пяти от места высадки неожиданно вышли к одному из сигнально-наблюдательных постов. Здесь и увидел их вахтенный — полураздетых, заросших, грязных... С мыса Михайлова, куда они попали, в штаб Беломорской флотилии полетела радиограмма. Моряки были спасены.

За умелые действия, проявленные выдержку и стойкость Негара был награжден орденом Отечественной войны II степени, а позже за боевое траление получил медаль «За оборону Советского Заполярья».

Боцман торпедного катера

В одном из последующих писем Толя же сообщил мне о подвигах юнги-уральца Лени Светлакова.

Леня был боцманом одного из торпедных катеров. Совсем мальчишка, а спрос как со взрослого, без малей-

ших скидок. На своем катере он — и пулеметчик, и санитар, и снабженец. Ах, как рвался Ленья в настоящий бой!

Однажды его ТК-114 оказался под обстрелом сторожевых кораблей противника. Более двухсот осколков отметились на теле корабля. В другой раз катер получил приказ выйти в море для постановки мин на пути движения вражеских конвоев. На борт было принято две мины «КБ-3». Пришли в назначенный квадрат, выполнили поставленную задачу. На обратном пути корабль Ленни и еще один катер должны были снять с вражеского берега наших разведчиков. Едва успели это сделать, как по радио получили приказ атаковать конвой противника, входивший в Варангер-фиорд. В составе конвоя было четырнадцать единиц: транспорт, несколько сторожевых кораблей и катеров.

Уже светало, когда пошли на сближение.

— Боцман, шашки! — последовала команда.

Светлаков начал сбрасывать за борт дымовые шашки. Четыре раза ходили в атаку наши катера. Били из пушек, пулеметов. Разведчики, находившиеся на катере, строчили из автоматов. Всего в этом бою было уничтожено три немецких корабля, транспорт, сторожевой корабль и катер. 114-й пришел на базу весь изрешеченный пулями и снарядами. За этот бой Ленья был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Были и другие схватки, полные опасности походы к вражеским берегам, когда под покровом ночной темноты, а то и в светлые летние дни, моряки высаживали разведчиков. Был лихой отчаянный прорыв в Линахамари, обеспечивший начало победной операции флота на севере осенью 44-го. На долю ТК-114 тогда выпало столько испытаний, что и представить трудно, как команда катера преодолела их.

Корабль подошел к причалу под обстрелом. Высадку десанта, несмотря на яростный огонь противника, произвели успешно. Тут же завязался жестокий бой. Коман-

дир, боцман Светлаков и двое матросов, прихватив автоматы, сошли с катера для оказания помощи десантникам. Возвратились на корабль лишь после того, как враг был отогнан.

При выходе из фиорда катер попадает в перекрестье прожекторов. Вражеские батареи, доты и дзоты ведут по нему огонь. Но, прикрывшись дымовой завесой, установленной Ленией, катер из-под обстрела выходит без особых повреждений и... попадает в противолодочную сеть. Враг расстреливает неподвижный корабль почти в упор, а юнга в это время на открытой палубе, вооружившись отпорным крюком, отцепляет сеть. Лене кажется, что сотни огнедышащих стволов целятся и бьют именно по нему, но руки с привычной ловкостью, выработанной еще в Школе юнг, делают свое дело. И сети наконец остаются за кормой. В базу корабль вернулся с множеством пробоин и поврежденным рулем, на одном моторе.

Вечером на корабле оформляли на отличившихся наградные документы.

— Юнга Светлаков достоин ордена, — сказал командир.

— Орден у меня есть. А медаль нельзя? — спросил малец.

— Можно... Хотя ты и большей награды заслужи-
ваешь.

К концу войны на груди юнга сверкали два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

На противокатерной батарее

Командир роты Школы юнг Кравченко оказался прав. Долго служить на Волге мне не пришлось. Война катилась на запад. Туда же перебросили и нашу часть. Корабельную жизнь на время пришлось сменить на сухо-

путную. По воле командования я был направлен радиотом на 704-ю противокатерную батарею.

На новом месте службы нас, новичков, выстроили. Последними на «шкентеле» стояли юнги. Появившийся перед строем высокого роста, осанистый, с копной русых волос капитан-лейтенант долго смотрел на нас. Наконец изрек:

— Вот уж поистине метр с кепкой. Все как на подбор!

Меня прямо-таки передернуло. Опять метр с кепкой! А я-то думал, что за время пребывания в Школе юнг и на Волге уже подрос и такого обидного для моего юнгатского сознания определения больше никогда не услышу.

— Что я буду с вами делать? — спросил командир, сверля нас цепким взглядом.

Тут я, сам не ожидая от себя такой прыти, не растерялся и четко, как только мог, ответил:

— Бить фашистов!

Каплей взглянул на меня пристально, о чем-то немного подумал и примирительно сказал:

— Да, конечно же, учиться бить фашистов. Учиться постоянно, упорно, используя для этого каждую минуту. Учиться не только по учебникам, но и используя знания опытных батарейцев. Будем учиться говорить с врагом языком огня. Вот так!

Он весело улыбнулся и строй распустил.

После этого я убедился, что говорить с врагом языком артиллерийского огня и учить нашего брата — юнг и необстрелянных матросов — командир умел мастерски. За это мы его очень ценили и уважали.

Входя в состав Черноморского флота, батарея сначала стояла в Туапсе, а потом в Одессе.

Основным моим делом, как и на Волге, было обеспечение командования бесперебойной связью и корректировка огня.

Шел 1944 год — год решительного продвижения наших войск на запад. В последних числах марта Советская Армия вышла на Государственную границу СССР с Румынией. Мы уже знали, что вот-вот нам предстоит бой на Дунае, где немцы сосредоточили не менее двух с половиной тысяч разных судов.

— Работенки хватит, — шутили моряки.

— Ничего, перемелем. Ныне не сорок первый год — воевать научились. Да и немец не тот стал. Услышит флотскую «полундру» — драпает без оглядки. По нужде штаны снять не успевает.

А пока сухопутные войска при содействии Черноморского флота, авиации дальнего действия и партизан вели бои за Крым. На его освобождение нашим войскам потребовалось 35 дней, а на штурм Севастополя всего 3 дня, в то время как гитлеровцы в 1941—1942 годах не могли взять черноморскую твердыню в течение 250 дней.

Воспитывая у моряков жгучую ненависть к немецко-фашистским оккупантам, командиры, политработники и агитаторы широко использовали публиковавшиеся в периодической печати материалы о злодеяниях гитлеровцев во временно оккупированных районах Украины, Белоруссии, в городах Киеве, Севастополе, Одессе и других местах, письма морякам от родных и близких, побывавших на занятых немцами территориях. Признаться, до этого я с большим трудом мог поверить, что описываемые злодеяния фашистов — подлинная правда. А тут убедился воочию. Помог случай. Как-то старшина 1-й статьи Александр Обжелян получил от своего отца Василия Дмитриевича, бывшего моряка с броненосца «Потемкин», колхозника села Тишковка Кировоградской области, письмо. Тот писал о страшных днях немецкой оккупации, убийствах ни в чем неповинных людей.

— Об этом неплохо знать всем, — сказал Обжелян. — Да вот беда, без слез рассказать не смогу. Может, прочитаешь людям? — попросил он меня. Я согласился.

Василий Дмитриевич сообщал о том, что гитлеровцы разграбили их село, все ценное увезли в Германию, угнали в рабство сельскую молодежь, увезли двоюродную сестру Александра. Тех, кто сопротивлялся их произволу, убивали. Перед отступлением фашисты собрали все население на площади, заставили людей вырыть для себя могилу и всех, около 250 человек, расстреляли. Долго из ямы доносились стоны и приглушенные крики. Покидая Тишковку, бандиты взорвали клуб, школу, маслозавод, мосты и зерносклады.

В конце письма отец просил сына рассказать о зверствах фашистов своим товарищам, передать им наказ моряка-потемкинца жестоко мстить гитлеровцам за кровь и слезы советских людей.

— Гады! — сжав кулаки и зубы, возмущались моряки. Примерно такое же состояние было и у меня. Душа рвалась хоть что-нибудь сделать для разгрома ненавистного врага. «Буду проситься на боевые корабли», — решил я.

А пока приходилось как можно старательнее исполнять свои служебные обязанности. По 12—16 часов в сутки я сидел возле своей радиостанции — принимал боевые сообщения с кораблей Черноморского флота, авиации и от корректировщиков огня.

Советские моряки уже высадились в Констанце, Варне, Бургасе. Последние уцелевшие к тому времени корабли врага стали нашими трофеями. Боевые действия на Черном море заканчивались. Под непрерывными ударами войск 3-го Украинского фронта противник катился к Дунаю. Морякам этой флотилии, больше уже не входившим в состав Черноморского флота, предстояло двигаться дальше в глубь Европы, поддерживать сухопутные войска в освобождении от фашистского ига Румынии и других придунайских государств. Шла подготовка к Яско-Кишиневской операции. Морякам предстояло действовать на Приморском фланге 3-го Украинского

фронта. В связи с этим в Одессе был развернут командный пункт командующего флотом.

В первой половине августа командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Толбухин поставил перед моряками задачу форсировать Днестровский лиман. План операции предусматривал неожиданную и стремительную высадку передовых отрядов десанта. Эту задачу предполагалось решить плавсредствами 4-й бригады речных кораблей, которой командовал капитан 2-го ранга Давыдов, и кораблями Керченской бригады во главе с капитаном 3-го ранга Державиным. В состав сил, выделенных для форсирования Днестровского лимана, были также включены 369-й батальон морской пехоты и сектор береговой обороны с приданной ему артиллерией изшей Одесской военно-морской базы. Большое внимание было уделено специальной подготовке десантников. На северо-западной окраине Одессы в течение двух недель проводились регулярные тренировки. Морская пехота отрабатывала посадку и высадку. Училась длительное время ходить на веслах. Я держал с выходившими в море катерами и шлюпками радиосвязь. Нередко на крутом берегу порта, где стояли наша и две другие батареи, появлялся командующий только что переформированной из Азовской в Дунайскую флотилией Горшков. Оказавшись в кругу батарейных штабных работников, Сергей Георгиевич не забывал подойти и к радисту. Интересовался состоянием радиоаппаратуры, наличием питания для нее.

— Не подведешь, сынок? — по-отцовски спрашивал.

— Никак нет, товарищ контр-адмирал! — отвечал я, а у самого, как говорится, поджилки тряслись. Хотелось обратиться к адмиралу с просьбой о переводе на боевые корабли Дунайской флотилии, но не решался. Слишком много ступенек лежало между вчерашним юнгой и контр-адмиралом. Но однажды все же не сдержался.

— А зачем тебе к нам? Дел, по-моему, и на батарее

хватает — думая, как мне показалось, о чем-то своем, гораздо более важном, рассеянно спросил Горшков.

— У меня там друзья, — стал объяснять я. — Гурьев, Чернышев и Решетняк...

— Радисты? Как же, знаю. Служат в Керченской бригаде. Асы своего дела. Не горюй, встретишься. У всех у нас одна дорога, на запад, по Дунаю...

Сердце радостно застучало. Я был рад, что мои добрые наставники, привившие мне любовь к морской службе и специальности радиста, живы. Даже узнал, где они — в Керченской бригаде речных кораблей, катера которой, бывало, заходили в Одесский порт. Вот бы встретиться с друзьями! Но мечте моей, как показало будущее, сбыться было не суждено.

Поздним вечером того же дня все пришло в движение. В один миг взрвели корабельные моторы, и катера рядом базировавшегося отряда под командованием Героя Советского Союза капитан-лейтенанта Великого взяли курс в открытое море. Появились подсобные плавсредства. В них молча размещались морские пехотинцы с оружием и боезапасами. Приняв на борт подразделения, катера, шлюпки, полуглиссеры отходили от берега и исчезали в темноте. Часа в три ночи стали доноситься приглушенные большим расстоянием раскаты артиллерийской стрельбы.

Операция по форсированию Днестровского лимана началась. О том, что она была не простой и не легкой, я мог судить по все возрастающему объему поступающих радиограмм. Сообщения следовали одно за другим. И не только в дневное время, но и ночами. Только тут я впервые по-настоящему понял, как непроста работа не знающего покоя, сутками напролет стучащего на ключе и записывающего радиограммы фронтového радиста. Едва откладывал в сторону карандаш или снимал руку с ключа, как усталый мозг строчку за строчкой восстанавливал в памяти где-то услышанные, запомнившиеся строки:

Ночь кончается, темень тает,
И тускнеет мерцанье звезд.
Мы — радисты. А все ли знают,
Как порою наш труд непрост?

Как слипаются веки ночью,
Как усталость сильна на заре,
Как неровные бьются точки,
Обрывается пульс тире?

Снова вызов — и вмиг, невольно,
Тверже руки, ясней голова,
Мчат послушные радиоволны
Человеческие голоса...

Голоса в виде точек и тире летели с кораблей Черноморского флота, от морских пехотинцев майора Котанова, непосредственного руководителя операции по форсированию Днестровского лимана командующего 46-й армией генерал-лейтенанта Бахтина, его заместителя по морской части контр-адмирала Горшкова. Одни просили поддать огоньку, другие, наоборот, прекратить его, потому что подвергнутый артиллерийской обработке участок вот-вот будет в наших руках.

Как проходила операция, я узнал лишь через несколько дней, когда в качестве агитатора был приглашен на совещание партийно-комсомольского актива. Оказывается, командование флотилией решило использовать испытанное средство — внезапность. Форсирование лимана начали неожиданно, без всякой артиллерийской подготовки, с соблюдением максимальной маскировки.

Враг обнаружил десант, когда до берега оставалось 100—200 метров. Фашисты открыли сильный огонь. Однако десантники сумели высадиться на берег и захватить плацдарм.

Уже шла высадка первых эшелонов десанта, когда в Днестровский лиман через узкое Царьградское гирло с боем прорвались броневые и минометные катера под командованием капитан-лейтенантов Барботько и Великого и тральщики, прикрываемые катерами-дымзавесчика-

ми. Они тут же приступили к огневой поддержке частей десанта, наступавших с захваченных плацдармов.

Если высадка первого эшелона десанта северо-западнее и юго-восточнее Белгорода-Днестровского, во время турецкого владычества названного Аккерманом, была осуществлена сравнительно быстро, то бои непосредственно за Аккерман носили ожесточенный характер. Тем не менее к вечеру 22 августа сопротивление врага было сломлено, Аккерман освобожден и над древними стенами Белгород-Днестровской крепости взметнулось красное полотнище. В этой боевой операции отличился и юнга Игорь Пахомов.

24 августа корабли прорыва под прикрытием торпедных катеров и авиации флота вошли в Килийское гирло Дуная и, подавляя сопротивление противника, начали движение вверх по реке. Преодолев огневое противодействие врага, корабли флотилии заняли города Вилково, Килия, Тулча и ряд других населенных пунктов. И опять я, принимая эти радостные сообщения, переживал, что, как и в ходе боев на Черном море, не был в это время на боевых кораблях, а лишь держал с ними связь.

Здесь, в Одессе, я узнал, что в частях и на кораблях Черноморского флота сражается много других юнг, с которыми я учился на Соловках. Одним из них был Саша Пошляков.

Рулевой со «Шквала»

Боевое крещение Саша принял, когда «Шквал» сопровождал транспорт, следовавший из Батуми в Туапсе. Их корабль держал с нашей батареей, стоявшей в Туапсе, связь. А я и не знал, что принимаю сообщения с корабля, на котором идет мой сослуживец. Подводная лодка фашистов выследила конвой, в составе которого шел «Шквал». Белый след торпеды уже приближался к кораблю. Не теряя ни секунды, командир приказал изме-

нить курс. Сторожевик начал выполнять противолодочный зигзаг. Стоя у штурвала, Саша чувствовал, как корабль уходит от опасности. Торпеда через некоторое время дошла до берега, и воздух потряс взрыв. Но опасность не миновала. На обратном пути в нескольких кабельтовых сигнальщики обнаружили перископ. Немецкая лодка, оказывается, от своего намерения потопить сторожевой корабль не отказалась.

Командир, дав полный ход, приказал юнге направить корабль в сторону подлодки. С кормы посыпались глубинные бомбы. Через некоторое время на поверхности моря были обнаружены отдельные предметы и большие пятна солянки. Значит, бомбы легли в цель.

За отличные боевые действия в ходе этой операции Саша был награжден орденом Красной Звезды.

В конвое

Во время дислокации нашей батареи в Туапсе в здешний порт часто заходил быстроходный тральщик «Щит», на котором служил мой однокашник по роте радистов Жора Бриллиантов.

В июне 1944 года «Щит» был поставлен на неделю в Туапсе на предупредительный ремонт. Командир дивизиона свой командный пункт перевел на «морской охотник». Взял туда и Жору.

В один из этих дней поступил приказ выйти в море. Вели два танкера из Туапсе, где они только что заполнились горючим. В походе моряков, как обычно, сопровождал самолет. Поначалу все было спокойно. Но вот Жора принимает с одного из катеров сообщение: акустик обнаружил шум винтов подводной лодки. Полученную радиограмму юнга тут же передает командиру. Заметили вражескую подводную лодку и летчики, начали указывать цель ракетами.

Бриллиантов, выполняя приказ командира дивизиона, передает по конвою распоряжение: «Боевая тревога! Катерам глубинными бомбами уничтожить лодку! Танкерам — противолодочными зигзагами следовать по курсу!»

Катера один за другим идут в атаку. Сбрасываемые ими серии больших и малых глубинных бомб поднимают громадные столбы воды.

Подлодка врага была уничтожена. Командир конвоя через радиста поздравляет всех с успехом. Жора передает по радиции: «Отбой боевой тревоги! Боевая готовность номер 1».

За эту операцию Жора Бриллиантов был награжден медалью Ушакова. Другие боевые действия юнги отмечены орденом Отечественной войны I степени и болгарской медалью «Отечественна война 1944—45 гг.».

Страх можно победить

Бывало, доставалось и нам. Однажды стою на посту. Укрытия никакого. Неожиданно со стороны Румынии из-за подрумяненных утренним солнышком облаков вынырнули немецкие самолеты. Кренясь на крыло, они направились в сторону наших батарей. При подлете от самолетов одна за другой отделились несколько сверкающих на солнце черных точек. Увеличиваясь в размерах, они неслись прямо в сторону батареи.

— Ложись! — издалека донеслась команда дежурного по батарее.

Ошалело бросаюсь в ближайшие кусты. Кажется, будто там и есть самое безопасное место. Тотчас неподалеку раздался страшной силы грохот. Уши заложило. Потом все стало тихо. Самолеты развернулись, сделали новый заход. Опять распластываюсь. Снова рядом, теперь уже с другой стороны, грохот. На этот раз ближе. В приклад автомата впивается осколок. Отлетевшая от него маленькая щепочка бьет мне в лицо. Силой взрывной волны

меня отбрасывает в сторону. Кубарем качусь под уклон, в сторону порта.

Опять разворачиваются. Опять бомбят. Когда только этот ад кончится?

Кончился! Оказалось, длился он не так уж и долго. Судя по отбившим склянкам, с начала налета не прошло и получаса.

Отряхнувшись от пыли, чувствую страшный стыд за то, что у всей батареи на виду пережил отвратительный ужас. Но, как выяснилось позже, моего позора никто не видел. Матросам, разбежавшимся по своим постам, было не до того. Каждый выполнял свои обязанности, предусмотренные инструкцией.

После налета кто-то из старослужащих спрашивает:

— Страшно было?

Уши тут же загорелись страшным жаром. Вслед за этим, чувствую, покраснело лицо. Когда стыдно, у меня всегда так.

— Да, — признаюсь.

— Сказал бы «нет» — не поверил бы. Но не тужи, в той или иной мере на первых порах это чувство испытывают все. Важно другое. Необходимо научиться подавлять его в себе, добиться, чтобы оно не мешало выполнять свой долг. Страх ведь тоже можно победить!

Товарищи нашли в моей шинели осколок, смеются: «В рубашке родился».

Постепенно в городе установилась нормальная тыловая жизнь. Батарея готовится к передислокации. Представлялась возможность сходить в городскую баню. В часть возвращается по знаменитой Дерибасовской улице. Гремит матросская песня:

Споемте, друзья, ведь завтра в поход,
Уйдем в предрассветный туман...

Неожиданно в районе оперного театра с одного из верхних этажей дома строй прошивает автоматная очередь. Несколько человек ранено. Вот тебе и тыловой го-

род... Уяснил еще одну истину: затаившийся враг не менее, а, пожалуй, даже более опасен, чем явный.

На другой день после этого случая многие из батарейцев, в том числе я, были откомандированы на Дунайскую флотилию. Многих распределили по кораблям, я же попал в 1-й район службы наблюдения и связи (СНиС). Если бы учитывалось желание, я обязательно попросился бы на корабли Керченской бригады, где служили мои давние друзья Гурьев, Чернышев и Решетняк. Но наши мнения в расчет не принимались.

Корабли Дунайской флотилии уже пересекли государственную границу с Румынией, с боями поднимались вверх по Дунаю, а я опять оказался в тылу. Но и в этой обстановке радистам и связистам было не очень спокойно. В части постоянно не хватало людей, и нам приходилось заменять выбывавших из строя радистов кораблей, выходить на исправление телефонных линий, нести караульную службу.

В последний день декабря 1944 года я оказался на линии.

На линии

Мы уже готовились к встрече Нового года. Сделали уборку, приготовили «наркомовские», раздобыли елку, которая свободно уместилась на нашем обеденном столе, и приступили к ее украшению. В качестве игрушек использовалось немудреное матросское имущество: пуговицы со звездочками и якорями, патронные гильзы от разных видов оружия, бляхи от поясных ремней, радиолампы, конденсаторы, сопотвращения и другие радиодетали. Чего-чего, а этого добра у нас было в достатке. Я со своим дружкой по фамилии Соби́на колдовал над гирляндой миниатюрных, раскрашенных нашими руками лампочек, которые должны были украсить не только елку, но и весь по-военному оборудованный красный уголок.

Стрелки часов показывали уже 23.00.

— Братва, готовь стол! — приказал старшина и для проверки связи взялся крутить ручку полевого телефонного аппарата.

— Волна! Волна! Волна!

Трубка молчала.

Наступила напряженная тишина.

Четко тикали оставшиеся от старых владельцев дома ходики. В окна стучались ветер и снег.

На соседнем столике зазуммерил другой аппарат.

— Слушаю, — сказал старшина. — Есть!

И, положив трубку, тут же отдал распоряжение:

— На участке обрыв. Задерживается важная правительственная передача. Соби́на, Леонтьев — на линию!

...Взбесившийся ветер швырял в лицо колючий снег, слепил глаза. Наклонившись вперед, мы шли ему навстречу. Острый луч фонарика Соби́ны скользил по обледенелым проводам, которые гудели, как струны. Линия связи тянулась вверх по каменистому уклону. Дорога стала круче, ветер сильнее. Иной раз приходилось ползти, цепляясь за острые камни, вмерзшие в грунт. Снежный вихрь затруднял дыхание. Иногда казалось, что карабкаться дальше уже нет сил. Но в ушах сквозь завывание и свист метели слышался твердый голос старшины: «Задерживается важная правительственная передача...» И мы упорно двигались вперед.

Вот линия пошла вдоль какого-то глубокого оврага. Здесь было тише, но зато малейшая неосторожность грозила смертью. Ползли, хватаясь за камни. В рукавицы набился снег. Мерзли руки.

Наконец луч фонарика осветил оборванные, скрученные провода.

Осмотрев один из концов провода, Соби́на говорит:

— Порез! Действуй! В случае чего прикрою!

И тут же изготовился к бою.

Едва я успел снять катушку, достать нож и принялся

срезать с провода изоляцию, как откуда-то из кустов раздалась автоматная очередь. И тут же заработал автомат моего друга. Собина, создавая видимость, что нас много, то и дело менял место, бил короткими очередями.

Так и хотелось помочь ему огнем, но у меня другая задача. Я спешил соединить разорванные провода. Одеревеневшие пальцы слушались плохо. Острый нож казался тупым и неудобным...

А враги, то ли поверив, что нас много, то ли еще почему, стали удаляться в глубину леса. Мой друг их преследовал, правда, недолго.

— Деру дали, — сообщил он, подползая ко мне.

Вскоре провода были соединены. Собина подключился к линии, взял в руку телефонную трубку.

— Волна! Волна! Волна! Как слышишь? Что? Есть!

После мы еще долго лежали, прижавшись друг к другу. Обессиленные и продрогшие, ждали — не вернутся ли враги. Время от времени проверяли связь. Телефонная линия работала нормально.

Возвращаться по обледенелому каменистому склону было еще труднее. Часто спотыкались, падали, больно ударяясь о камни. Выскользнул из обледеневших рукавиц трофейный фонарик. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью. Остановиться, отдохнуть нельзя — заснешь, замерзнешь. А снег валил и валил. Не раз сбивались с пути. Черные флотские шинели давно превратились в твердые, пропитанные влагой и льдом, мешающие движению панцири.

Сколько прошло времени с момента нашего выхода на линию, мы не знали. Наверное, немало, потому что старшина, увидев нас, сказал:

— Наконец-то. А мы уж собирались вас разыскивать.

Возле железной печурки мы стали быстро отходить.

— А теперь в постель! Выспитесь, а тогда уже вместе и позавтракаем. Встретить Новый год все равно не удалось. Скоро три часа утра.

И только тут я заметил, что елка украшена, стол накрыт, а сесть за него без нас боевые друзья так и не решились.

— Почему не удалось? — спросил Собина и подошел к стоявшему в уголке на тумбочке патефону.

Догадавшись, в чем дело, старшина тут же скончался:

— Всем за стол!

Собина покрутил ручку патефона, поставил пластинку, и комнату наполнили мелодичные звуки, такие знакомые и родные. Кремлевские куранты пробили двенадцать раз, и скромный деревянный домик нашего узла связи, приютившегося на окраине Измаила, наполнился торжественной мелодией: «Ши-ро-ка стра-на мо-я род-на-я...»

— С Новым годом! — торжественно сказал старшина.

С тех пор прошло более четырех десятилетий. Но каждый раз в новогодние торжества мне приходило на память то праздничное утро.

Необычное увольнение

Не менее запомнился и первый день нового, 1945 года, когда впервые за два с половиной года службы на флоте я получил разрешение выйти в город. До этого ходить в увольнения ни на Северном флоте, ни на Волге, ни на Черном море не доводилось — не до того было. Теперь наши войска повсеместно наступали. Врага от города отогнали уже далеко. Командование сочло возможным разрешить матросам и старшинам сходить в город. Первым, как отличившимся, увольнительные были выписаны Собине и мне. Решили ознакомиться с городом. Стародавняя ратная слава Измаила дорога каждому советскому человеку. У его стен русские одержали не одну

победу. Особенно дорог этот город сердцу моряков-дунайцев. В 1771 году Измаил стал базой русских военных кораблей, содействовавших войскам в сражениях против турок. В 1787—1791 годах здешние «морские казаки», помогая суворовским войскам, приняли участие в штурме измаильской крепости. История Измаила связана с именами адмирала Макарова, лейтенанта Шмидта, потемкинцев. В годы гражданской войны революционные моряки тогдашней Дунайской флотилии дрались в этих местах против интервентов и белогвардейцев.

Нам захотелось осмотреть крепость — символ побед русского оружия, но мы увидели только мраморную доску, врезанную в стену бывшей мечети, славящую князя Михаила Илларионовича Кутузова и его «православных воинов, живот свой положивших» на этой земле, да высокий обелиск в честь павших за независимость Румынии в 1877 и в 1917 годах русских и румынских солдат. Больше от знаменитой крепости ничего не осталось.

Пошли в кинотеатр. Благо он был недалеко. Но Собина не повезло. Отходя от кассы, мой друг неосторожно зацепился за рекламный щит и оборвал пуговицу. Старшина даже покраснел от досады: не мог же он войти в кинозал с оторванным хлястиком.

— Ничего, пришьем, — успокоил я его. — У меня в бескозырке на такой случай со времен учебы в Школе юнг всегда иголка с ниткой имеются.

Выбрались из толпы. Осмотрелись. Наиболее подходящим местом сочли пустынный скверик рядом с кинотеатром. Возле калитки стоял какой-то гражданин в поношенном демисезонном пальто. Куря папиросу, он равнодушно смотрел то на одну, то на другую афишу рекламного щита.

Собина пришивал пуговицу, а я от нечего делать глазел по сторонам. Неожиданно мой взгляд упал на оборотную сторону щита. Протянувшаяся сюда сбоку рука стоявшего по ту сторону мужчины сбросила со столбика,

на котором был укреплен щит, снег и в ту же минуту снова исчезла. Мужчина тотчас повернулся и пошел к кинотеатру.

Чудно. Что он там искал?

— Ну, вот и готово, — с радостью сообщил Собина. — Пришил.

Тут, надевая хлястик, он заметил, что и вторая пуговица чуть не с мясом вырвана, держится на честном слове.

— Придется и ее перешить, — сказал друг и опять приступил к делу.

Тем временем к рекламному щиту подошел другой мужчина.

— Смотри, — обратил я внимание старшины. — Этот человек, по-моему, наш сосед. Он живет неподалеку от нашего радиоузла.

— Ну и что?

— Гляди, что он делает.

Мужчина, как и тот, первый, недавно стоявший на этом месте, нащупал верхнюю часть столбика, что-то там взял, быстро сунул в карман и стал удаляться.

— Подозрительно все это. Надо сообщить командиру, — говорю я старшине.

Собина подошел к столбику, ощупал его торец.

— Углубление, тайник. Проследи за ним. — Собина указал глазами на удаляющегося соседа. — А я доложу кому следует.

«Да уж сосед ли это? — думал я, шагая на приличном от мужчины расстоянии. — Уже вечер, пора домой, а он идет совсем в другую сторону».

Давно уже скрылся из виду рванувший в часть Собина, а я уходил от нее все дальше и дальше. Из-за прохожих, спешащих к кинотеатру, и дальности расстояния я не мог видеть лица того, за кем шел. Но что это? Он исчез. И лишь подойдя к перекрестку, я увидел, что объект моего наблюдения, свернув на соседнюю улицу, повернул

обратно. Значит, я не ошибся. Это тот самый человек, что живет почти рядом с нашим домом связи.

На подходе к радиоузлу из-за угла вынырнул Собина.

— Дальше идти не надо, — сообщил он. — Там другие возьмут его под наблюдение. А мы постоим здесь. Хорошее местечко. К тому же дом его виден. Вернее, крыша да труба. Но и это хорошо. Он у работников СМЕРШа уже под наблюдением. Нам с тобой поручено следить, не появится ли где антенна. Гляди в оба! — шепотом приказал старшина.

Мы стояли возле газетной витрины, делая вид, что горячо обсуждаем прочитанное. А сами то и дело, как бы ненароком, поглядывали в нужную сторону. Но ничего подозрительного на крыше не было.

Прошло с полчаса. Но что это? Бросив очередной взгляд на крышу, я заметил возле самой трубы громотвод, которого только что не было.

— Громоотвод! — прошептал я старшине.

— Не громоотвод, а антенна, — заметил с раздражением на мою несообразительность тот. — В часть, быстро! — скомандовал он.

Две минуты — и мы на месте. Все моряки, свободные от вахт, тут же были подняты по боевой тревоге.

Работник СМЕРШа, Собина и двое матросов, имея в карманах лишь пистолеты, будто прогуливаясь, походочкой вразвалку, направились к дому с подозрительным хозяином. А нам отдан приказ: «Ждать и быть наготове».

Не прошло и пяти минут, как вечернюю тишину прервала автоматная очередь. За ней вторая, третья...

— Взять тихо не удалось. Вперед! — скомандовал командир.

И вот дом уже окружен. Вражеский лазутчик, передававший немецкому командованию сведения о подступающих к фронту наших частях, не сдается, поливает нас огнем из автомата, швыряет гранаты. Кругом свист пуль,

осколков. Есть и раненные... Да, тыловой город, а обстановка совсем как на фронте.

Посмотреть кинокартину в тот первый день нового, 1945 года не удалось. Но мы не расстраивались.

Случай на посту СНИС

Один день сменяется другим. То на посту стою, то на исправление телефонной линии иду, то обеды и ужины морякам готовлю. Как о радиисте обо мне, похоже, забыли. На память то и дело приходит бытующая среди моряков поговорка: «Через день — на ремень, через два — на камбуз».

— Леонтьев — к начальнику узла связи! Быстро!

Опять в наряд или на повреждение. Так и есть.

— Поедешь на устранение повреждения телефонной линии с береговым постом! — получаю приказ.

— Есть!

Езда на мотоцикле по бездорожью особой радости не предвещает. Но приказ есть приказ.

Сборы недолги, и вот мы уже в пути. Один из моих товарищей за рулем, другой в люльке, я, как самый молодой, трясусь на заднем сиденье. Автоматы, телефон и катушка с проводом в постоянной готовности. Мы то и дело притормаживаем, я соскакиваю и бегу проверять провод. Уже, наверное, десяток раз соскочил, но линия везде исправна, повреждений нет.

— Домик связистов уже близко, а мы до сих пор без толку катим. Смотри лучше, — наказывает старший. — Должен же где-то быть этот проклятый обрыв!

Я и так смотрю. Смотрю, как говорится, в оба. Разве я виноват, что ничего нет... Хотя вот, кажется, что-то неладно. Выбегаю на небольшую поляну, в другом конце которой виднеется домик береговых наблюдателей. Но что это? Останавливаюсь перед небольшой выжженной площадкой. В нос бьет неприятный запах горелого мяса.

Присматриваюсь... О ужас! Из обезображенных трупов наших наблюдателей и связистов сложена фашистская свастика. Моряки облиты бензином и сожжены.

В числе погибших оказались два радиста. На их место в тот же день были откомандированы другие, а я занял место одного из ушедших.

Работа радиетов района СНиС, по сравнению с обеспечением радиосвязью командования батареи, была сложнее, труднее и ответственнее. По двадцать часов в сутки принимаю и передаю радиogramмы, которыми командование Дунайской флотилии обменивается со штабом Военно-Морского Флота, наступающими сухопутными войсками, частями морской пехоты, кораблями Дунайской флотилии и командованием Черноморского флота. Радиogramмы летят из гвардейского дивизиона бронекатеров, ведущего бои в районе Белграда — столицы Югославии, с кораблей флотилии, помогающих сухопутным войскам в освобождении городов Радуевац, Прахово и Смедерovo. Душой и сердцем я там, вместе с моряками кораблей, а физически здесь, в тылу. К счастью, быть здесь пришлось недолго. Прав был адмирал Горшков, что у всех у нас дорога на запад, вверх по Дунаю.

— Собирайся. Поедешь на действующие корабли флотилии, — сказал мне однажды начальник узла связи. — Есть! — с радостью ответил я.

— На сборы два часа, — пояснил командир. — Поспеш. Ровно в одиннадцать часов быть на бронекатере. Будешь служить в бригаде речных кораблей.

Старший лейтенант, как равному, пожал мне руку и пожелал успешной службы на новом месте.

Вверх по Дунаю

Без пятнадцати одиннадцать я был уже на катере.

— В нашем полку прибыло! — радушно встретили меня моряки. — Радист? Откуда? Где служил? — засыпали меня вопросами.

За два дня похода на катере я пересек три государственные границы — советско-румынскую, румыно-болгарскую и болгаро-югославскую — и прибыл в расположение бригады речных кораблей.

Первым, кого я здесь встретил, был дежурный, которым оказался... бывший командир роты рулевых Школы юнг Кравченко. На плечах офицера сверкали погоны уже не с тремя, а с четырьмя звездочками — капитан-лейтенанта.

О своем прибытии хотел было доложить по всей форме, но куда там...

— Ну, комсорг, значит, Волгу покинул, дунайцем стал? — перебил меня Петр Васильевич. — Поздравляю! Знал юнгой, а теперь уже старшина второй статьи? Молодец! Значит, к нам? Хо-ро-шо!

Казалось, бывший командир роты обрадовался больше меня. Хотя, на самом деле, было, конечно же, наоборот.

Петр Васильевич лично довел меня до катера, на который я был направлен, и передал командиру, как говорится, из рук в руки.

— Представляешь, чуть больше года назад, — рассказывал он, — я знал этого юношу совсем мальчишкой, юнгой, а теперь он уже старшина! Немало хлопот нам, командирам, выпало на Соловках с такими, как он, да, видно, не зря трудились...

Чувствовалось, что говорил он эти слова о нас, юнгах, с гордостью. Мне было приятно их слышать.

Прощаясь, Кравченко сказал:

— Так держать, юнга! Извини, товарищ младший командир.

Оказавшись в кругу моряков, я первым делом поинтересовался, где мои наставники Гурьев, Чернышев и Решетняк. Матросы нахмурились, замолчали.

— Гурьев погиб, Чернышев и Решетняк в других частях, — сказал радист Николай Самойленко.

— Не тужи, будешь продолжателем их боевой славы, — подал голос рослый моряк с двумя золотистыми полосками на погонах. Это был лучший радист дивизиона Литвин.

Оба впоследствии стали моими добрыми наставниками. На груди Литвина уже в то время сверкало два ордена и несколько медалей. Я понимал, что служить в такой прославленной части большая честь. К тому времени мои друзья под Сталинградом завоевали для своего дивизиона звание гвардейского, успели отличиться на Черном море, на Дунае. На счету моряков — десятки блестяще проведенных боевых операций. Теперь и я был в какой-то степени причастен к их боевой славе. Такое доверие надо было оправдывать делами.

Преодолеваю все преграды

На очереди был переход еще одной границы. На этот раз югославо-венгерской. Необходимо было оказать помощь войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов во взятии мадьярской столицы — Будапешта. Для этого надо было пробиться дальше вверх по Дунаю. Между тем река выше Белграда без малого на сотню километров находилась под прицельным огнем противника, обосновавшегося на правом берегу.

Надо было найти окружной путь, по которому корабли смогли бы приблизиться к Будапешту, минуя удерживаемый врагом Вуковарский укрепленный район. И такой путь с помощью авиации был найден.

Несколько выше Белграда в Дунай впадает река Тисса. Вблизи югославского села Стари Бачей, приютившегося на ее правом, западном, берегу, занятом нашими войсками, начинается старинный, давно неиспользуемый канал. Местное население называет его Великим каналом, идет он с востока на запад к небольшому городку Бездан на Дунае.

Канал уже много лет непроходим даже для самых малых судов — обмелел. Во многих местах перегорожен мостами. Русло заплывало илом. Почти все шлюзы в непригодном состоянии. В канале много затонувших барж, а в Тиссе — немецких мин.

И все же командование приняло решение: попытаться провести корабли этим, единственно возможным путем.

На помощь морякам пришли саперные части фронта, которым предстояло разобрать множество деревянных и остатки трех взорванных противником при отступлении бетонных мостов.

Впереди, очищая фарватер Тиссы от мин, до Стари Бачей прошли катера-тральщики. На одном из них рулевым мой сослуживец по Школе юнг Юра Татарников. Корабли его бригады траления обеспечивали крупные операции советских войск в Румынии, Болгарии, Югославии и теперь вместе с нами шли на освобождение Венгрии, Чехословакии и Австрии. КТЩ-700, на котором служил Юра, как и другие корабли бригады, часто под огнем врага проводил наши бронекатера в район боевых действий. В одной из схваток с врагом юнга взрывной волной был выброшен за борт, но товарищи его спасли, и Татарников вновь продолжал выполнять свои боевые обязанности. За мужество и храбрость заслужил медаль Ушакова.

Вслед за тральщиками в этот беспримерный за годы войны поход вышли бронекатера.

В первый день переход шел сравнительно благополучно. Но уже на вторые сутки под днищами кораблей зашуршал грунт. Катера поползли на брюхе. Их винты взбивали уже не воду, а донный ил. И чем дальше по каналу, тем хуже.

Командир отряда старший лейтенант Бирюк отдал приказ заглушить моторы и тащить бронекатера волоком. От головного корабля на оба берега были заведены

концы, и матросы потащили бронекатер бурлацким способом. То же было сделано и с остальными катерами.

Едва успели преодолеть это мелководье, как на пути бронекатеров оказались бетонные глыбы-обломки железнодорожного моста, обрушившегося вместе с тяжелым немецким танком.

Саперы заложили толовые заряды. Прогремело несколько взрывов, и мы взялись за расчистку русла. Почти целый день с помощью тросов вытаскивали остатки железобетонного моста. Танк, глубоко увязший в илистом грунте, оттащить в сторону удалось лишь с помощью троса.

Много хлопот доставили и часто встречавшиеся мелкие мосты. Некоторые из них проходили, опустив мачты, сняв пулеметные башни. Другие, особенно низкие, приходилось разбирать.

Один из них стоял на множестве забитых в дно канала толстых свай. Забравшись по пояс в воду, мы с Колей Москаленко пытались сваи срубить — не получилось, спилить тоже не смогли. Пришлось раскачивать и выдергивать с помощью тросов.

В один из дней морякам пришлось разобрать пять мостов. Несмотря на помощь югославского населения, за день прошли лишь километров двадцать.

С приближением к Бездану канал стал еще мельче и уже. Катера едва протискивались между его берегов. Песок, ил засоряли помпы и магистрали водяного охлаждения.

Поступил приказ идти с большим креном то на тот, то на другой борт. Создавали крен на левый борт — катер шел на правом моторе, а мотористы тем временем очищали от грязи систему охлаждения левого. И наоборот. Так и шли, переваливаясь с борта на борт.

На шестой день поход был завершен. Бронекатера вышли на простор дунайских вод. Дорога к столице Венгрии — Будапешту — была открыта.

На будапештском направлении

Не прошло и часа после трудного перехода по каналу, как получили приказ — взять десант пехоты и высадить его севернее Баи. Кораблями огневой поддержки с десантом и прикрытием командовал командир Керченской бригады Державин, умный, волевой офицер, еще на Черном море снискавший почет и уважение моряков. Это был первый десант дунайцев на будапештском направлении. Высадку его провели успешно. К сожалению, как все это проходило, я не видел — нес радиовахту. Шли радиограммы от командующего флотилией, командный пункт которого и оперативная группа штаба сначала были развернуты в районе Новисада, потом в ходе боевых действий переместились в район Дунапентеля и Бая, а еще позже в Турну-Северин. Летели сообщения из 1-й и 2-й бригад речных кораблей, с берегового отряда сопровождения, 83-й отдельной бригады морской пехоты. Где-то в районе расположения командного пункта командующего находилась газета флотилии «Дунаец», в редакцию которой приезжавшие корреспонденты передавали сообщения о действиях боевых кораблей.

Отдельные радиограммы, полученные из штаба флотилии, тут же доводились до всего личного состава. В связи с переходом боевых действий на территорию союзников фашистской Германии — Румынии и Болгарии — и освобождением от оккупантов дружественной Югославии все большее значение приобретало интернациональное воспитание моряков в духе боевого содружества с воинами освобожденных от гитлеровцев Балканских стран, глубокого уважения к их трудовому народу, национальным традициям и обычаям.

Немцы западнее Будапешта снова и снова пытались столкнуть войска 3-го Украинского фронта в Дунай. Одновременно шел штурм города. Почти вся левобережная часть его, Пешт, была уже в наших руках. Но в Буда-

правобережной части столицы, где на крутой горе над Дунаем высились дворцы венгерских королей и стояла старинная цитадель, враг продолжал сопротивляться. Одолеть его там было трудно. Гитлеровцы укрылись за массивными крепостными стенами, в подземельях.

В ледовых условиях

В этой обстановке наша задача заключалась в переброске войск, боеприпасов и техники с левого берега Дуная на правый, где наши сухопутные войска вели ожесточенные бои. Противник делал все возможное, чтобы сорвать работу переправ. По несколько раз в сутки над нами появлялись бомбардировщики. Вода возле катеров и паромов от взрывов буквально кипела.

Фашистские самолеты встречались плотным огнем. Трассы армейских зенитных пулеметов смыкались с трассами пулеметов катеров. Чтобы подорвать налаженные саперами понтонные мосты, немцы пускали по течению плавучие мины. Но и эти расчеты гитлеровцев не оправдались: моряки-катерники поставили выше каждого моста плавучие заграждения из бревен — боны. Стоило мине натолкнуться на бон, как мы тут же на шлюпках отправлялись на ее подрыв.

В своем обращении к морякам-дунайцам Военный совет флотилии в одной из листовок в те дни призывал:

«Товарищи катерники! Работой на переправах приумножайте славу Советского Военно-Морского Флота! Выше порядок, организованность и дисциплину, работайте так же самоотверженно, как работает экипаж офицера Меньшикова.

Для моряка-дунайца переправа — это фронт. Мы обеспечиваем русских богатырей-воинов, штурмующих кварталы Будапешта, снарядами, бомбами, орудиями и танками».

О боевых действиях команды бронекатера № 434, возглавляемой коммунистом лейтенантом Меньшиковым, я уже знал. И не только знал, но и, как агитатор, рассказывал матросам. В напряженные дни боев 3-го Украинского фронта с немецко-фашистскими войсками, провалявшимися к правому берегу на участке Дунапентеля и Адони, она за трое суток сделала 85 рейсов. Все это время командир бесценно управлял кораблем. Так же самоотверженно трудились моряки катера Героя Советского Союза старшего лейтенанта Полякова, работавшие на переправе подряд 5 суток. На том и другом катере были мои друзья, юнги. Их теперь на кораблях становилось все больше и больше. К юнгам первого набора прибавились выпускники второго. Работы и места для подвигов хватало всем.

Во время одного из рейсов на катере Полякова льдом срезало руль, и он потерял управление. Тогда главный старшина Кнутарев и его дублер юнга быстро спустились в воду и поставили запасной руль. Паром с боеприпасами к правому берегу был доставлен своевременно. Об этом и других героических подвигах моряков мы, комсомольские активисты, по поручению комсорга дивизиона орденосца матроса Александра Решетова, пришедшего в часть еще в 1943 году на Азовском море, рассказывали морякам своих кораблей в короткие минуты отдыха, иногда выдававшиеся во время погрузок и разгрузок паромов. Но таких свободных минут было немного. Работать приходилось в тяжелых ледовых условиях до 20 часов в сутки. Река уже замерзла. Образовались массивы битого льда толщиной до двадцати и более сантиметров. Штормовые ветры и сильное течение сносили корабли вниз. После о тех нелегких днях мне напоминали оставшиеся в памяти строки из стихотворения «Сквозь льды», напечатанного в «Дунайце»:

...Тяжел твой труд, моряк, на переправе!
Зато и славен, и почетен он,

И Родиной достойно оценен,
Как подвиг ратный, подвиг величавый...

Переброска войск, техники, боеприпасов шла под почти не прекращавшимся огнем противника. Припомнился случай, когда от удара снаряда в радиорубку неожиданно хлынула вода. Оказалось, разошелся шов корпуса. Пробоину зацементировали на ходу.

В другой раз бронекатер с минами и пехотинцами на борту уже подходил к правому берегу.

— Команде разгружать! — приказал командир.

Я, как и другие, бросился к ящикам с минами. Неожиданно яркий белый свет упал на палубу. Ракета! И сразу же корабль сотрясся от удара. Прямое попадание! Несколько человек пало сраженными. По ящикам с минами побежал огонек. Громко, пронзительно зашипело. Через мгновение должен произойти взрыв. К счастью, с кем-то из подбежавших пехотинцев удалось загоревшийся ящик сбросить за борт. Мины взорвались, но уже в воде.

Группкомсорт

В один из дней личному составу нашего катера был предоставлен небольшой отдых — часа на два-три. Матросы занялись кто чем. Сочиняли письма, стирали, приводили в порядок форму. Пришедший в это время на катер комсорт дивизиона предложил провести комсомольское собрание. Вопросов, помнится, было два: первый — о предстоящих боях за Будапешт, второй — выборы группкомсорга.

К моему большому удивлению, комсомольским вожакм катера моряки избрали меня. Такого доверия со стороны много повидавших и испытавших старшин и матросов я не ожидал.

— Что же я должен делать? — поинтересовался у командира.

— А не стыдно спрашивать? Ты же, как свидетельствует характеристика, в Школе юнг был неплохим комсоргом роты. Да вот хотя бы для начала ознакомься с этими документами. — В моих руках оказались листовки политотдела флотилии и свежий номер газеты «Дунаец».

— Первую неплохо прочитать, а во второй есть рассказ о таком же, как ты, юнге. О нем матросам лучше рассказать.

Не теряя времени стал знакомиться с полученными материалами. Военный совет флотилии в своем обращении к морякам, готовящимся к штурму Будапешта, писал: «Вы прошли героический путь — путь боевой славы и доблести от Волги до Дуная, от приволжских и кубанских степей до венгерской равнины. Не раз столица нашей Родины Москва салютовала вам, победителям в боях за освобождение советского Приазовья и Керчи, за форсирование Днестровского лимана, за славные бои на Дунае, за освобождение столицы братской нам Югославии — Белграда. Смелой и дерзкой высадкой десантов во фланги и тыл противника парализуйте его оборону, не давайте врагу ни минуты передышки, бейте фашистского зверя до полного его уничтожения!»

— Есть предложение в ответ на патриотическое обращение Военного совета дать коллективную клятву Родине, — сказал командир. — Я тут набросал ее текст.

Подписаться под таким серьезным документом, да еще первым, мне было доверено впервые. Подписали клятву и остальные моряки корабля.

Смотрел я на них и думал: «Как хорошо, что попал в такой боевой коллектив. С этими ребятами и в разведку не страшно». Все разошлись по кубрикам и стали изучать выпущенные политотделом памятки комендорам, мотористам, рулевым, десантникам, радистам, санитарам. Они были конкретны и убедительны по содержанию, доходчивы по форме.

А я взялся за чтение «Дунайца». На одной из страниц нашел описание боевых дел юнги Игоря Пахомова, о котором тут же поведал своим сослуживцам.

В бою не растерялся

Свой боевой путь Игорь начал на бронекатерах Азовской флотилии. Сражался под Таганрогом и Керчью. На Дунае, вместе с другими моряками, освобождал города Вилково, Измаил, Рени, участвовал в боях по освобождению столицы Югославии Белграда.

Основной обязанностью юнги было приготовление для экипажа пищи. В то же время Игорь старался быть полезным в боевой обстановке. Вскоре стал, как свидетельствовали моряки, мастером на все руки. Разбирался в моторах, умел стрелять из корабельного орудия, овладел пулеметом, отлично изучил винтовку, пулемет, научился пользоваться гранатой, пистолетом. Как и другие, выполнял различные работы по уходу за кораблем, принимал и отдавал швартовы...

Шли жестокие бои на вуковарском направлении, где главные силы 3-го Украинского фронта, чтобы зажать противника в кольцо, стремились обойти Будапешт с юго-запада. Важно было дезорганизовать оборону врага в указанном районе. С этой целью в одну из ночей декабря 1944 года отряд бронекатеров Дунайской флотилии высадил под югославским городом Вуковаром полторатысячный десант, состоявший из наших морских пехотинцев и бойцов Народно-освободительной армии Югославии. Десантникам удалось прочно закрепиться на правом берегу Дуная. Фашисты бросили против них большое количество танков и пехоты. Завязались неравные бои с превосходящими силами противника. Десантники сражались мужественно. На помощь им было послано несколько бронекатеров. Они подходили вплотную к берегу и поддерживали десантников интенсивным артилле-

рийским огнем. В то же время без устали доставляли десанту боеприпасы, продовольствие, эвакуировали раненых.

Несколько рейсов к месту высадки десанта сделал и бронекатер № 321, на котором служил Игорь Пахомов.

— 338-й бронекатер не вернулся на базу, — сообщил командир. — Идем к нему на помощь.

Все заняли свои боевые места: командир, сигнальщик и рулевой — в боевой рубке, радист — в радиорубке, комендор и заряжающий — в орудийной башне, пулеметчик — у крупнокалиберного пулемета, мотористы — в машинном отделении... Юнге хотелось быть вместе со всеми, но приказ о приготовлении пищи не был отменен, и он... экономно, тонкими ленточками чистил картофелины. Сколько прошло времени, Игорь не заметил — часов, как и у большинства других матросов, у него не было. Но вот досада — картошки не хватило! А мешок с ней остался на корме.

Катер шел ровно. Ни взрывов, ни выстрелов снаружи слышно не было. Юнга выбрался на палубу. Было еще светло. Вода в Дунае тускло поблескивала. Лениво моросил дождь. Слева по борту метрах в ста пятидесяти Вуковар — притихший, разбитый артиллерией город. Накануне здесь патрулировали и подавляли вражеские огневые точки бронекатера. Игорь любовался, как корабельные комендоры быстро и точно посылали орудийные снаряды туда, где среди развалин вспыхивали подозрительные огоньки. Выстрел корабельного орудия — и в том месте, где была замечена вспышка, возникал фонтанчик обломков, поднималось грязное облачко — и все замирало... Сейчас город не подавал никаких признаков жизни. Игорь знал, что фашисты хитры и коварны — зарывают свои «тигры» и «фердинанды» в землю, оставляя на поверхности только одну башню, маскируют их в стогах сена, соломы и караулят наши бронекатера. Или даже по самую башню заползают в воду, чтобы вести огонь по

нашим кораблям прямой наводкой с самого близкого расстояния.

По правому борту тянулся заросший лесом и кустарником большой остров, разделявший реку на два нешироких протока. Осенний паводок затопил его: деревья наполовину стояли в воде, и остров казался холодным и неприветливым. Но, несмотря на это, бронекатер все-таки держался поближе к нему, орудия и пулеметы были направлены на город.

Обходя небольшую отмель, корабль приблизился к острову почти вплотную, и тут Игорь в зарослях ивняка заметил подбитый бронекатер, прижавшийся бортом к затопленным деревьям. Сомнений быть не могло: это тот самый катер, что не вернулся на базу. Боевая рубка его пробита снарядом. Еще два отверстия виднелись в борту. На палубе лежали несколько убитых.

Юнга метнулся к рубке, чтобы сообщить об увиденном командиру. Но тут все вздрогнуло. Катер потерял управление. В один момент Игорь очутился у боевой рубки. На ней зловеще зияла и еще дымилась рваная пробоина. Юнга потянул на себя бронированную дверь. Сигнальщика вражеский снаряд прямым попаданием в грудь сразил наповал. Командир, рулевой и пулеметчик были ранены. Катер несло в сторону острова. Через минуту он оказался между стволами, под густой кроной затопленных деревьев. Мотор заглох. Игорь бросился за бинтами, стал оказывать раненым первую помощь. В это время бронекатер потрясает новый взрыв. Фашистский снаряд угодил в кормовой пулемет. Башню вместе с пулеметчиком разнесло вдребезги. Игоря полоснуло осколком по рукаву бушлата и взрывной волной отбросило на палубу.

«Катер подбит. Фашисты непременно постараются его доконать, — подумал Игорь. — С берега нас видно. Пока светло, пристреляются...»

Юнга прижался щекой к холодной, шершавой броне родного корабля...

Как дорог он ему был! Почти полторы тысячи километров прошел юнга Пахомов на этом бронекатере по Дунаю. Вместе с командой корабля высаживал в глубоких тылах врага десанты, проходил опаснейшими участками — под разрушенными мостами, по минным полям, сквозь кинжальный огонь противника, когда стреляют с обоих берегов...

Неожиданно Игорю показалось, что совсем рядом кто-то стонет. «Это в рубке», — догадался юнга и, пригнувшись, скользнул к приоткрытой двери. Заметив на катере движение, немцы усилили огонь. Пули стучали по палубе, хлестали по воде. А Игорь уже тащил раненого пулеметчика в более безопасное место. Оказав ему помощь, проверил другие отсеки. И там были раненые.

Между тем мины и пулеметные очереди заставили юнга укрыться за боевой рубкой. Вскоре фашисты рассредоточили огонь по всему острову, видимо, думали, что моряки с подбитого катера могли сойти в заросли кустарника.

Надо принести раненым воду, но с вражеского берега, не переставая, били пулеметы. Нельзя было даже головы поднять. От мин катер спасали лишь ветви деревьев. Мины при падении задевали за крупные сучья и взрывались над кораблем.

— П-и-и-ить, — донеслось из кубрика.

— Сейчас, сейчас, — отозвался юнга.

Не обращая внимания на огонь противника, Игорь кинулся к борту, быстро наклонился и зачерпнул кружкой воду. Прошло лишь несколько мгновений, но он успел заметить, как бледный пунктирный пояс трассирующих пуль устремился в его сторону и хлестнул по палубе корабля.

Но Игорь уже нырнул в люк кормового отсека. Пули тут же стали стучать сначала по орудийной башне, а потом и по крышке люка.

Кончились бинты. Пришлось сбегать в носовой куб-

рик. Несколько раз Игорь выглядывал из люка, прислушивался: «Не идут ли свои?»

С наступлением сумерек артиллерийская стрельба по берегу усилилась. Похоже, мощью танков и самоходных орудий фашисты прижали десант к берегу Дуная. «Теперь нашим не до нас», — подумал юнга. Встал, решительно надвинул на самые брови бескозырку, отыскал в полутьме два автомата, пробрался в артпогреб, вытащил ящик ручных гранат, положил их на палубу за орудием возле себя. «Теперь только суньтесь. Дешево я себя вам не отдам». И вдруг шум боя стал стихать. Вместо него донесся рокот мотора. Бронекатер! Свой...

Находящийся в кустах катер в темноте заметить трудно. Игорь стал зажигать спички, подавать сигналы. На счастье, на проходившем катере кто-то выскочил из рубки и побежал на корму.

— Эй, на катере! — закричал юнга.

Человек остановился.

— На помощь! Здесь раненые! — кричал что было сил Игорь.

— Кто такие? — строго спросили с катера.

— Триста двадцать первый и триста тридцать восьмой!

Эвакуация раненых длилась считанные минуты...

Бой морских пехотинцев и бойцов Народно-освободительной армии Югославии, высаженных в районе Вуковара, длился более трех суток. В этой операции бронекатера Дунайской флотилии свою задачу выполнили до конца. Огнем десантников и бронекатеров было, как я узнал позже, уничтожено более 20 вражеских танков и самоходных орудий, около 500 солдат и офицеров. Внес свой вклад в дело победы и юнга Игорь Пахомов. К раннее заслуженному ордену Боевого Красного Знамени у юного моряка прибавилась еще одна такая же награда.

На корректировке огня

Едва я закончил беседу, как услышал команду:

— Леонтьев! К командиру!

— Какую радиоаппаратуру в школе изучал? — не дав доложить о прибытии, спросил он меня.

— РСБ, «Щуку», сорок пять-ПК-один...

— Достаточно. Микрофоном пользоваться умеешь?

— Конечно.

— Не конечно, а так точно. Будешь корректировать огонь корабельной артиллерии.

Не прошло и часа, как я в составе небольшой разведгруппы очутился на берегу.

Проинструктировать разведчиков пришел недавно приступивший к исполнению своих обязанностей новый командующий флотилией контр-адмирал Холостяков.

— Наша армия, — сказал Георгий Никитич, — стремительно наступая, окружила будапештскую группировку войск. Бои идут уже в городе. В огромном кольце, включающем Будапешт и его пригороды, оказалось более 150 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Враг ожесточенно сопротивляется. Все предложения о капитуляции отверг. Необходимо нанести по скоплениям немецких войск мощные артиллерийские удары, а для этого нужны данные о их нахождении.

Переодевшись в гражданскую одежду, ночью подземными лабиринтами мы вышли во вражеский тыл — на одну из улиц Буда.

Остановились во дворе многоэтажного дома. Прислушались. Из подвала доносились голоса. На верхних этажах царила полная тишина. Соблюдая осторожность, поднялись на чердак. С наступлением рассвета через отверстие в крыше, пробитые осколками, установили наблюдение за мостами Дуная и набережными улицами. Движение в городе нарастало. Вражеские машины двигались колоннами из Пешта в Буду. Миновав мосты, тут

же поворачивали на улицы, ведущие на северо-запад. Напрашивался вывод, что гитлеровцы для выхода из окружения сосредоточиваются северо-западнее Будапешта.

— Развернуть рацию! — приказал мне старший корректировочного поста.

Через несколько минут в штаб было передано первое сообщение. Чуть спустя на колонны обнаруженных нами автомашин с кораблей флотилии полетели первые снаряды.

— Перелет! Перелет! — кричал я в микрофон.

Снаряды стали рваться ближе к нам, как раз на трассе движения немецкой техники. От сильных взрывов земля заходила ходуном.

«Молодцы, аксиментьевцы!» — подумал я. Так мы звали комендоров 1-й бригады, возглавляемых флагманским артиллеристом капитан-лейтенантом Степаном Михайловичем Аксиментьевым.

Малейшее отклонение взрывов от цели — и командир давал новые координаты. Кое-кто из фрицев прячется под мостом. Старший в досаде: по мосту стрелять нельзя. Старались сохранить не только мосты, но и жилые кварталы, памятники архитектуры. Это было непросто, но таков приказ, полученный от командующего на инструктаже.

За двое суток пребывания на чердаке мы передали десятки сообщений. В ночь на третьи сутки, чтобы немцы не запеленговали, место наблюдения сменили.

Фашисты нас не беспокоили. Видно, не до того было. Зато донимал мороз. Студеный ветер пробирал до костей. Черепичная крыша, под которой мы расположились, от холода почти не защищала. Искать теплое помещение не приходилось — можно было нарваться на немцев. Да и наблюдать за передвижением фашистских частей можно только с большой высоты.

Утром третьего дня, глядя на Буду, были немало

удивлены. На уцелевших домах, развалинах виднелись огромные красные полотнища. Их было, наверное, несколько сотен.

«Что это? — пожимали мы плечами. — Сдаются?»

— А вы посмотрите получше. Вон на мосту тоже красный флаг, а под ним корзина, — сказал командир.

— Похоже, это парашюты, — высказал я предположение.

— Вот именно! Парашюты из красного шелка для того, чтобы в темноте их не было видно. Ночью летали самолеты немецкие, слышали? Так вот это они грузы сбрасывали.

Так была разгадана тайна снабжения окруженного фашистского гарнизона, о чем я по приказу командира тут же сообщил по радию в штаб.

Натиск наших войск нарастал. Фашисты вынуждены были покинуть Пешт окончательно. Едва их изрядно потрепанные части прошли мосты, через воздушную блокаду, неся большие потери, прорвались немецкие самолеты и разбомбили их.

— Варвары! — негодовали мы. — Наша артиллерия их не трогала, а они...

Гитлеровцы рассчитывали, уничтожив мосты через Дунай, надежно укрыться в Буде и отсидеться до подхода помощи. Но советские воины своим мужеством и отвагой попытки врага вызволить попавших в котел сорвали.

13 февраля Будапешт был освобожден. Указом Президиума Верховного Совета СССР Дунайская флотилия за героические подвиги ее моряков в Будапештской операции была награждена орденом Нахимова I степени.

В первые послевоенные годы неподалеку от того места, откуда мы корректировали огонь корабельной артиллерии, благодарный венгерский народ на вершине горы Геллерт, возвышающейся над Будой, воздвиг величественный монумент.

мент «Освобождение». Женица высоко держит в поднятых над головой руках пальмовую ветвь мира и готовится увенчать его советского воина-освободителя. Скульптура символизирует одну из незабываемых страниц истории двух стран, двух народов, навеки скрепленных узами братства.

...Вечереет. Катера один за другим сосредоточиваются в Вышеграде, где находятся командование и оперативная группа штаба флотилии, командование и штаб 1-й бригады речных кораблей. Примерно через час раздается команда:

— Начать посадку десанта!

Вместе с другими матросами и старшинами устанавливаю трапы, помогаю в размещении десантников. А со стороны городов Эстергом и Тата доносятся приглушенные расстоянием разрывы. Это ночные бомбардировщики наносят по месту высадки десанта бомбовые удары.

Минут через сорок бронекатера № 5, 7, 111, 115, 131, 134, наш 161-й и другие, номера которых в памяти не сохранились, поотрядно, строем кильватера выходят в район высадки. За нами идут корабли отряда прикрытия и отряда обеспечения. В целях маскировки радиосвязью не пользуемся.

К полуночи подходим к эстергомскому мосту. Ориентируясь по световым сигналам разведчиков, проходим под разрушенным мостом и идем дальше вверх по Дунаю. Обнаружив нас, противник начинает обстрел катеров из орудий и минометов. Корабли отрядов прикрытия и артподдержки отвечают им артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Корабли десантного отряда, чтобы не демаскировать себя, молчат. Несмотря на ожесточенное противодействие врага, опасный район эстергомского моста в течение получаса был пройден. Лишь один бронекатер, кажется, № 7, наскочив на опору моста, получил повреждения.

Во втором часу ночи началась высадка десанта, длив-

шаяся 30—40 минут. Все это время корабли отрядов поддержки и прикрытия поддерживали его своим огнем. Батальон десантников перехватил шоссе на дорогу северо-западнее города Тата. Цель операции была достигнута — отход эстергомской группировки противника вдоль правого берега Дуная был перекрыт. К утру десантники в этом районе завладели еще и участком железной дороги, который, как и шоссе, удерживали до подхода гвардейских сухопутных частей, наносивших удар по городу Тата с юга.

Через день наши войска овладели важным узлом сопротивления противника — городом Эстергом, откуда корабли бригады в последующие дни вели артиллерийский огонь, помогая армейским частям наступать вдоль правого берега Дуная, и по переправам противника в районе Шютте. В той и последующих операциях вместе с другими моряками приняли активное участие и юнги.

В боях за Братиславу

Теперь наш путь лежал на чехословацкий город Братиславу, расположенный близ стыка трех государственных границ — Венгрии, Чехословакии и Австрии. Это крупный индустриальный центр, большой речной порт и узел нескольких важных дорог. Противник, укрепив рубежи вокруг Братиславы, рассчитывал задержать наши войска возле нее надолго. Путь кораблей к ней оказался действительно нелегким. Почти семьсот километров до главного города Словакии пришлось идти по непроходимому фарватеру. Зоркость сигнальщиков, впередсмотрящих и штурманов рулевых выручили и на этот раз. Подорвался на mine, помнится, лишь один катер.

На подходе к Братиславе приготовились к бою. Из данных разведки стало известно, что на Дунае возле этого города гитлеровцы сосредоточили много вооруженных катеров и самоходных барж с орудиями крупного калиб-

ра. Но противник боя не принял. Как только бронекатера появились вблизи словацкой столицы, немцы свои военные корабли поспешно увели в воды Австрии.

На долю нашего отряда бронекатеров под командованием старшего лейтенанта Клоповского выпала переброска сухопутных войск с правого берега на левый, в помощь войскам, штурмовавшим Братиславу.

После высадки на берег очередного отряда одной из стрелковых частей Семен Иосифович позвал меня к себе и сказал:

— А теперь марш на свой боевой пост! Будем помогать пехоте артиллерийским огнем. На твоей совести корректировка.

Я тут же нырнул в люк своей радиорубки и включил аппаратуру.

Штурм Братиславы длился уже двое суток. С господствовавшего над городом холма, со стен старой крепости почти непрерывно летели в нашу сторону снаряды. Враг продолжал драться, хотя его положение было явно безнадежным: с трех сторон его атаковали наши войска, с воздуха бомбила авиация, с Дуная обстреливала артиллерия кораблей. Наш бронекатер совместно со 115, 162, 164 и 222-м поддерживал наступление 10-го гвардейского стрелкового корпуса. Я был занят обеспечением командования связью. О ходе боя знал лишь по радио-сообщениям. Вдруг удар страшной силы потряс корабль. Пришел в сознание уже в полузатонувшем катере. К счастью, место окола моста, где произошла трагедия, было неглубоким, и мне, как и некоторым другим матросам, через несколько часов пребывания в холодной воде удалось выбраться из катера. В этой операции мы потеряли нашего командира лейтенанта Крючкова и несколько членов экипажа.

4 апреля Братислава была взята. Город расцвел алыми и сине-бело-красными национальными чехословацкими флагами. И снова Верховный Главнокомандующий в

своем приказе благодарил войска 2-го Украинского фронта, отличившиеся в боях за овладение Братиславой. Упомянул он в нем и моряков Краснознаменной Дунайской флотилии.

В распоряжении командующего флотилией

К сожалению, свой бронекатер «Речник Кубани» № 161 мне пришлось покинуть, хотя уцелевшие члены команды его подняли. Не удалось разыскать только пулеметную башню. Я же через пару дней был в качестве запасного радиста направлен в распоряжение командующего флотилией Холостякова, который за короткое время службы на Дунае прослыл среди моряков как человек исключительной храбрости и находчивости. В этом я убедился во время одной из поездок с ним по местам дислокации кораблей флотилии.

Было это на территории Венгрии. Наши войска уже вступили на территории Чехословакии и Австрии. Фронт двигался настолько быстро, что кое-где в тылу оставались недобитые гитлеровские части. Командующего в поездке сопровождали начальник политотдела капитан 1-го ранга Панченко, адъютант адмирала, водитель машины и я, поддерживавший связь со штабом и частями. Все, кроме шофера и меня, одетых в бушлаты, были в черных кожаных регланах. Это незначительное, казалось бы, обстоятельство имело для последующих событий немало важное значение.

Машина выскочила на пригорок — и вдруг шофер резко сбавил ход. По шоссе шла колонна немецкой пехоты — видимо, остатки какой-то части, пробиравшейся на запад. Что делать?

Развернуться, повернуть обратно на узкой дороге невозможно. Дать задний ход, въехать снова на пригорок

и попытаться скрыться? Гитлеровцы сразу же обратят внимание на машину, да и от пули на открытой местности не уйти. Врезаться в колонну, открыть огонь из пистолетов? А много ли уничтожишь?

Георгий Никитич решается на рискованный шаг.

— Прямо! — спокойно приказывает он.

Машина медленно подкатила к вражеской колонне. Немцы ничего не заметили. Колонна устало шагала по шоссе. Лица солдат безразличны.

— И не спеши! — обронил адмирал шоферу.

Машина катилась вдоль колонны. Солдаты и офицеры равнодушно косились на нее. Мало ли куда и зачем едут эти офицеры! О том, что в ней русские, фашисты и подумать не могли. Разве неприятельская машина будет вот так медленно катить рядом с целой колонной солдат, а старший еще чему-то улыбаться? Для этого надо быть просто сумасшедшим. А форма... Черные регланы — чем не плащи эсэсовцев? Наши бушлаты за солидными фигурами офицеров почти не видать.

Вот и голова колонны. Ведущий ее гитлеровец почтиительно отковырял едущему в машине «начальству». Благодарно улыбнувшись, небрежно приложил к золоченому козырьку фуражки два пальца и адмирал.

А вот и поворот дороги.

— Туда! И полный газ! — приказал адмирал. — А ты, — он обернулся в мою сторону, — передай о нахождении вражеской колонны.

Что подумали гитлеровцы о внезапном исчезновении машины, мы так и не узнали. Мало ли что бывает на войне!

Этот случай заставил меня серьезно задуматься о том, как велико в боевой обстановке значение выдержки, убедиться, под начало какого замечательного командира я попал. Уже в те годы грудь адмирала украшало около двадцати правительственных наград. Жаль, побыть возле него долго не пришлось.

На подступах к столице Австрии

Корабли флотилии с каждым пройденным в наступлении километром приближались к Вене. Теперь до нее оставалось лишь несколько переходов. Фронт подступал к таким местам, которые еще недавно гитлеровцы считали своим глубочайшим тылом. Браг старался зацепиться за каждый рубеж, всеми силами стремился хоть на несколько дней замедлить темп нашего наступления. Так, например, он сильно укрепил чехословацкий город Комарно, лежащий на левом берегу Дуная. И не случайно: в Комарно было несколько военных заводов. В последних числах марта корабли Дунайской флотилии среди бела дня под артиллерийским огнем противника высадили в Комарно десант. Морские пехотинцы и стрелковые части овладели городом.

Наступила пора подготовки к операции по взятию столицы Австрии Вены. Я, как запасной радист, был направлен в распоряжение командира Краснознаменной Керченской бригады речных кораблей капитана 3-го ранга Державина.

...Уже давно остался за кормой невидимый пограничный рубеж, пересекающий фарватер. Шесть государственных границ миновали на своем боевом пути корабли бригады, с моряками которой я познакомился еще до Сталинградской битвы на Волге: советско-румынскую, румыно-болгарскую, болгаро-югославскую, югославо-венгерскую, венгеро-чехословацкую и чехословацко-австрийскую.

Справа и слева от катера берега Австрии — высокие, с круто сбегаящими к реке склонами. Холмы, покрытые лесом, пока еще обнажены, но уже подернуты легкой дымчатой зеленью. На склонах, освещенных ярким полуденным солнцем, видны фигуры людей, копошащихся между рядами еще сухих виноградных лоз. Идет война, а жизнь продолжается. Проплывают мимо чистенькие,

аккуратные австрийские деревеньки с высокими шпильными крестами, светлыми домиками под красными черепичными крышами, сады с побеленными до половины стволами деревьев. Нежно зеленеют первой травой луга. Еще вчера здесь был фронт, а сегодня тишина, покой. Их принесли сюда советские воины.

Два дня назад моряки открыли счет своим боям на территории Австрии. Высадили десант возле селения Мансдорф, в нескольких километрах от Вены. Принял в этой операции участие и я. Атакуемый сухопутными войсками с востока и моряками с запада, пал венский пригород Орт. Путь к столице Австрии был открыт.

Желая сохранить Вену, ее исторические памятники культуры и искусства, Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин 5 апреля через нас, радистов, обратился к жителям Вены с призывом всем оставаться на местах, не уходить с фашистскими войсками, всячески препятствовать им в разрушении города, помогать воинам Советской Армии в освобождении Вены. Мы, комсомольские активисты, разъясняли матросам и подходившим к нам для очередной совместной операции автоматчикам из 80-й гвардейской стрелковой дивизии, как важно сохранить имеющиеся в городе культурные ценности, не допускать грубостей и нетактичного поведения по отношению к местному населению.

— Мы не фашисты, как себя вести на чужой земле знаем, — отвечали воины. — Не опозоримся.

Спасение Венского моста

Советские войска на Вену наступали с двух сторон: 2-й Украинский фронт — с юго-востока, 3-й Украинский — с юга. Часть города уже в наших руках. Схватки идут вблизи от центра. Но немцы еще держатся в кварталах, прилегающих к Дунаю. За их спиной мосты, связывающие столицу с ее левобережными пригородами. В одну

из ночей принимаю приказ: прорваться в Вену, к знаменитому и самому большому в Австрии Рейхсбрюкке — Имперскому мосту, взять его и удерживать до подхода наших частей, ведущих уличные бои в городе.

Полученную радиограмму немедленно передаю командиру.

В истории флота были случаи, когда на мост, находившийся во вражеских руках, высаживались десантники, уничтожали его и тотчас же уходили обратно. Делалось это обычно ночью. Нам же надо было на нескольких кораблях, с довольно большим десантом, вооруженным противотанковыми пушками, пройти среди белого дня сквозь сильный огонь к мосту, отбить его у противника, причем так, чтобы он остался цел, удержать и сберечь до прихода мотострелковых частей.

Ждать ночи нельзя, потому что противник при отступлении мог его взорвать, как уже поступил с четырьмя другими мостами. Да и идти в темное время суток по реке с затопленными судами не менее опасно, чем днем.

Всего в операции участвовало пять бронекатеров под командованием Героя Советского Союза Виктора Ивановича Великого. Командиром высадки был назначен старший лейтенант Семен Иосифович Клоповский.

Утром корабли, приняв на борт стрелков гвардейской части, подошедшей накануне, вырвались на простор Дуная и взяли курс на Вену.

На подходе к черте города немцы встретили нас огнем из пушек и минометов. Но корабли шли форсированным ходом, и враг пристреляться не успевал, потому повреждений и потерь пока удавалось избежать. На огонь противника корабли отвечали своим огнем. Прикрывая друг друга корпусами, бронекатера на полном ходу шли к центру города, к Имперскому мосту. Огонь врага по катерам все усиливался. С набережной правого берега, из окон многих жилых домов стреляли из пулеметов, с реч-

ных барж — из пушек. Из укрытий вели огонь танки и самоходные орудия. Но, несмотря ни на что, корабли почти без повреждений прошли три или четыре полосы заградительного огня.

Темно-серая громада Имперского моста выросла перед нами неожиданно. По нему шли немецкие военные грузовики. С моста очередями била по катерам автоматическая пушка бронированного автомобиля. Вел огонь и стоявший у въезда на мост тяжелый танк.

— По мосту из орудий не стрелять! — еще раз предупреждает Клоповский, дублируя только что полученный мною по радио приказ командующего флотилией Г. Н. Холостякова, на период Венской операции перенесшего свой командный пункт в Братиславу.

— По мосту из орудий не стрелять! — напоминаю по рации катерам, участвующим в операции.

— 234-й понял! 233-й понял! 3-й понял! 232-й понял! — подтверждают, что приказ приняли, радисты бронекатеров. Пятый катер — наш. Значит, приняли все.

Помимо нас в операции участвуют восемь минометных катеров и прибывшие накануне автоматчики. Все мы работаем на одной волне.

В плане операции, как я узнал позже, была предусмотрена небольшая хитрость. Три бронекатера должны были создать видимость, что цель кораблей — не мост, то есть прорваться под него и идти дальше. Мы же, совместно с еще одним катером, должны были выброситься на берег возле моста и захватить его.

Как только впереди идущие три катера прорвались под мост, противник тут же перенес огонь на них. Используя это, мы стали высаживаться на берег. К тому времени пулеметчикам удалось заставить замолчать пушку врага. Это дало нам возможность сравнительно легко не только высадиться самим, но и сгрузить пушки и ящики со снарядами. Мы тут же развернулись к бою: один катер на одном берегу, другой — на другом. Завязалась

ожесточенная схватка. Охрана моста защищала свой объект до конца. Но десантники теснили ее с обоих берегов все больше и больше.

Много неприятностей доставил фашистский пулемет на середине моста. Его удалось подорвать с помощью гранат.

Обнаруженные цветные жилы проводов быстро привели саперов к взрывчатке.

К тому времени сопротивление врага стало несколько ослабевать. Вскоре гордость австрийцев красавец мост был в наших руках.

Но победа не далась морякам даром. Два катера получили повреждения. Привели их на место стоянки другие бронекатера. Были и убитые, в их числе командир катера Глазунов.

После захвата моста автоматчики обороняли его еще более двух суток, пока наши части не овладели всей Венской. А утром 13 апреля 1945 года по Имперскому мосту, преследуя отступающего врага, помчались советские танки, самоходные орудия и бронетранспортеры.

Последний десант

В этой операции отличился юнга бронекатера № 234 Коля Москаленко. В ходе боя Коля вместе со старшиной группы мотористов Васильевым стоял на вахте в машинном отделении. Сильные моторы катера работали ровно. Васильев и Коля внимательно следили за всеми механизмами. Ни в коем случае нельзя было допустить никаких срывов. Если моторы выйдут из строя, катер станет для вражеских орудий легкой добычей.

Командир и рулевой зорко следили за общим строем кораблей на реке и всплесками от рвавшихся снарядов. В машинное отделение одна за другой поступали команды: «Полный вперед!.. Самый полный!.. Малый!.. Самый

малый!..» Катер то набирал ход, то сбавлял, сворачивал то вправо, то влево.

Старшина ободряюще подмигивал юнге.

— Чуешь? Маневрируем! Не даем фрицам пристреляться.

В открытые люки была видна панорама боя. Огонь усилился. Коля видел, как Дунай буквально закипал на глазах.

Прямо по курсу приближался венский мост.

— Рейхсбрюкке, — сказал старшина. — Красивые навесные арки очень напоминают наш московский Крымский мост.

Васильев сжал Колино плечо.

— Я на высадку, помогу ребятам. А ты стой у моторов. Если что, действуй самостоятельно! Понял?

— Есть!

В жарком машинном отделении, насыщенном бензиновыми парами и отработанными газами, юнга остался один.

Высадка заняла немного времени. Затем катер, прикрывая десантников срудийным и пулеметным огнем, начал отходить. Васильев, перевязывая раненых, задержался, и Коля весь маневр по отходу от берега провел самостоятельно. Команды, поступающие из боевой рубки, выполнял спокойно и четко. Когда старшина вернулся, катер уже шел обратным курсом.

— Молодец, Николай! Хорошо тебя слушается «конь». Теперь ступай глотни свежего воздуха. Возьми автомат, пригодится. На берегу фрицев полно.

При отходе бронекатеров огонь противника усилился. Фашисты успели стянуть к реке танки, самоходки и минометы. В воздухе появились «мессершмитты».

234-му удалось выйти из боя без повреждений. Но их товарищ по бою, бронекатер № 3 попал в беду. В его корпус и механизмы угодило четыре вражеских снаряда.

Корабль потерял управление. Однако мужественный экипаж не прекращал огня по врагу.

234-й развернулся и пошел на выручку «тройке». По корпусу снова забарабанили снаряды и осколки.

Как только 234-й подошел к «тройке», уткнувшейся в берег, несколько матросов, среди которых был и Москаленко, перескочили на поврежденный катер.

Первым делом Коля заглянул к своим коллегам по специальности — в машинное отделение. И не напрасно. Там в угарном дыму он увидел моториста, теряющего сознание. Юнга мигом подскочил к нему и не дал опрокинуться навзничь.

— Скорее наверх! Мы же здесь задохнемся...

Коля с большим трудом помог мотористу выкарабкаться на палубу. Глотнув свежего воздуха, тот пришел в себя.

— Юнга? Что со мной? Шлепнуло, да?

— Нет, просто угорел... Теперь все в порядке...

— Спасибо, братишка...

Через несколько дней командующий флотилией Холостяков пришел на катер и поинтересовался боевыми делами моряков. Коля боялся, как бы командир не отождествился о нем как о салаге.

— Ну, а как юнга воевал? — спросил контр-адмирал.

— Показал себя настоящим моряком, товарищ командующий, — ответил командир.

— Отмечен?

— Представлен к награде.

— Правильно. И дайте ему такую, чтобы на всю жизнь осталась память о флотской службе.

За участие в Венской операции Колю наградили медалью Ушакова.

Помогая гвардейскому десанту в овладении Имперским мостом, комендоры и пулеметчики катеров разбили 9 пушек и заставили замолчать около 40 огневых точек противника. А всего за время боев за Вену кораблями

флотилии было захвачено у врага 8 катеров, 10 буксиров, 4 самоходные баржи, 6 танкеров, 51 баржа и около 100 мелких судов. Таковы итоги последней крупной операции моряков на Дунае. С августа 1944-го по апрель 1945 года корабли Дунайской военной флотилии проделали боевой путь протяженностью более двух тысяч километров, прошли от Днестровского лимана до Вены. За девять месяцев непрерывных боев моряки-дунайцы высадили 18 десантов, оказывали артиллерийскую поддержку сухопутным войскам, обеспечивали армейские и фронтовые переправы в 23 пунктах, через которые перебросили более 870 тысяч бойцов, тысячи танков и самоходных орудий, десятки тысяч пушек и минометов, сотни тысяч автомашин, огромное количество боеприпасов, других грузов...

Вечером 13 апреля, когда Москва салютовала взявшим Вену войскам 24 залпами из 324 орудий, еще не остывшие от пережитого во время спасения Венского моста, мы раздавали австрийцам продукты питания из запасов воинских частей. Прямо на улицах города армейские повара и флотские коки готовили для них пищу. Это помогло с первых дней установить с местным населением дружественные отношения, которые я ощущал все годы службы в Австрии в мирное время, до самой демобилизации. Во всяком случае, помню, как австрийцы не раз в разговорах с моряками восхищались нашим великодушием по отношению к своему бывшему противнику, самыми последними словами клеймили бесноватого фюрера и его преступную шайку, принесших столько бед народам Европы.

После взятия столицы Австрии — Вены наша Краснознаменная Керченская бригада речных кораблей, в которую входил 1-й отдельный гвардейский Белградский дивизион бронекатеров, по приказу народного комиссара обороны СССР от 17 мая 1945 года стала называться еще и «Венской».

Благодарные австрийцы шагах в двухстах от спасенного нами Имперского моста, который в честь воинов-освободителей стал называться мостом Красной Армии, соорудили обелиск, а на одной из центральных площадей установили первый ворвавшийся в Вену танк и похоронили павших в боях за австрийскую столицу. Каждый год 13 апреля, в день освобождения Вены от гитлеровских захватчиков, приходят сюда жители города и возлагают к подножию обелиска живые цветы и венки, на лентах которых написаны слова благодарности советским воинам.

Венская операция явилась значительным вкладом в окончательный разгром немецко-фашистских войск. В результате ее было нанесено сокрушительное поражение группе армий «Юг». Только пленными противник потерял более 130 тысяч солдат и офицеров. Советские войска захватили и уничтожили 13-15 танков и штурмовых орудий, 2250 полных орудий и минометов, много другой военной техники.

Обо всем этом я узнал позже. Помню, в душе очень гордился тем, что и мы, юнги, приняли в этой операции активное участие. Многие из посланцев комсомола Прикамья получили медаль «За взятие Вены».

Хорошее настроение этих дней было омрачено письмом от Сereжи Филина, продолжавшего служить на Северном флоте. В конверт была вложена листовка политотдела Северного флота, рассказывавшая о боевом подвиге юнги — моториста Саши Ковалева.

Подвиг Саши Ковалева

«Первым боевым кораблем Саши, — говорилось в листовке, — был эскадренный миноносец «Громкий». Правда, служить на нем Ковалеву пришлось недолго. Командование Северного флота в те дни приступило к формированию бригады торпедных катеров. Требовались мотористы. Одним из первых на ТКА-209, которым командо-

вал старший лейтенант Кисов, попросился недавно пришедший после учебы в Школе юнг Саша Ковалев. В обыденной обстановке он был скромн и застенчив, а в бою, как показало первое морское сражение в одну из апрельских ночей 1944 года, — храбр и решителен.

В ту ночь на базу торпедных катеров поступило сообщение о передвижении транспортов противника. Моряки получили приказ найти, атаковать и уничтожить врага.

Четыре немецких транспорта шли под охраной боевых кораблей. Караван противника скрывался за дымовой завесой.

— Полный вперед! — скомандовал командир катера, выбрав для атаки наиболее подходящую цель.

Моторист Ковалев был начеку. Поступающие команды выполнял точно и быстро. Несмотря на плотный огонь вражеской артиллерии, катерники смело шли в атаку. Скоро транспорт и сторожевой корабль пошли ко дну. Во время боя был тяжело ранен сигнальщик.

— Разрешите заменить! — вызвался юнга.

— Добро, — дал согласие командир.

Корабль продолжал идти вперед. Рвались снаряды, свистели трассирующие пули, но моряки не свернули с боевого курса. Саша стоял рядом с командиром и зорко наблюдал за тем, где ложатся снаряды противника. Командир слушал его доклады и, моментально оценивая обстановку, принимал решения об изменении курса и скорости корабля.

Схватка закончилась победой моряков. После боя командир сказал:

— Молодец, Ковалев! Хороший из тебя моряк получится!

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Саша был награжден орденом Красной Звезды.

Вторую награду — медаль Ушакова — юнге вручили за активное участие в дерзких разведывательных операциях в тыл врага.

Но свой главный подвиг Саша совершил ровно за год до Победы.

В одну из светлых майских ночей торпедные катера № 209 и 217 под командованием старших лейтенантов Кисова и Желвакова вышли в море на поиск кораблей противника. В Варангер-фиорде, южнее мыса Кибергнес, катерники обнаружили два немецких сторожевика и несколько катеров. Советские катера полным ходом пошли в атаку. Противник открыл заградительный огонь. Но раз атака начата, ее надо доводить до конца — таков закон катерников.

Один сторожевик 209-й пустил на дно. Но еще до попадания торпеды вражеский сторожевой корабль сделал несколько выстрелов. Выпущенные им снаряды угодили в катер № 217, где вспыхнул пожар. Все попытки экипажа потушить огонь, исправить повреждения, заделать пробоины закончились неудачей. Катер стал погружаться в воду. В этот критический момент на помощь гибнущим пошел катер Кисова и под артиллерийским огнем снял команду с терпящего бедствие катера. Прикрываясь дымовой завесой, на большой скорости 209-й оторвался от врага и вышел из зоны обстрела. Но на подходе к базе снова пришлось вступить в бой. На этот раз с фашистскими самолетами. Вокруг катера рвались бомбы. Воду вихрили пушечно-пулеметные очереди. Умело маневрируя, Кисов уклонялся от прямых попаданий. Однако от осколков в корпусе появились пробоины.

Один из взрывов оглушил Ковалева. Упав, на несколько мгновений паренек потерял сознание. Придя в себя, Саша увидел, что поврежден коллектор мотора. Сильные струи горячей воды, перемешанной с маслом и отработанным паром, били фонтаном в отсек. Катер потерял скорость. С минуты на минуту мог произойти взрыв.

Что делать? Остановить мотор — значит, лишить катер хода. А это в бою равносильно гибели. Понимая, что

нужно немедленно закрыть пробойну, иначе уйдет вода, необходимая для охлаждения мотора, Саша бросается к мотору. Он закрывает пробойну своей грудью.

Кипящая вода и горячее масло быстро проникли через одежду, растекаясь нестерпимым жаром по всему телу. Юный герой испытывал острую боль. Но еще крепче прижимался к коллектору. «Только бы не упасть, выдержать во что бы то ни стало», — думает юнга, теряя сознание. На помощь пришли боевые друзья, заделавшие пробойну. Мотор продолжал работать.

Когда катер подходил к родным берегам, обожженного, потерявшего сознание Санчу моряки бережно вынесли на палубу. Придя на некоторое время в сознание, он спросил: «Корабль жив?» Ему ответили: «Жив! Жив! Уже до базы недалеко...»

На другой день во время перехода кораблей на главную базу катерников — губу Долгая (ныне Гранитная) — Саша умер.

Командование Северным флотом наградило юного героя посмертно орденом Отечественной войны I степени.

...Весна постепенно вступала в свои права. Пригревало солнце, голубело небо, с каждым днем зеленее становились берега, словно сама природа радовалась, что война подходит к концу, скоро отзвучат последние выстрелы.

Уже никто не сомневался, что воевать осталось недолго. Яростно огрызаясь, фашисты поспешно откатывались на запад, спеша сдать в плен американским и английским войскам. Разбойничья империя Гитлера доживала последние дни. Была в этом заслуга и моряков-дунайцев, в том числе и нас, юнг с Урала. Три столицы — Белград, Будапешт и Вену — довелось многим из нас освободить. Было чем гордиться.

А пока вместе с войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов корабли флотилии шли по Дунаю, преследуя отходящего врага. Выполняя обязанности впередсмотряще-

го или сигнальщика, я часто любовался могучей рекой и ее берегами, ведь история нашего народа тесно связана с ней. Дунай служил дорогой, соединявшей русское государство с братскими славянскими народами юго-востока Европы, с множеством других народов. Правда, тогда привлекательного на берегах Дуная было мало. На каждом километре виднелись разбитые снарядами и бомбами дома. Навстречу плыли разбитые немецкие повозки и ящики, брошенные гитлеровцами фляги, бочки и бидоны из-под горючего, разорванные мешки, немецкое обмундирование. То и дело докладываю командиру о том, что вижу по курсу. Он должен все знать, учитывать, ведь нередко бывало, что безобидные на вид предметы оказывались искусно замаскированными минами... При такой обстановке и до беды недалеко.

Наш путь лежал вверх по Дунаю, на Маутхаузен. Но о том, как мы туда пришли, я уже рассказал.

Заботы мирного времени

Война с Германией закончилась. За ратные подвиги флотилия десять раз отмечалась в приказах Ставки Верховного Главнокомандования. За успешные боевые действия была награждена орденами Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени. Особенно явственно гордость за свою трижды орденоносную флотилию, боевые подвиги ее моряков я почувствовал во время парада кораблей и частей Дунайской флотилии в Будапеште. Не меньшее впечатление произвел на меня и парад кораблей Дунайской военной флотилии 3 июня 1945 года в ознаменование Победы над фашистской Германией, проходивший в Вене.

Моряки старших возрастов постепенно разъезжались. Юнги, набравшись в годы войны боевого опыта, стали им хорошей сменой. Работы на флоте хватало. Реки, моря и океаны буквально кишели минами. Не был исклю-

чением и Дунай. Водный путь, проходивший через целый ряд государств, за годы войны пришел в упадок. Надо было его восстанавливать. Суда гидрографической службы делали промеры, устанавливали вехи, бакены, створы, маяки. Буксиры помогали саперам, понтонерам и подрывникам убирать с фарватеров затопленные противником баржи и пароходы, подымать из воды фермы взорванных мостов, восстанавливать дамбы, ремонтировать взорванные и строить новые мосты. Один из них, между чехословацким и венгерским берегами в районе Дьера, помню, получил название моста Дружбы.

Бронекатера и минометные катера 1-й и 2-й бригад речных кораблей были направлены на боевое траление. Оснащенные мощными силовыми установками, они использовались для буксировки трал-барж. Выполняя специальное постановление Совета Министров СССР, дунайские моряки тралили не только советские, но и воды Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Австрии. Учитывая необходимость быстрой ликвидации минной опасности, командование применило групповой метод траления фарватеров, не предусмотренный действовавшими тогда наставлениями. Нам, комсомольским активистам, политотдел флотилии отвел роль пропагандистов этого прогрессивного и быстрого метода уничтожения вражеских мин. По поручению флагманского минера капитана 2-го ранга Охрименко мы разъясняли морякам его суть.

Беседы с моряками проводились обычно в обеденные и вечерние часы. В это время комсорги и группкомсорги организовывали громкие читки газетных материалов.

Раскрываю однажды «Красный флот» — и глазам своим не верю. В газете помещено сообщение о присвоении юнге Володе Моисеенко звания Героя Советского Союза.

В Школе юнг Володя учился в роте артиллерийских электриков. Познакомились мы с ним во время лесного пожара. После завершения учебы мальчишку направили

на Тихоокеанский флот. Как проходила его дальнейшая служба, ни я, ни другие дунайские юнги не знали. И вдруг такое известие!

«Ай да Володя! Ай да молодец! Знай наших!» — радовались мы за друга, читая статью.

Клятва

...Было это в августе 1945 года. Тихоокеанский флот, поддерживая с моря наши наступающие войска, наносил мощные удары по японским портам и базам. 14 августа сторожевой корабль ЭК-5 под командованием капитан-лейтенанта Миронова высадил подразделение 335-го батальона морской пехоты в сильно укрепленную военноморскую базу Сейсин — важный опорный пункт обороны японцев на побережье Северной Кореи. Завязался жестокий бой. Командоры сторожевого корабля прямой наводкой громили доты и укрепления противника. Но, обладая численным превосходством, враги стали теснить наших.

Командир сторожевика получил приказ направить на выручку десантникам отряд моряков-добровольцев. Одним из первых вызвался художавый, небольшого роста корабельный электрик Володя Моисеенко.

Через несколько минут корабельный десант во главе с капитаном 3-го ранга Терновским спешно покинул корабль и стал продвигаться в глубь окутанного дымом пожарищ города. Рядом с командиром в бой шел Моисеенко. Он первым заметил выскочивших из-за угла дома вражеских солдат и сразил их меткой очередью.

— Молодец! — похвалил командир.

Расчищая путь огнем из автомата, отряд рывками продвигался к высоте 182,8, на подступах к которой дрались наша пехота. Моисеенко уже дважды гранатами выбивал японцев из укреплений, когда те пытались остановить моряков.

На правом фланге раздалась длинная очередь крупнокалиберного пулемета.

— Осторожно, ребята! — предостерег моряков Терновский. — Приготовить гранаты!

Недалеко от дзота Моисеенко увидел блиндаж, возле входа в который самураи устанавливали пулемет.

Капитан 3-го ранга убедился, как смело и ловко действовал в бою юнга.

— Шарахни их противотанковой! — крикнул он Моисеенко. — Только осторожнее подбирайся...

Прижимаясь к земле, Володя пополз к первому дзоту. Японцы, заметив смельчака, открыли по нему огонь. Пули, вздымая пыль, вшивались совсем рядом в сухую землю. Моряк рванулся к большому гранитному валуну. Самураи дали по камню продолжительную пулеметную очередь. Веером взлетели осколки гранита. Воспользовавшись паузой в стрельбе (видимо, японцы перезаряжали пулемет), Моисеенко стремительным прыжком достиг небольшой узкой ложбинки. Маскируясь в чахлой растительности, продолжал подбираться к огневой точке. Неожиданно уловил за кустами говор. Обнаружил еще один блиндаж. Меткий бросок гранаты, отчаянные вопли вражеских солдат...

Юнга продолжал подбираться к дзоту. И вот уже совсем близка изрыгающая смертельный ливень амбразура. Приподнявшись, моряк метнул в нее гранату и тут же вжался в землю. Пулемет замолчал. Володя рывком достиг второго блиндажа. И снова ухнула граната.

— Вперед! — раздалась команда Терновского.

Моряки бросились в атаку. Моисеенко первым достиг вершины сопки. Вместе с товарищами захватил две японские пушки. Не выдержав удара, самураи заметались в панике и поспешно оставили высоту. Развернув корректировочный пост, десантники установили с кораблем радиосвязь. Снаряды сторожевика стали поражать японцев точнее.

Подтянув свежие силы, враги яростно пытались сбросить тихоокеанцев с сопки. Не считаясь с потерями, упор-

но карабкались по ее склонам. В ожесточенной рукопашной схватке моряки опрокинули врага. Но обстановка для них сложилась тяжелая: многие были ранены, кончались боеприпасы. А японцы готовились к новому штурму. По высоте почти непрерывно били орудия и минометы. В этот критический момент капитан Лубенко, заменивший раненого Терновского, обратился к морякам с призывом защищать высоту до конца.

— В Сейсин на кораблях идет 132-я бригада морской пехоты, — сказал он. — Наша задача — удержать позицию до высадки главных сил десанта.

В создавшейся обстановке Володя решил написать клятву, в которой были такие слова:

«Я, краснофлотец-комсомолец, взорвал два блиндажа, убил из винтовки трех японцев, подорвал склад с боеприпасами, уничтожил пулеметную точку. Сейчас нахожусь на вершине сопки. Клянусь: умру, но не сдам японским самураям этой высоты. Буду до последней капли крови стоять. К сему подписываюсь.

Моисеенко Владимир Григорьевич. Писал и отстреливался 15.8.45 г.».

Ныне эта записка хранится в музее Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Володя по-пластунски пробрался в расположение противника и уничтожил пулеметный расчет, который обстреливал дорогу, связывавшую моряков с пехотинцами. А когда самураи, ведя огонь из автоматов, двинулись на высоту, юнга, прильнув к ручному пулемету, меткими очередями косил и косил наступающих.

В самые трудные минуты краснофлотцы оглядывались на Володю. Своей стойкостью он вселял в них уверенность в успех боя.

— Сообщить по цепи, — приказал Лубенко находившемуся рядом с ним бойцу. — Всем сражаться так, как сражается Моисеенко.

В ночь на 15 августа десантники совместно с мор-

скими пехотинцами отразили четырнадцать атак противника, четыре раза ходили в штыковые атаки. Они удержали высоту до подхода подкрепления. Еле держась на ногах, с окровавленными повязками, почерневшими от пороховой гари лицами, они радостно встретили морскую пехоту, выстояли, победили.

В наградном листе на присвоение Володе Моисеенко звания Героя Советского Союза сказано: «Сражаясь с беззаветной храбростью, лично взорвал 6 дзотов, 2 блиндажа, уничтожил около 80 солдат и офицеров противника, вывел из строя 3 пулеметные точки и минометную батарею противника».

Володя Моисеенко стал самым молодым на Тихоокеанском флоте Героем Советского Союза и первым Героем среди юнг Военно-Морского Флота.

Статью прочли и обсудили сообща. Приятно было рассказывать сослуживцам о своем однокашнике.

...Взрели моторы. Опять на фарватер. Снова взрывы мин в тралах. Опять и опять поднимаются в небо столбы мутной воды. Где же тот голубой Дунай, что воспел Штраус? Он совсем не голубой... Может, оттого, что в жестокое для человечества время мне довелось его видеть: то он был красен от крови, теперь бурлит от взрывов...

Делаем свое дело, не зная отдыха и покоя. Свободного времени почти нет. Комсомольцы дивизиона бронекатеров избрали меня своим секретарем. Служу. Занимаюсь тралением, обучением молодых кадров, налаживаю комсомольскую работу. Завели переписку с соловецкими юнгами. Из писем знаю, что ликвидацией минной опасности на морях и реках занимаемся не только мы, но и моряки тральщиков других флотов и флотилий, на которых служат мои товарищи по Школе юнг Игорь Бурдин, Володя Колпаков, Гелий Ткаченко, Миша Маковкин, Толя Казаков, Миша Колмаков, Вася Исаков, Валя Ширинкин, Витя Сакулин, Юра Ямов и многие, многие другие юнги-земляки.

Конечно, в общей массе моряков юнг насчитывалось не так уж много, и, разумеется, исход жестоких схваток с врагом на многочисленных морях и реках решали не они. Но даже само присутствие их на полях сражений с врагом значило немало. Это оценили даже наши враги. Известен факт, когда один из гитлеровцев, потрясенный мужеством и бесстрашием юных защитников, оставил в своем дневнике такую откровенную запись: «Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают как герои». Об этом же говорит и то, что в годы войны высокими правительственными наградами были отмечены около 36 тысяч юных патриотов, в том числе все юнги Прикамья военных лет.

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Соловецкие юнги, наши мальчишки
русские,
Ваши плечи, по-детски худые
и узкие,
Заслонили просторы родной вам
России.

Будьте вечно героями!
Будьте вечно живыми!

Л. Вахрамеев

Прошло много лет. Десятилетия. И все это время не было, наверное, дня, когда бы хоть что-то не напомнило мне о Школе юнг и моих друзьях. Не раз собирался начать их розыск. Да все, как говорится, не до этого было. То новую работу осваивал, то общественными нагрузками был завален по горло, то здоровье или семейные обстоятельства не позволяли. Пока не возьмешь себя в руки, причины, тормозящие нужное дело, всегда найдутся. Толчком к активным действиям послужили почти одновременно полученные письма от сослуживца по роте радистов Игоря Лисина и главного редактора Свердловского телевидения Ады Алексеевны Владимирцевой с просьбой принять участие в телевизионной встрече юнг Урала, назначенной на 8 мая 1974 года. Отправляясь, сильно волновался. Какими они стали, мои боевые друзья — пятнадцатилетние мальчишки, признаю ли их? Узнать, действительно, оказалось нелегко, ведь теперь каждому из нас было уже под пятьдесят. Пополнели, у многих на висках седина. И у всех награды. Много наград.

На этой же телевизионной встрече впервые, через 31 год, встретил бывшего комиссара Школы юнг Сергея Сергеевича Шахова, приехавшего к своим питомцам из Ленинградской области. Оказалось, уже в те годы в Свердловской области был создан совет ветеранов Школы юнг. Возглавлял его мой дружок Игорь Лисин.

Поговорил с Сергеем Сергеевичем, ознакомился с работой членов Свердловского совета. Тогда-то и пришла идея поиска юнг-пермяков. Еще больше утвердился в этом, став невольным свидетелем одного разговора в нашем Калининском Доме культуры.

Было это в дни, когда на экранах Прикамья демонстрировался фильм «Юнга Северного флота».

— Мальчишки, а настоящие герои, — просмотрев картину, заметил кто-то.

— Да были ли такие? — засомневалась одна женщина. — Что-то не припомню, чтобы пацанов в армию брали. Фильм-то художественный...

Хотелось возразить, доказать ее неправоту, но не показывать же ей свои документы, подтверждающие, что и я был юнгой...

Да, «Юнга Северного флота» — фильм художественный, но снят на основе действительных событий времен Великой Отечественной войны. Если бы женщина знала, что среди прототипов воссозданных на экране юных героев были выходцы из ее родного села, отдавшие за правое дело свои жизни, наверное, так бы не говорила. Я-то знал, что из Пермской области в нелегкое для Родины время таких мальчишек ушло на войну немало. А сколько, как сложились их судьбы, где они сейчас, в то время было неизвестно.

Начались кропотливые поиски. Первым откликнулся наш правофланговый — Саша Плюснин, прозванный в Школе юнг Сашей с Уралмаша. Встретились мы с ним в 1975 году, на Соловках. Оба были с женами. Саша с Ией Васильевной, я — с Любовью Михайловной (бывшей Захаровой. Да, да, с Любой Захаровой, писавшей мне письма на Соловках). Сколько воспоминаний нахлынуло на нас сразу! Решили попробовать создать совет юнг Пермской области.

А начали вот с такого письма, разосланного тем, кого мне удалось до этого разыскать:

«Уважаемый товарищ!

25 июля 1976 года, в День Военно-Морского Флота, в городе Перми состоится 1-я встреча бывших юнг ВМФ.

Явка не обязательна, но желательна.

В программе нет ни докладов, ни лекций. Будут лишь фронтовые воспоминания и обсуждение планов на будущее.

Цель встречи — создание областного совета юнг-ветеранов Военно-Морского Флота.

Начало в 12 часов дня.

Место встречи — речной вокзал.

Инициативная группа юнг ВМФ».

«Инициативная группа» — это фактически два человека: Саша Плюснин и я.

Затяя удалась. Активности у бывших юнг за прожитые годы не убавилось. В адрес инициаторов пришли десятки писем. Откликнулись бывшие юнги-фронтовики из Перми, Добрянки, Нытвы, Чусового, Вережагино, Очеры, Кунгура, Березников, Суксуна, Алма-Аты, Ангарска, Уфы, Харькова, Москвы, Свердловска, Ленинграда, Куйбышева, Мурманска, Волгограда, Севастополя, Ростова-на-Дону, Жуковского, Мончегорска, Североморска, Петропавловска-Камчатского... Во все концы нашей необъятной Родины раскидала судьба тех, кто в суровые годы войны совсем мальчишками уходили на фронт.

Бывшие юнги охотно делились своими воспоминаниями, присылали фотографии военных лет, вырезки из флотских газет. С того времени прошло более десяти лет, а поток писем до сих пор не уменьшается. Находятся все новые и новые флотские добровольцы. Ныне они постарели, каждому около шестидесяти, а Школу юнг помнят, да и душой по-прежнему молоды. Это видно из их писем.

«Детство, опаленное войной, горем, страданиями, ушло в далекое прошлое, а не забывается, — читаю строки из письма бывшего краснокамца Жени Ларинина из города

Жуковского Московской области. — Более сорока лет прошло, а я до сих пор хорошо помню своих друзей-юнгашей. с которыми на Соловецких островах спал в палатке, землянке, учился бить врага, делил северный холод и боевые невзгоды.

Недавно встретил ребят из своего кубрика: Витю Максимова, Тольку Степанова, Петю Смирнова. Сколько было волнений, радости! Как будто все вернулись в суровый 1942 год. От счастья сердце готово было выскочить из груди.

Очень жаль, что я далеко от вас. Всей душой рвусь в родной Красноярск, планы строю, а все дела и дела, никак не соберусь. Так хочется приехать в свой город, побывать в школе, где учился, а больше всего встретить вас, друзей военной поры, «мальчишек с бантиками». И не важно, что мы далеко друг от друга, главное, что в нас сохранилась крепкая флотская дружба, зародившаяся в Школе юнг, что мы не зачерствели душой, ведем работу с молодежью, приносим пользу Родине, стараемся сделать жизнь лучше, красивее, всегда готовы прийти на помощь друг другу».

А вот что пишет бывший еловец, ныне житель города Алма-Аты Евгений Волков:

«Годы бегут. Вот и хвори стали появляться, но душой мы остались молодыми. Мы, юнги, не имеем права поддаваться унынию, опускать с годами руки. Вспомни, Алеша, как трудно нам ни было — из любого положения находили выход. Если не хватало силенок, брали упрямством, но все равно побеждали. Помнишь, как пели: «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...» Пенять на годы нам не пристало. Мы еще нужны Родине, партии, народу, семьям, нашему юнгашескому содружеству. Я горжусь, что был юнгой. Рад, что на всю жизнь полюбил флот. Доволен, что мой сын Александр служит в звании мичмана на Тихоокеанском флоте. Мечтаю, что и внук будет морским офицером. Что

ни говори, а флот — это флот! Честное слово, он мне на всю жизнь остался дорог».

«Школа юнг дала нам хорошую жизненную закалку, — пишет из Дагестана Эрнст Пиотровский. — Научила преодолевать трудности и делать то, что в данный момент необходимо не для себя, а для Родины, окружающих нас людей. После войны, работая преподавателем, я полностью сумел отдать себя делу подготовки кадров, работал, не считаясь со временем, не зная отдыха, не щадя здоровья, за что по достоинству отмечен Родиной. В годы войны, «по желанию фрицев», пришлось «выкупаться» в Балтийском море, теперь подводят ноги, болит поясница, но я, хоть и трудно, стараюсь даже виду не подавать. Будучи пенсионером, продолжаю работать экскурсоводом. По стопам отца идут и мои дети. Один из сыновей стал моряком-североморцем, другой — балтийцем...»

«Я никогда не забуду, как в 1944 году готовились в десант, и мы, пацаны, вместе с бывалыми моряками писали клятву на верность Родине. В ней были слова любви к нашему народу, Коммунистической партии и ненависти к заклятому врагу, — делится своими мыслями Анатолий Гордиенко, ныне живущий в городе Ангарске Иркутской области. — Всему этому нас научила Школа юнг, ее боевые командиры и политработники.

Бывший юнга, ныне один из ведущих инженерных работников Пермского электротехнического завода Юрий Борисов, просмотрев очередную передачу Центрального телевидения о юнгах, вспоминает: «В Школу юнг я пришел пионером. В комсомол вступал на Соловках. День этот навсегда остался в моей памяти».

«Одно за другим проходят десятилетия, — это уже слова из письма ныне живущего в Волгограде, работающего заместителем директора Научно-исследовательского института автоматических систем управления Владимира Филиппова, — а нашу боевую юность не могу, да и не хочу забывать. Высылаю тебе копию газеты «Краснофлотец», снятую

с оригинала. Она рассказывает о нашей службе на Соловецких островах. Эту газету я храню как исторический документ, который будет напоминать о нас молодому поколению как о истинных патриотах своей Родины, в тяжелую пору испытаний шедших ради нее на смерть».

Каждый из этих людей награжден орденами, медалями, но о своих боевых делах, заметьте, они не пишут. Прав был наш комиссар Сергей Сергеевич Шахов, ныне возглавляющий Центральный совет юнг-ветеранов, сказавший на телевизионной встрече в Свердловске: «Каждый из них в отдельности редко когда будет говорить о себе, а если и скажет, то только о том, что он сам ничего особенного не совершил, служил, как все — выполнял свой воинский долг перед Родиной. Но с гордостью, с каким-то особым чувством приподнятости, будет говорить о своих товарищах, юнгах-добровольцах, которые в грозные годы Великой Отечественной войны добровольцами пришли в Военно-Морской Флот и грудью встали на защиту Советской страны. С особой теплотой расскажет о Соловках — островах своего боевого детства, о Школе юнг Военно-Морского Флота, которая воспитала в нем мужество, научила ненавидеть врага, дала путевку в жизнь».

Для сбора материалов о боевых делах юнг мне пришлось обращаться в архивы, разыскивать бывших командиров и сослуживцев юнг, записывать их фронтовые воспоминания. Десять лет поисковой работы дают мне право рассказать о бывших юнгах — наших земляках. Одни из них проявили храбрость и мужество на театрах морских сражений, другие — в сухопутных схватках с врагом, третьи — в проводке кораблей союзных держав, четвертые — на боевом тралении, пятые — на строительстве боевых кораблей, шестые — в обучении кадров морских специалистов только что появившихся социалистических стран...

Им, маленьким героям большой войны, я и посвящаю вторую часть книги.

Огонь на себя

Было это на Крайнем Севере, в районе местечка Муста-Тунтури, где фашистам в течение всей войны так и не удалось пересечь государственную границу Советского Союза.

Эскадра кораблей, в состав которой входил эсминец «Громкий», получила приказ произвести массированный артиллерийский удар по врагу с тыла, то есть со стороны моря.

— Нужны точные координаты огневых точек противника, — сказал командир эсминца «Громкий». — Есть желающие пойти в разведку?

— Так точно!

Из строя вышли сразу несколько моряков. Был среди них и недавно пришедший на корабль худощавый, подтянутый Валерий Аверьянов.

— Дело нелегкое. Придется с рацией ползти через «долину смерти», — сказал замполит. — Голая, скалистая, хорошо просматриваемая, пристрелянная врагом местность и лишь кое-где карликовые березки. Риск большой. Так что, кто в себе не уверен, лучше туда не соваться...

— Задание будет выполнено! — почти в один голос заверили моряки.

— В таком случае пойдут самые молодые, самые ловкие, — сказал командир и вызвал из строя троих. Двое из них были юнгами первого набора, третий — наш земляк, юнга второго набора Аверьянов.

Ночь выдалась туманная, темная.

Шлюпка, в абсолютной темноте и тишине отошедшая от корабля, так же бесшумно, никем не замеченная подошла к берегу. Уже через несколько минут, извиваясь ужасами, поплотнее прижав к себе автоматы, противогазы и рацию с питанием, юнги поползли между валунами в сторону карликовых березок. Направление им указывали

то и дело прорезавшие ночную мглу пулеметные очереди и время от времени рвавшиеся в районе Муста-Тунтури немецкие снаряды. Фашисты не оставляли в покое морских пехотинцев даже ночами.

Добрались до небольшой высоты. Огневые точки противника были почти рядом.

— Можно передавать на эскадру координаты, — сказал один.

— Тогда нас накроют свои же снаряды, — заметил другой.

— А время... — напомнил Аверьянов.

Старший взглянул на часы. Действительно, разведанные на кораблях уже ждали.

— Передадим и тут же спустимся, — решил старший. Радист развернул радиостанцию.

— Океан! Океан! Океан! Я — Берег! Я — Берег!

Координаты расположения огневых точек противника полетели в эфир.

— Ясно! Ясно! — получив разведанные, радостно кричал в микрофон радист эсминца.

Не успели юнги упаковать рацию, как неподалеку стали рваться снаряды, посылаемые корабельными орудиями.

— Вниз, в укрытие! — скомандовал старший группы.

Юнги покатались под гору. А снаряды рвались и рвались...

На пути ребят вырос здоровенный валун.

— Укрыться! — последовала команда.

— Дают жару фрицам, — похвалил корабельных командиров Валера. — Вот бы наши эти видели!

— Сообщил! — приказал старший радисту.

Ребята еще раз развернули радиостанцию.

— Я — Берег! Я — Берег! Молодцы! Так держать! — кричал радист, а сам, как и его товарищи, спасаясь от осколков, прижимаясь к валуну, распластался на земле.

Позже Валерий Аверьянов вспоминал:

— О смерти в ту пору, я это хорошо помню, почему-то не думалось. Мы не боялись, а радовались: ведь благодаря нам немецкие орудия и пулеметы с их прислужкой, накрытые корабельной артиллерией, летели во все стороны. Зрелище было удивительное. Такого и в кино не увидишь. А страха никакого! Почему-то мы считали, что осколки попадут в камень, а не в нас. Хотя он нас оберегал лишь с одной стороны...

Прошло еще немного времени, и наступила пора нашего наступления. Утренняя тишина 7 октября 1944 года была разорвана сильной артиллерийской и минометной стрельбой. Войска Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота перешли в наступление. Взломав долговременную оборону гитлеровцев, они форсировали реку Титовка и, совершив глубокий обходной маневр, вышли южнее Луостари.

В ночь на 10 октября на южное побережье залива Малая Волоковая был высажен десант в составе усиленной 63-й бригады морской пехоты. Овладев намеченным участком побережья, десант быстро продвигался в южном направлении и вышел во фланг и тыл обороны противника, проходившей по хребту Муста-Тунтури.

Утром 10 октября, когда еще не утихла бушевавшая всю ночь пурга, артиллерия кораблей перенесла огонь в глубину вражеской обороны, а 12-я бригада морской пехоты пошла в атаку. Она прорвала оборону гитлеровцев на перешейке полуострова Средний, преодолела горный хребет Муста-Тунтури, соединилась с частями 63-й бригады и гнала врага до норвежской границы. Боевые действия в Заполярье на суше были закончены. Но война для юнги-пермяка еще продолжалась.

Вместе со своими товарищами Валера участвовал в сопровождении американских транспортов. В Школе юнг паренек получил специальность корабельного электрика и теперь добросовестно выполнял свои обязанности. Нередко бывали такие ситуации. По готовности «три» юнга

дежурит в машинном отделении, где температура порой доходила до плюс 70 градусов по Цельсию, выполняет свою работу в комбинезоне, надетом на голое тело. Вдруг — боевая тревога! По ней он расписан на пулеметном мостике. Бежит туда и ведет огонь, например, по появившемуся самолету. Из жары да под открытое небо. И это в зимнее время в условиях сурового Баренцева моря...

После окончания войны юнга Аверьянов еще долго бороздил моря Северного Ледовитого океана, очищая от вражеских мин их воды, охраняя морские рубежи нашей Родины.

Участие юнга в боях отмечено рядом правительственных наград, в том числе орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Советского Заполярья».

Рискуя жизнью

Моряки Печенгской Краснознаменной ордена Ушакова бригады торпедных катеров Северного флота только что возвратились из боевого похода. Поужинали и легли отдыхать. Не успели еще заснуть, как прозвучала боевая тревога!

Губа Долгая, где базировались корабли, сразу же наполнилась рокотом корабельных моторов. Тут и там раздалась команды: «Отдать швартовы!» Катера один за другим стали покидать место стоянки. Был сильный шторм. В такую погоду без особой надобности в открытое море катера не выходили. А тут вышли, да еще всем дивизионом.

Оказалось, у входа в Кольский залив на mine подорвался американский транспорт. Несмотря на восьмибалльный шторм, моряки сразу же включились в борьбу за спасение гибнущего судна и его команды.

Юнга-моторист из Верецагинского района Миша Ба-

лужу только что сменился с вахты, но вместо отдыха стал помогать товарищам. Привязав линь к спасательному кругу, он бросил его показавшемуся на гребне волны американцу. Тот ухватиться за круг не успел. Миша вытащил линь с кругом обратно на палубу, бросил его обессиливавшему моряку вновь. На этот раз удачно: круг упал прямо на шею тонущего. Тот вцепился в него мертвой хваткой. Миша потянул трос на себя. Пока моряк со спасательным кругом был в воде, все шло нормально. Но стоило только подтянуть его к борту корабля, как Миша понял — вытащить здорового американского матроса на режущем руки тонком тросе на борт ему не по силам. Увидев юнгу в затруднительном положении, кто-то из моряков пришел ему на помощь.

Борьба за жизнь американцев, потерпевших бедствие, продолжалась уже часов восемь. Советские моряки, рискуя жизнью, один за другим бросались в холодные волны. Тащили тонущих по одному в сторону катера, с помощью товарищей, находившихся на борту, вытаскивали на палубу. Чтобы согреть, тут же натирали спиртом, передевали в собственное сухое белье.

Вытащив еще одного тонувшего, Миша обессилел. Сказалось несение вахты у моторов и недостаток сил, ведь совсем еще мальчишкой был. Немного передохнул, а потом, по совету командира, стал делать нахлебавшимся соленой морской воды искусственное дыхание.

Только один их катер в этот день поднял на борт 16 человек. Двоим из них спас жизнь юнга Миша Балухев, за что командир корабля объявил ему благодарность.

Американские моряки были восхищены мужеством советских воинов, пришедших им на помощь в такую штормовую погоду.

Служба юнга Миши Балухева на Северном флоте отмечена Родиной по достоинству. Он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Жизнь, отданная флоту

На войну Витя Белкин опоздал. В 1941 году ему исполнилось всего одиннадцать лет. В Школу юнг он попал только в победном 1945-м, и не на Соловки, а в Кронштадт.

Пареньку очень хотелось походить на своих предшественников — юнг первых наборов, совершивших на полях морских сражений немало героических подвигов. Особенно много слышал Витя про Сашу Ковалева.

Идя в строю вместе со своими сверстниками — кронштадтскими юнгами, Витя с гордостью и вдохновением пел:

Мы помним подвиг Саши Ковалева,
Он для победы жизнь не пощадил.
Дадут приказ, ответим: «Есть» —
и снова
Пойдем в огонь, как наш герой
ходил.

Для продолжения службы командование оставило юнгу на Краснознаменном Балтийском флоте. Витя очень этому обрадовался. А когда во флотском экипаже послали на тральщик — разочаровался... Но ненадолго. Оказалось, лишь на тральщике в мирное время можно было почувствовать, что такое война, в которой он так хотел принять участие.

— Мечтал сразиться с врагом, вот и сражайся, уничтожай его мины, — сказал Вите председатель комиссии, ведавшей распределением моряков по частям и кораблям. — Для моряков-тральщиков война не кончилась. Покажи на деле, умеешь ли ты в боевой обстановке быть полезен флоту и Родине.

Впервые за штурвал Витя встал не без робости. Колесо размером чуть ли не в его рост поддавалось туго. Витя, напрягшись, покрутил его вправо-влево.

— Ну, как? — спросил старшина.

— Ничего, справлюсь! — ответил юнга. — В боях морякам было не легче.

Через несколько дней корабль отправился в поход. Это была первая настоящая встреча юнги с морем. Когда катер вышел на брандвахту, его позвали в рубку.

— Встанешь на рулевую вахту, — сказал старшина. — Командир разрешил.

— Есть! — четко ответил юнга и почувствовал, как его охватило волнение. Еще бы, ведь это его первая самостоятельная вахта. Сколько о ней думал, мечтал!

Нес вахту по всем правилам. Штурвал держал в руках крепко. На команды реагировал быстро и точно. И даже не заметил, что рядом стоит и внимательно следит за каждым его движением опытный старшина-рулевой, в любую минуту готовый прийти юнге на помощь.

С того памятного дня несение ходовых вахт стало для мальчишки делом обычным.

Корабль Вити пахал Балтийское море весь световой день. Нелегкое это дело. Бывали дни, когда лишь один тральщик, на котором он служил, подрывал или расстреливал до десятка мин. Большая ответственность при этом ложилась и на него, юнгу-рулевого Витю Белкина. Достаточно было сделать малейшее неверное движение, и корабль мог подрваться на mine. Тогда конец не только кораблю, но и его команде. О таком юнга даже и думать не смел. Старался быть предельно внимательным, исполнительным, хладнокровным. Действовать только так, как требует устав. Так же поступали и другие моряки.

И все-таки непредвиденное случилось.

В один из штормовых октябрьских дней экипаж выполнял очередной приказ по боевому тралению. Весь личный состав находился на боевых постах. При очередном крене корабля, не удержавшись, с юта упал на борт офицер. Заметившие это старшина 2-й статьи Кузнецов и

юнга Белкин сразу пришли ему на помощь. Первый, не раздумывая, прыгнул за борт, второй бросил тонущему спасательный круг. По сигналу «Человек за бортом!» корабль выполнил маневр. Тонущий, несмотря на сильное волнение моря, сумел ухватиться за спасательный круг. Кузнецов помогает офицеру на нем удержаться. Делать это нелегко. Холодная вода, одежда затрудняют движение оказавшихся в воде. Набегающие волны относят моряков в сторону появившейся на волнах мины. Спускается шлюпка. Юнга вместе с другими матросами прыгает в нее. Офицер спасен. Через несколько минут подрывана и мина.

За расторопность и умелые действия морякам, участвовавшим в спасении командира и уничтожении вражеской «рогатки», в том числе юнге из деревни Белкино Тетеринского сельского Совета Соликамского района Вите Белкину, была объявлена благодарность.

Очень нелегко было мальчишке нести ходовые вахты. Рос в условиях войны. Питание, как тогда говорили, ниже среднего, силенок маловато. А выполнение моряцких обязанностей не только умения, но и сил требовало. Роль рулевого, обеспечивающего ход корабля, в условиях, когда море напичкано минами, как клетками в тарелке, очень велика.

О том, что Витя свои обязанности выполнял безупречно, можно судить по архивным данным, в которых значится, что за время траления вод Балтики он заслужил множество благодарностей командования и прошел путь от юнги до старшины 2-й статьи. Именно в эти годы Витя полюбил службу так, что решил остаться на флоте на всю жизнь. После учебы в школе мичманов он командует гидрографическим судном, делавшим промеры прибалтийского побережья. Окончив Военно-морское политическое училище, работает секретарем комитета ВЛКСМ дивизиона речных тральщиков, заместителем командира роты, командира корабля по политической

части. Учит других, учится и сам. В 1968 году в городе Калининграде поступает на исторический факультет университета.

С 1969 по 1975 год проходит службу на Краснознаменном Черноморском флоте, участвует в дальних походах в Индийский океан.

За самоотверженное выполнение заданий командования по боевому тралению и успехи в службе В. А. Белкин награжден орденами Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. В праздничные дни китель бывшего юнга, отдавшего флоту 36 лет жизни, украшают 12 боевых наград.

В северных конвоях

Осень 1944 года. Северный флот готовится к совместному с армейскими частями наступлению на приморском участке Карельского фронта. Он занимается проводкой союзных, местных конвоев на коммуникациях Белого и Баренцева морей, арктических конвоев между Юшаром и Диксоном, между другими пунктами Карского моря и портами моря Лаптевых, осуществляет доставку грузов и зимовщиков на полярные станции бухты Тихая на Земле Франца-Иосифа и мыса Желания на северной оконечности Новой Земли, высаживает группы разведчиков на полуостров Варангер в тылу противника. В общем, делает все для того, чтобы как можно успешнее подготовиться к решительному удару по лапландской группировке гитлеровских войск. Участвовал в выполнении этих заданий и тральщик № 114, на котором служил юнгой бывший воспитанник Оханского детского дома Валя Бобров.

К этому времени Валя имел уже богатую биографию. В 1941 году он наравне с бойцами одной из стрелковых

дивизий принимает участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, получает ранение. В 1942-м Валя уже в Школе юнг Северного флота. После ее окончания, вместе с другими матросами, старшинами и офицерами тральщика, на который он был направлен, выполняет правительственное задание по охране ледокола «И. Сталин». Моряки корабля при этом вели себя героически — потопили две подводные лодки. За героизм, проявленный в этой операции, Бобров первым из прикамских юнг получает из рук командующего Северным флотом адмирала Арсения Григорьевича Головки медаль «За отвагу».

И вот очередная операция. На этот раз команде тральщика поручено сопровождение на Диксон транспорта «Марина Раскова». В ходе похода корабли охранения обнаружили подводную лодку противника. Тральщик ее атаковал, но безуспешно. Она скрылась в снежном заряде. Выполняя приказ командира конвоя о продолжении поиска подводной лодки, тральщик встретился с целым отрядом вражеских кораблей. Разгорелся жестокий морской бой.

Моторист Бобров находится в машинном отделении. Приказания из командирской рубки следуют одно за другим. Корабль, уклоняясь от снарядов, маневрировал.

Вот вышел из строя машинный телеграф. Команды стали поступать через приоткрытый люк. Через него же бушевавшее море захлестывало на машины и мотористов свои волны. Но юнга поста не бросает.

Раздается взрыв в кормовой части. Тральщик потерял ход, стал крениться на левый борт...

Валю считали погибшим, но ему повезло. Вместе с комендором Михаилом Воробьевым он на изрешеченной пулями и осколками шлюпке болтался в море. Первые двое суток было вроде бы терпимо. Хотя, конечно, очень тяжело. А потом все больше стали мучить усталость, бессонница, голод и холод. Тучи висели над морем плотной пеленой. Ни луны, ни звезд из-за них было не видно.

Куда гребешь — не знаешь. Изнемогало от усталости тело. А тут еще погода резко ухудшилась: туман чередовался со снежными зарядами, усилилось волнение моря. Валя почти непрерывно сидел на веслах, потому что его товарищ грести уже не мог. На пятый день, когда силы Вали были уже на исходе, моряки встретили в море еще одну шлюпку. На ней находились 23 человека. Борьба со стихией продолжалась еще двое суток. Из числа потерпевших крушение Валя был самым молодым и потому старался работать больше других. Чаше своих товарищей брался за весла, а когда его подменяли, начинал вычерпывать из шлюпки воду. О том, что ждет впереди, старался не думать. А беспокоило их всех одно: далеко ли до берега? На седьмой день моряков подобрал посланный на их поиск гидросамолет. Валя был доставлен на Диксон. Пройдя курс лечения, он продолжал службу на тральщике № 15. В 1945 году в составе специальной команды принимает участие в разделе трофейного флота. В том же году за мужество, стойкость и выдержку, проявленные в боях, юный моряк получает еще одну награду — орден Красной Звезды.

В составе десанта

24 сентября 1944 года, ночью, в непогоду, корабли 4-го дивизиона морских охотников Балтики по боевой тревоге вышли в море. На бортах судов расположились автоматчики гвардейского подразделения 14-й морской бригады. Под прикрытием канонерской лодки «Красное Знамя» и эсминцев взяли курс на Эзель.

На подходе к острову корабли были обстреляны береговыми батареями противника. Завязался бой. Эсминцы «Строгий» и «Смелый» открыли огонь из носовых башен и на какое-то время заставили врага замолчать.

Но как только корабли подошли к берегу и стали спускать трапы, фашисты вновь открыли ураганный огонь.

Для поддержки первого броска десантников из морской пехоты в бой пошли матросы кораблей — третья часть личного состава. Командовал ими старший лейтенант Цкаташвили.

Когда моряки посыпались за борт, Игорь Бурдин услышал голос командира:

— Юнга Бурдин — в носовой отсек!

«Как малолетку от участия в десанте отстраняют», — догадался он. Залез в отсек, упал на рундук и чуть не разревелся. Скоро люк открылся, и в кубрик почти влетел мичман Васильев. Он был для Бурдина не только наставником, но и самым дорогим человеком.

— Юнга Бурдин — наверх!

Не чувствуя ног, Игорь выскочил на палубу. Вот он уже на берегу. Земля вздрагивала и горела, все звуки сливались в сплошной гул. Увлекая людей личным примером, мичман Васильев со своим отрядом пробился к первой линии вражеской обороны.

Пригибаясь к земле, Игорь бежит за мичманом. Вдруг тот споткнулся и упал. Припав к нему, юнга ощутил под руками что-то липкое и теплое. Осколок вражеского снаряда попал Васильеву прямо в голову. По щекам парнишки потекли слезы. Помочь мичману он уже ничем не мог. Схватил автомат и стал бить по вспышкам огня, приговаривая: «Это вам за дядю Сережу! За дядю Сережу...»

Противник с острова был сброшен. А своего лучшего друга, мичмана Сергея Ивановича Васильева, юнга потерял навсегда. Через двое суток корабли вернулись в базу. Свою задачу они выполнили — путь к портам Либавы, Клайпеды и Риги был открыт.

Позже юнге-очерцу довелось участвовать в уничтожении липайской группировки немецко-фашистских войск, в высадке десанта на остров Борнхольм. Вместе с моряками 2-й бригады торпедных катеров и катерных тральщиков бороздил он воды Балтики в районах Лит-

вы, Латвии. Побывал в Польше, Восточной Пруссии, Германии. В составе дивизиона тральщиков под командованием капитана 1-го ранга Вдовиченко тралил магнитно-акустические мины замедленного действия, имевшие огромную разрушительную силу, чуть ли не на всех просторах Балтики.

Ночью по Уссури

Все было как обычно. Вечером увольняющиеся сошли на берег. Оставшиеся на канонерской лодке читали книги, газеты, слушали радио, играли в шахматы, шашки, домино, писали письма на родину. А ночью прозвучала команда:

— Боевая тревога!

37-я канонерка 3-й бригады речных кораблей Амурской флотилии, на которой Вася Бурков из Добрянки служил рулевым-сигнальщиком, снялась с якоря и вошла в устье Уссури, правого притока Амура.

Ночь выдалась темная. Обстановка на обоих берегах абсолютно спокойная. Прошли вслепую несколько миль вверх по Уссури. Находившийся на борту корабля командир бригады отдал приказ стать на якорь. Бурков произвел необходимые действия, и корабль замер на месте. Сигнальщик, командир, боцман и рулевой стали пристально всматриваться в притихшие, как перед грозой, берега.

Вот в стороне предполагаемого противника послышались приглушенные расстоянием автоматные и пулеметные очереди.

Все поняли: война с Японией началась.

Ближе к утру на корабле было принято радиосообщение, свидетельствующее о том, что пограничники ближайшей заставы ночью внезапным ударом овладели японской заставой и населенным пунктом Дунаньжень.

С рассветом, когда река и берега еще утопали в бе-

лесом тумане, в район указанной деревни на рекогносцировку вышел бронекатер с офицерами штаба на борту.

После его возвращения, часов в семь утра 9 августа 1945 года, когда туман немного рассеялся, бригада в полном составе снялась с якоря и полным ходом пошла вверх по Уссури. Вася Бурков нес рулевую вахту. Выполнять свои обязанности юнге было нелегко. Берега реки покрыты густым уссурийским лесом. Ориентиров никаких. Фарватер местами подходил вплотную к берегу. В любое время можно было наскочить на мель, какое-нибудь затонувшее судно или того хуже — попасть под огонь вражеских батарей. Но противник, к счастью, себя не проявлял. Как после выяснилось, японцы такого скорого появления на реке советских кораблей не ожидали, узнали о их подходе, когда моряки были уже у главной цели похода — города Жаохэ, важного, сильно укрепленного объекта на берегу реки. Но и тут японцы сумели открыть артиллерийский огонь по кораблям лишь когда те были уже на траверзе города. Да и стреляли, видимо с перепугу, так, что не сумели нанести ни канонерской лодке, ни бронекатерам, участвовавшим в операции, никаких повреждений. Зато комендоры канонерской лодки ближайшие огневые точки противника подавили первыми же выстрелами.

Сменившийся с вахты Вася Бурков по приказу командира корабля стоял на установке прицела и хорошо видел, как самураи, покидая свои позиции на берегу, бежали в сопки. Тогда по укреплениям за городом открыли огонь с бронекатеров «катуши».

К полудню город был нашими войсками взят. Моряки захватили пароход и две баржи с военным имуществом.

Немного погодя к кораблям стали подходить армейские подразделения. Началась погрузка десанта.

К вечеру 10 августа переправа отдельной 5-й дивизии была завершена.

Первый день войны с Японией подошел к концу. Ко-

рабли стали спускаться в протоку Казакевича на Амур. Их дальнейший путь лежал на Сунгари, к Фугдину, во время взятия которого Вася Бурков беспрерывно нес рулевую вахту. Да и во время следующих операций, вплоть до взятия Харбина, юнге было не до отдыха.

За героизм, стойкость, выдержку и умелое выполнение своих воинских обязанностей в ходе боев с союзницей гитлеровской Германии Вася Бурков был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Японией».

На линкоре «Архангельск»

Линейный корабль в сопровождении тральщиков шел северными морями в сторону столицы Шотландии — города Эдинбурга. Ночь, невероятная мгла, густой туман скрыли берега с их маяками. А в неведомых водах таились минные поля, расставленные немецко-фашистскими пиратами. Впереди идущие тральщики подсекали черные шары смерти, начиненные тротилом. Комендоры расстреливали качавшиеся на волнах мины из орудий. После каждой встречи с миной воздух оглашался взрывом и над поверхностью моря подымался грибовидный столб воды.

Опасность таилась и в подводных балках, скалах, раскиданных у норвежских берегов. Но линкор, доверяясь гироскопическому компасу, продолжал свой путь. И все же непогода сделала свое дело. Во время ураганного шторма удары громадных волн вывели из строя гироскопический компас. Линейный корабль стал двигаться вслепую. Командир отдал приказ устранить неисправность. Володя Виноходов в это время находился на корме у вспомогательных приборов.

Служил юнга на корабле недавно, но зарекомендовал себя уже настоящим моряком. Ростом был мал, зато телосложением крепок. К тому же из любого положения

выход умел находить. Не растерялся юный пермяк и на этот раз.

Услышав приказ командира, мальчишка сразу же, не теряя ни минуты, ринулся по 180-метровой длине линкора к носовому гирокомпасу, выпешшему из строя. В том, что он его сумеет исправить, юнга не сомневался. В Школе юнг Володя так его изучил, что знал не хуже преподавателя.

Несколько минут упорной работы, и неисправность не только определена, но и устранена. Угроза безопасности корабля была ликвидирована. Командир корабля тут же по радио сказал юнге большое спасибо. А после завершения похода за отвагу и находчивость, проявленные в трудных условиях перехода, к другим наградам моряка добавилась еще одна — медаль Ушакова.

Были и другие походы, в которых участвовал юнга из Перми Володя Виноходов. Десять орденов и медалей заслужил он в годы Великой Отечественной.

Фарватер чист!

Погода словно взбесилась. Вот уже который день штормило. Время от времени пропитанный влагой воздух прорезали огненные стрелы молний. Вести боевое траление становилось все труднее и труднее. Даже просто удержаться на палубе, когда шальные волны кидают катер из стороны в сторону, и то трудно. А тут еще надо работать. Корабельный радист юнга Женя Волков уже не раз ударялся о переборки рубки, но дела своего не бросал. Да и мыслимо ли в такое ответственное время оставить корабль без связи! Приказ «Траление продолжать!», полученный накануне по радио из штаба, оставался в силе. Вести траловые работы в шторм не принято. И уж если приказывают их продолжать, значит, вызвано это крайней необходимостью. Как после выяснилось, так оно и было. По Ирбенскому проливу на выполнение боевого за-

дания должен был пройти отряд боевых кораблей. И надо же такому случиться, незадолго перед этим над проливом прошли немецкие самолеты, сбросили в него мины.

8-й дивизион тральщиков, в котором служил юнга Женья Волков, был послан на ликвидацию минной опасности. Корабли не покинули море даже на ночь. Почти круглосуточно нес вахту и Волков. Дело для неокрепшего детского организма нелегкое. Но к трудностям Жене не привыкать. Благодаря усиленным тренировкам и вдумчивой учебе в Школе юнг из него вышел моряк не хуже других. Стройный, подтянутый, физически развитый паренек подавал пример другим. Сейчас ему пришлось одновременно работать на УКВ, держать связь с командиром и вести прием и передачу радиogramм на коротких волнах. Но срывов в обеспечении командования связью по вине юнга не было.

— А теперь чуток передохни, — понимая, как нелегко мальцу, сказал командир. — Попробуем обойтись флажным семафором.

— Тогда я пойду другим помогать. Разрешите? — попросился Волков.

— Добро!

Юнга выскочил из радиорубки, закрыл за собой люк и побежал к лебедке, крутить которую, знал, всегда нелегко.

По крутой волне шли еще несколько часов. За кормой рвались мины. Женья без устали работает вместе с другими моряками.

— Ну, а теперь марш на свой боевой пост! Поражмлся и хватит, — заметив, что мальчишка выбивается из сил, приказал командир.

Женья возвращается довольный. Еще бы: ведь при его непосредственном участии тральщик подорвал две мины. Сколько их было всего на счету его корабля, юнга не считал. Корабль тралил воды Финского залива возле островов Эзель и Даго, вдоль побережья прибалтийских рес-

публик. Редко когда приходил на базу, не увеличив счет подорванных мин. Радости Жени не было конца, когда доводилось передавать радиogramмы со словами «Фарватер чист!» Какой-то особой своей заслуги он в этом не видел, но понимал, что и его скромный труд вложен в выполнение боевого задания.

Ныне грудь бывшего флотского добровольца украшают 11 правительственных наград, в том числе орден Отечественной войны II степени и три ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР».

В ночном бою

Кто бывал в Военно-морском музее в Ленинграде, наверное, помнит картину, на которой художник Г. Горшков запечатлел момент тарана миноносцем «Живучий» немецкой подводной лодки. Одним из тех, кто участвовал в этом бою, был юнга-пермяк Иолий Горячев. На корабле он слыл молодым да ранним. Никакой корабельной работы не боялся. Не только электрооборудование знал, которое изучал в Школе юнг, но и любого другого моряка на его боевом посту мог заменить.

Было это осенью 1944 года на Баренцевом море.

К зиме гитлеровское командование сосредоточило на севере до 80 подводных лодок. Многие из них действовали на наших морских коммуникациях, проходивших вдоль Кольского побережья. Здесь враг использовал новое оружие — самонаводящиеся акустические торпеды.

Штормовая погода, полярная ночь затрудняли обнаружение вражеских субмарин. Наше командование приняло необходимые меры, чтобы ликвидировать нависшую угрозу.

Основу противолодочных сил флота составляли лидер «Баку», на котором и служил юнга Иолий Горячев, и девятнадцать эсминцев эскадры. Плавали много. В базу

заходили лишь на несколько часов, чтобы пополнить запасы глубинных мин. И это несмотря на то, что минеры разработали усовершенствование, позволявшее в два раза увеличить комплект противолодочного запаса.

9 декабря 1944 года в поиск подлодок ушли лидер «Баку» и пять эскадренных миноносцев.

В 17.00 корабли вышли из Иоканги тремя группами — по два эсминца каждая. Курс — на норд-вест, к Кольскому заливу. Шли строем фронта. Ход — 16 узлов. Расстояние между группами — 10 миль.

Встречная волна заливала палубу. Леденящие брызги долетали до мостика. Наружное освещение и ходовые огни были выключены. Соблюдалась полная светомаскировка. Места кораблей определялись по светящимся точкам на экране локатора.

Поиск длился уже три часа, а результатов никаких. Притаившийся враг ничем себя не выдавал.

Люди сосредоточены. Наготове.

Время — около 22 часов.

— У Кольского побережья радиоразведка обнаружила семь немецких подводных лодок, — поступило сообщение.

В 22 часа 42 минуты зазвучали колокола громкого боя. По трапам, палубе и надстройкам разбежались на боевые посты матросы и старшины.

По атаке подводных лодок торпедный электрик Иолий Горячев расписан на юте. Он должен сбрасывать крупные глубинные бомбы.

— Полный вперед! Пять градусов право руля! — следует приказ.

Лидер содрогнулся и устремился к цели. За бортом крошечная тьма. Замершие на боевых постах люди ждут дальнейших команд.

— Правый борт — 10, дистанция — 42 кабельтова, малая цель, идет вправо! — поступил доклад из радиолокационной рубки.

Выстрел из носового орудия на мгновение высветил в полярной ночи участок моря.

— Подводная лодка, правый борт — 10, дистанция — 3 кабельтова! — докладывает сигнальщик.

Глядя в направлении, указанном сигнальщиком, Иолий увидел на воде два фосфоресцирующих пузыря. От них в сторону лидера уже бежали светящиеся пунктиры...

Но что это? В непосредственной близости от вражеской подлодки появляется эсминiec «Живучий». Через мгновение треск, скрежет металла. Нос эсминца приподнимается — форштевень корабля вылезает на палубу лодки. «Таран!» — мелькнуло в голове юнга. А «Живучий» уже давил вражескую субмарину своей тысячетонной громадой. Горячев отчетливо слышал панические возгласы гитлеровцев, видимо, не успевших заскочить в лодку.

Протараненная фашистская субмарина делает попытку уйти, скрыться в темноте. Это было видно Иолию по светящемуся буруну от работающих винтов. Но гитлеровцы и здесь просчитались. Выйдя из «мертвого» пространства, лодка попала под огонь пушек и скоро с большим креном на левый борт ушла на дно.

— Приготовить большую серию глубинных бомб! — приказывает командир лидера «Баку».

— Первая! Вторая! — доносятся с мостика команды. Горячев без усталости сбрасывает бомбы за борт.

Из-под воды доносятся мощные взрывы. Осветив прожекторами место гибели субмарины, моряки лидера и эсминцев увидели много обломков, плававших в густой солярке.

Еще один подводный пират выведен из строя.

На всю жизнь в памяти бывшего юнга остались потопление немецкого транспортного судна с живой силой, постановка мин в штормовую погоду, отражение самолетов противника.

За успешные боевые действия против немецких окку-

пантов лидер «Баку» был награжден орденом Красного Знамени. Участие юнги в этих операциях правительство отметило орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Советского Заполярья».

Истребитель мин

К своему новому месту службы, в 4-й дивизион сторожевых кораблей Островной военно-морской базы Краснознаменного Балтийского флота, Женя Григорьев пришел осенью 1943 года. Худенький мальчишка в бескозырке с бантиком пришелся морякам по душе. Этому во многом способствовали его честность, принципиальность, хорошее знание своей специальности и страстное желание бить врага. Работы морякам в ту пору хватало. Боевые походы следовали один за другим. Уже через несколько дней Женя был допущен к самостоятельной вахте у моторов.

Зимой дивизион участвовал в переброске войск через Финский залив. Из-за того, что фарватер находился в поле зрения фашистских наблюдателей и часто обстреливался артиллерией из Петергофа, эту работу приходилось вести по ночам. Для Жени ночные походы были, как шутили матросы, «оморячиванием».

Однажды «морской охотник» нащупали вражеские прожекторы, немедленно начался ожесточенный артиллерийский обстрел. Поднимая вверх столбы воды и ледяного крошева, вокруг рвались снаряды. Но «морской охотник» продолжал движение. Рядом шли тяжелогруженные баржи. Боевой приказ был выполнен.

Не менее напряженным оказалось лето 1944 года. С маневренных баз на острове Лавенсари и в Усть-Луге их корабль часто сопровождал тральщики, занятые боевым тралением. В то лето Женя впервые участвовал в подрыве вытраленных мин. Было это в Нарвском заливе. Наши войска на побережье вели наступление. А моряки

тральщиков должны были прокладывать новые фарватеры, чтобы обеспечить продвижение сил фронта и огневую поддержку с моря приморского фланга сухопутных войск. Тут же были и сопровождавшие их «морские охотники».

Однажды перед очередным выходом в море Женю вызвал командир и сказал:

— Учитывая твои неоднократные просьбы, включаю в подрывную команду гребцом...

В море уже на первом же галсе трал подсек мину.

— Стоп, машины! Подрывной команде приготовить-ся! — поступила команда с мостика.

Женя и два матроса в капковых бушлатах, с тротильными пашками и бикфордовым шнуром в ялике отправились к мине. Юнга греб изо всех сил. Чтобы удобнее было работать и быстрее отойти, подходит к мине кормой.

Неприятная штука — мина. Несколько сот килограммов взрывчатки, упакованные в прочный металлический шар, на котором, как рога, торчат колпачки. В них-то и кроется главная опасность. Достаточно хоть один из них задеть, чуть-чуть смять — произойдет страшной силы взрыв, и от шлюпки и людей ничего не останется.

Женя волнуется, но команды выполняет точно. Осторожно подгребает к самой мине. Один из матросов хватает за рым — кольцо на мине, а другой начинает при-вызывать к ней шашку.

Вот шашка подвешена, бикфордов шнур подожжен. Пора уходить.

— Весла на воду! — командует старший. Рывок! Еще рывок!

Проходит немного времени, и до моряков доносится гул взрыва. Мина подорвана. Еще один участок для безопасного движения транспортов подготовлен.

— Молодец, юнга! — похвалил Женю командир. — Действовал правильно.

— С тех пор Женя в состав подрывной команды, — рассказывал его друг из Бендер, юнга Корнелий Еленев, — включался неоднократно.

Больше о судьбе Жени долго никто ничего не знал. Лишь в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР удалось найти коротенькую справку за № 11773, в которой было сказано: «Юнга Григорьев Евгений Николаевич погиб в море при выполнении боевого задания по тралению 23 июня 1944 года».

Где и как это случилось? Об этом в газете «Правда» от 20 февраля 1984 года рассказал сослуживец Жени, бывший юнга, ныне московский инженер Иван Дудоров.

«Познакомился я с Женей Григорьевым, — писал он, — в команде юнг, отправлявшейся служить на Балтийский флот. Там нас зачислили в дивизион сторожевых кораблей: Женю на катер «морской охотник» № 401, меня — на «морской охотник» № 413. Эти два корабля входили в одно звено. Они участвовали во многих морских операциях...

23 июня отряд катерных тральщиков под прикрытием морских охотников получил задание очистить фарватер к Нарвскому заливу от мин. В районе острова Большой Тютерс у одного тральщика вышел из строя двигатель. Корабль потерял ход, стал дрейфовать к острову. Вражеские береговые батареи начали обстрел. Командир МО-401 принял решение взять тральщик на буксир. При маневрировании в момент подхода к нему на 401-м произошел сильный взрыв. Попал ли снаряд? Взорвалась ли мина?.. Катер разломился. Кормовая часть стала погружаться в воду, носовая осталась на плаву. Половину команды удалось спасти. Над остальными моряками, среди которых был и Женя Григорьев, в 22 часа 10 минут 23 июня 1944 года Финский залив навечно сомкнул свои воды...»

И бескозырка на волне...

Он прожил на свете всего шестнадцать лет. Всего шестнадцать! Прожил славно — взахлеб, горячо. Торопился: словно знал, что времени ему отпущено немного.

Дружная семья катерников 1-й Краснознаменной ордена Нахимова I степени бригады торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота приняла Володю Дьякова по-отечески.

Юнга вместе с другими моряками участвовал в лихих атаках на вражеские корабли, минных постановках в акваториях врага и на его коммуникациях, высадке десантов.

Спокойный и исполнительный, старательный и дисциплинированный, он с первых же дней зарекомендовал себя знающим свое дело моряком, надежным товарищем. Чувствовал себя на корабле как дома.

И полетели на родину в Прикамье отцу Ивану Ивановичу и матери Валентине Ильиничне полные оптимизма письма-треугольнички, сообщавшие о том, что служба идет хорошо, беспокоиться о нем не надо, принят в комсомол, стал гвардейцем. Письма маленькие, написанные впопыхах, в перерывах между боями. В одном из них Володя извиняется, что пишет мало; устал, слипаются глаза. Обещает в будущем написать больше.

Однако следующего письма написать ему не довелось.

О том, как воевал юнга Дьяков, в какой-то степени можно судить по копии наградного листа, полученной из Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР:

«В атаке против кораблей противника в Выборгском заливе 20 июня 1944 года т. Дьяков обеспечивал бесперебойную работу моторов, что способствовало успешному маневрированию ТКА при выходе в атаку и потоплению миноносца противника.

При выходе из атаки прямым попаданием и осколками рвущихся кругом снарядов катеру были нанесены подводные пробоины, поврежден мотор, пробиты бензобаки. Корабль стал носом погружаться в воду. В машинное отделение начали поступать вода и удушливые газы вытекавшего бензина. Дьяков энергично принялся заделывать пробоины и откачивать воду. Когда заглох второй мотор, катер был взят на буксир. По пути в базу т. Дьяков с товарищами продолжал бороться за спасение катера, откачивая все время воду из отсека. На базе, не сходя с ТКА, участвует в ремонте катера по заделке пробоин и ликвидации других повреждений...

В бою тов. Дьяков вел себя смело и отважно.

За мужественное и стойкое поведение во время потопления миноносца противника и напряженную работу по спасению катера достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Командир 1 гвард. дивизиона
торп. катеров БТК КБФ
Герой Советского Союза
капитан 3-го ранга О с и п о в.

30 июня 1944 года».

Получить награду юный моряк не успел. На следующий день его не стало. Вот как описывал его гибель в своем письме от 29 июня 1945 года матери Володи его друг Владимир Евгеньев:

«В ночь на 1 июля 1944 года в Финском заливе произошел крупный бой. Вражеских кораблей было в несколько раз больше, чем наших. По катеру, где был Володя, вели сильный артогонь. Корабль подошел к врагу ближе всех. В момент выпуска торпеды в него попал снаряд. Володя в это время находился в машинном отделении. Снаряд разорвался рядом с ним. Володя был убит наповал. Спасти его не было уже никакой возможности. Катер горел. Оставшиеся в живых члены команды выбро-

сились за борт. От подбитого катера осталось лишь несколько дощечек и бескозырка на волне... Юное тело вазшего сына навсегда поглотили холодные воды Балтики...»

В апреле 1947 года в адрес матери юнги Валентины Ильиничны пришло извещение. В нем сообщалось, что «погибший 1 июля 1944 года гвардии краснофлотец Дьяков Владимир Иванович был награжден орденом Отечественной войны II степени, который по статусу имеют право хранить родители...»

Ныне этот орден, переданный отцом героя Иваном Ивановичем Дьяковым, хранится в Пермском краеведческом музее.

На боевом посту

Баренцево море штормило. Но эсминец «Разумный» Северного флота, несмотря ни на какие трудности, продолжал выполнять боевой приказ по сопровождению и боевому охранению транспортных судов союзников. Юнга Игорь Еловилов наравне с другими членами экипажа через каждые четыре часа стоял вахту у турбогенераторов. От их исправной работы зависели управление кораблем, надежность связи, безотказность орудийных и торпедных установок.

Огромные волны качали и бросали корабль из стороны в сторону, но юнги моряк вахту нес исправно. Одной рукой держась за поручень, другой регулируя подачу пара, обороты двигателя, поддерживал постоянное напряжение в электрической сети.

Отстояв вахту, можно было пойти отдохнуть, чтобы спустя четыре часа опять приступить к выполнению своих обязанностей. А через палубу одна за другой перекатывались огромные холодные волны. Малейшая неосторожность — и окажешься за бортом. Добраться до кубрика в кормовой части корабля — дело непростое. Из-за

этого иногда приходилось отдыхать тут же, на боевом посту.

Вражеские надводные корабли и подводные лодки пытались помешать проходу транспортов в наши порты даже в плохую погоду. Нападали на транспортные суда неожиданно, ночью. Часто, бывало, вместо отдыха после вахты юнге приходилось по боевой тревоге бежать на пост возле прожекторов, а в случае ранения кого-нибудь из боевого расчета корабельной пушки подносить снаряды или заряжать орудие. По аварийной тревоге при выходе из строя турбогенераторов юнга нес вахту возле дизель-генераторов. Он же отвечал за приборы рулевого управления кораблем. А руль на эсминце — это огромный агрегат, поворачивающийся с помощью электродвигателей и сложной электросистемы. Работы хватало.

После того как боевые корабли провели транспортные суда до советского порта разгрузки, надо было зайти в Кольский залив. Погода немного утихомирилась, но тут их, оказывается, подкарауливали две немецкие подводные лодки, спасавшиеся во время шторма на глубине. Шедший в паре с «Разумным» эсминец «Живучий» одну из подлодок протаранил, а потом отошел назад и окончательно добил артиллерийским огнем. Другая подлодка, стараясь скрыться, пошла на погружение. Но при помощи гидролокаторов советские моряки обнаружили ее и атаковали глубинными бомбами. В результате обе лодки врага нашли свое вечное пристанище на морском дне.

Впоследствии было установлено, что одна из лодок имела номер «V-387» и в фашистской стае подводных хищниц считалась самой боевой.

Вместе с другими моряками эсминца Игорь участвовал в обстреле вражеских портов, уничтожении немецких батарей, высадке десантов.

В конце октября 1944 года эскадре в составе четырех эсминцев был дан приказ проникнуть на коммуникации противника и ворваться в порт Варде. Атака проходила

глубокой полярной ночью. Юнга Еловиков находился на боевом посту возле прожекторов, откуда была видна вся панорама боя. Корабли на полном ходу вошли в порт, развернулись в боевой порядок и из всех орудий открыли огонь по вражеским судам, находившимся возле причалов, по береговым сооружениям, складам с боеприпасами и немецким береговым батареям.

Все происходило так быстро, что юнга о свистящих кругом пулях и снарядах даже не думал. Все помыслы молодого моряка были направлены на точное исполнение команд командира и своих обязанностей. Из этой боевой операции наши корабли вышли почти без повреждений. А врагу был нанесен огромный урон, что помогло десантным войскам быстрее и с меньшими потерями освободить порт от немецко-фашистских захватчиков.

Юнга принял участие в освобождении от немецких войск не только советского Заполярья, но и норвежских вод.

Командование службой юнги из Перми было довольно. Не раз отмечало его в приказах, наградило орденом Отечественной войны II степени и рядом медалей.

Впередсмотрящий

Юнгу из Добрянки Володю Зуева судьба забросила с Белого моря на Азовское. Его катер занимался уничтожением бесчисленного количества мины, которыми начинали фашисты наши морские просторы.

Рулевому-сигнальщику надо было смотреть в оба, иначе беды не миновать. Мальчишка в бескозырке с бантиком во время боевых походов был особенно старателен, серьезен. Громко и как-то торжественно повторяя команды, исполнял их с усердием. А в глазах искрилась гордость: «Вот и мы, юнги, — настоящие моряки! Вот и мы воюем на море, а не только носим красивую форму!»

Первый взрыв мины в трале запомнился юному моряку особенно. Вздрыгнувший огромный султан кипящей воды, взметнувшиеся в небо камни, ил и грязь произвели на него ошеломляющее впечатление.

— Ой, сколько рыбы плавает! Давайте собирать! Полакомимся... — отпустив штурвал и захлопав в ладоши, воскликнул Володя.

Взрослея не по годам, он в чем-то все равно оставался еще непосредственным мальчишкой.

— Не отвлекайся! Не вилай на курсе. А то как бы рыба не полакомилась нами, — усмехнувшись, добродушно посоветовал командир.

Как-то корабль получил опасное задание. Для его выполнения катеру нужно было ночью проникнуть на минное поле, поставленное противником. Оно было таким плотным, что там и днем тралили с большим риском.

Вся надежда — на знания и опыт рулевого, который должен был провести корабль по точно заданному курсу.

Экипаж катера нес бессменную вахту всю ночь. Юнга сосредоточенно всматривался в ночной мрак, чтобы своевременно обнаружить всплывшую мину и точно провести катер в заранее проделанном проходе. Он, как и все, ни разу не покинул своего боевого поста. На предложения командира спуститься в кубрик и хоть немного отдохнуть отвечал:

— Все заняты своим делом. И я делаю свое. С поста не уйду...

Командир катера был доволен службой добрянского юнга. Не раз ставил его в пример всей команде. И для экипажа не стало неожиданностью, когда сам командир бригады капитан 2-го ранга Катунцевский вручил молодому моряку медаль Ушакова.

Заслужил впоследствии Володя и другие награды. Но самой дорогой из них он считает все-таки эту, напоминающую ему о своем полном романтики боевом отрочестве.

Грохотали взрывы над морем

Этот выход в море запомнился юнге Василию Исакову на всю жизнь. Еще бы... Во время этого похода он впервые лицом к лицу встретился с настоящей миной. Когда она вдруг показалась в зоне видимости, безмятежно и в то же время зловеще покачивающаяся на волнах, с худеньким, небольшого роста, с голубыми глазами мальчишкой начало происходить что-то странное. Такое огромное, без конца и края, море вдруг неимоверно сузилось. Его внимание сосредоточилось только на смертоносном шаре, и стало казаться, что мина прямо на глазах разрастается до огромных размеров. Юнга тут же почувствовал стук собственного сердца, услышал свое дыхание. «Боюсь», — с ужасом подумал Василий. Да, он испугался, но штурвала не бросил. Только украдкой взглянул на рядом стоящего командира. Неужели заметил?

— Ничего, бывает, — будто ничего особенного не произошло, сказал тот. — Это только на первых порах. Пройдет.

Уже через неделю Вася на боевое траление выходил так же спокойно и уверенно, как год назад отправлялся в родной Перми на работу в ремесленное училище, где по двенадцать часов в сутки делал для фронта мины, гранаты и финские ножи, или на курсы снайперов, где всю зиму и весну в свободное от работы время учился искусству маскировки, выжидания противника и меткой стрельбе из боевой винтовки с оптическим прицелом.

Теперь все это было позади. Незаметно прошел год обучения в Кронштадтской Школе юнг, и вот он уже получил допуск на самостоятельное несение вахты у штурвала. Ведомый им катер изо дня в день вот уже третий сезон занимался боевым тралением. Дело это прямо-таки ювелирное, требующее огромного мастерства. Умение рулевого состоит в том, чтобы провести траль-

щик сначала над миной, причем так, чтобы корпусом корабля не задеть ее. А потом мина попадает в сзади тянущийся трал. Конечно, опасность есть, причем немалая. Но Вася Исаков — рулевой одного из тральщиков 8-го дивизиона 1-й Краснознаменной бригады траления Краснознаменного Балтийского флота — делает это мастерски. Он давно зарекомендовал себя хорошо знающим свое дело специалистом, считал свое опасное занятие обыденной черновой работой пахарей моря.

Тралить мины приходилось весь световой день, с ранней весны до поздней осени. Каждый катерный тральщик за навигацию вытравливал от 80 до 100 и более мин.

Добросовестная работа Васи Исакова на боевом тралении была отмечена командованием множеством благодарностей и почетных грамот.

Случай в походе

Морские бои юнге из Чусового Мише Кагокину запомнились как-то не особенно. Шла война — без боев и потерь было не обойтись. А вот случай, когда смерть заглянула в глаза в мирное время, остался в памяти на всю жизнь.

Шло лето 47-го года, однако плавание на Балтике было еще далеко не безопасным. Между портами были протралены широкие фарватеры. Но, случалось, штормы срывали мины с якорей, и тогда они по воле ветра и волн странствовали по морям.

В один из июльских дней отряду морских бронекатеров дивизиона было поручено сопровождать в Ленинград броненосец береговой обороны «Выборг».

Ранним утром четыре корабля вышли из базы, заняли свои места в походном строю и взяли курс на Ленинград. Катер Миши шел справа от броненосца. День выдался хороший, солнечный, ветра не было, но море после недавнего шторма еще не успокоилось, гуляло волнами.

Вошли в Финский залив. Время обеденное. Командир корабля капитан-лейтенант Баранов сдал вахту своему помощнику, молодому, только недавно прибывшему из училища лейтенанту и пошел в кают-компанию. Подменить Кагокина на обед было некому. Второго рулевого на катере нет. Боцман принес ему суп и хлеб прямо в боевую рубку. Рулевой приступил к еде, а боцман встал за штурвал.

Во время похода на носу катера постоянно находился впередсмотрящий с биноклем на груди и мегафоном в руках, в обязанности которого входило наблюдение за поверхностью воды прямо по курсу. Гудели моторы. Стрелки тахометров показывали 1200 оборотов в минуту, что соответствовало полному ходу. И вдруг Кагокин заметил, что впередсмотрящий, крича, бежит с носа к рубке.

Миска с супом летит в сторону. Кагокин высывает в верхний люк и прямо по курсу корабля в нескольких десятках метров от него видит... мину. Юнга тут же хватается за штурвал. Решение пришло и было выполнено мгновенно: руль право на борт — катер сильно накреняется — и тут же руль влево. Почувствовав неладное, выскакивает из кают-компания командир, а мина уже слева по борту. Опасность миновала.

Как после выяснилось, впередсмотрящий увидел мину своевременно и сразу же об этом сообщил, но помощник из-за гула моторов доклада не услышал. А боцман, исполнявший в это время обязанности рулевого, изучал показания компаса. Впередсмотрящий крикнул вторично, а когда мина оказалась совсем близко, не выдержал и, вспоминая бога, побежал к боевой рубке. Его «молитва» и быстрая реакция на происходящее юнги отвели неминуемую беду.

Тем временем командир оценил обстановку, застопорил ход, и на «Выборг» полетел сигнал:

— Вижу плавающую мину.

С флагмана тут же просигналили:

— Мину расстрелять! Занять свое место в строю!

Команды были выполнены немедленно.

Случай с блуждающей миной еще долго напоминал морякам о том, что и в мирное время надо быть предельно бдительными, нести службу так, как предписывают уставы и наставления.

За умелые действия во время похода Миша Кагокин получил отпуск на родину.

Будни флотские, военные

Отправляясь на Балтику, Толя Казаков мечтал о боевых походах, а попал в... ОВСНК (отряд вновь строящихся надводных кораблей), размещавшийся на Васильевском острове. Получилось это, наверно, из-за его внешнего вида. Уж очень мальчишка из Нытвы был мал и худ.

Юнга вместе с другими моряками, рабочими Балтийского судостроительного завода имени С. Орджоникидзе, строил тральщики. Каждый член экипажа, согласно полученной на флоте специальности, был приписан к какому-нибудь цеху. Как радист, Толя занимался оборудованием радиорубок. Монтировал и устанавливал в них радиоаппаратуру.

После завершения строительства корабли тут же проходили заводские, швартовые и другие испытания. Если кто из рабочих или команды допускал какую-нибудь оплошность, недоработку, она тут же вскрывалась. Строившие тральщики моряки, завершив работы, дальнейшую службу на флоте проходили на своих же детищах.

Подошла очередь идти в море на только что спущенном со стапелей корабле и Толе. Этого дня он ждал давно. Был готов к нему.

...Осень. Подъем сыграли, как обычно, в пять утра. В шесть тральщики вышли пахать море в районе Фин-

ского залива. Неласковый ветер обжигал лица матросов. Одна за другой звучат команды перестроиться из кильватерной колонны уступом, застопорить машины, минам — наверх, поставить тралы. Лебедка, работу которой обеспечивает Толя, как и другие, обледелела. Волны окатывают юного моряка с ног до головы. Но Толя не хнычет, работает наравне с другими. Вот где пригодилась закалка, полученная в Школе юнг на далеком севере.

— Тралы готовы! — последовал доклад командиру.

Снова взревели моторы. Тральщики, натянув «поводья», впрягаются в дело. Вскоре раздается оглушительный взрыв. Еще одной миной стало меньше.

Юнга изо дня в день не только несет радиовахты, но и помогает морякам в выполнении траловых работ. Однако главная забота Толи все же — обеспечение командования радиосвязью. Тут он мелочей не признает, работает старательно. Получил несколько поощрений. Служить бы так и дальше, но не повезло — получил ранение. Командование отправило юнгу на лечение в один из госпиталей Ленинграда. После выздоровления Толя несет караульную службу в 147-й отдельной стрелковой роте, опять строит корабли, работает на посту службы наблюдения и связи. И куда бы военная судьба ни забрасывала юнгу, везде он проявляет храбрость, боевую отвагу и верность воинскому долгу. Итог службы: ранение, орден Отечественной войны II степени, 9 медалей и более двадцати благодарностей.

В трудных походах

В первых числах октября 1943 года отряду торпедных катеров Черноморского флота, в котором служил юнга из Краснокамска Женья Ларинин, была поставлена задача: ночью, скрытно высадить на берег Тамани группу разведчиков. Погода выполнению приказа благопри-

ятствовала. Штормило. Низко ползли серые облака. Моросил мелкий непрерывный дождь.

Катера сначала шли курсом на северо-запад. Женя все внимание сосредоточивает на картушке компаса. Она должна стоять мертво, а не носиться, как бешеная, из стороны в сторону. Удерживать ее юнге-рулевому удавалось с большим трудом.

Затем катера повернули на север, навстречу ветру, против волны. Наконец подошли к Тамани.

Неожиданно слева от катерсв вспыхнул прожектор, потом другой, третий. Их лучи впились в серую дождливую мглу, еле пробивая ее. Они ползли по воде сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Только бы не заметили! Только бы пронесло!

Ведущий катер сбросил ход, заглушил моторы. То же сделал и катер Ларинина. Луч прожектора пополз в их сторону. Чиркнул по ведущему кораблю, проскочил его, остановился. Не прошло и двух-трех минут, как фашисты открыли по этому квадрату огонь из орудий. Сначала снаряды рвались с перелетом. Но вот один разорвался недалеко от катера. Столб воды, поднявшийся вверх, обрушился на корабль. Женя сжался, втянул голову и тут почувствовал, как на плечо легла рука командира.

— Держись, не дрейфь! — сказал он спокойно.

— Держусь, — ответил юнга.

Вблизи разорвался еще один снаряд. Грохот взрыва заложил уши. По правой ноге потекло что-то теплое. Пошевелил ногой — действует. Пощупал — пальцы наткнулись на острую кромку металла. Резкая боль. Захватил. Дернул. В руке оказался небольшой кусочек железа с острыми, как бритва, краями. Осколок полетел в сторону. Командир понял, что Женя ранен, взял руль. Юнга скинул бушлат, сбросил с себя голландку и тельняшку. Оторвал от нее рукав и сделал себе перевязку. Снова вернулся на боевой пост. Вроде бы все делал быстро, но еще быстрее менялась обстановка. Внезапно погас-

ли прожекторы, прекратился артиллерийский обстрел. Женя облегченно вздохнул: «Обошлось». Можно выполнять боевую задачу дальше.

К берегу подошли тихо. Глубина оказалась небольшой. Разведчики спустились в воду. Прячась за камнями, бесшумно вышли на берег. Скоро на корабле увидели один короткий и один длинный световые сигналы. Значит, все в порядке. Можно уходить. Катера ложатся на обратный курс. С приглушенными моторами отходят от берега, набирают скорость и скрываются в серой дождливой пелене. Боевое задание выполнено.

В ноябре 1943 года Женя был переведен в 1-ю бригаду траления-заграждения, на БТЩ «Якорь». Очищает от мин фарватеры, рейды, порты Новороссийска, Феодосии, Керчи, Ялты, Севастополя, Евпатории, Одессы, Констанцы.

...Как-то на рассвете тральщик был обнаружен немецким самолетом-разведчиком. Вскоре над кораблем появилось 9 «юнкерсов». Началась бомбежка. Но, потеряв одну машину, фашисты ушли. Потом появились еще шесть немецких самолетов. Снова разгорелся бой. Загорелся еще один вражеский «юнкерс», однако свою затею — потопить тральщик — немцы не оставили. Прошло меньше часа, и снова над морьями закружились фашистские стервятники. Моряки стойко отражали их атаки. 100-миллиметровое орудие от непрерывной стрельбы раскалилось настолько, что краска на нем вздулась, почернела и задымилась. Заклинило затвор.

Бомбежка продолжалась дотемна. В общей сложности в налете на тральщик в тот день участвовало 98 самолетов противника. Отражая атаки немецкой авиации, моряки тральщика сбили четыре самолета и повредили два. Победа далась нелегко. Тральщик получил значительные повреждения. Разошлись швы в кормовой части корабля. Были полностью затоплены румпельное, минное отделения, баталерка. В кормовом кубрике вода стояла

выше пояса. Полузатопленными оказались машинное отделение, кормовой и носовой отсеки. Вышло из строя рулевое устройство. Управлять кораблем Жене Ларинину пришлось из румпельного отделения, стоя по шею в воде. Но, несмотря ни на что, корабль был спасен и пришел в Потти своим ходом.

Приказом командира 1-й бригады траления Черноморского флота № 15 от 20 октября 1945 года рулевой БТИЦ Ларинин Евгений Николаевич был награжден орденом Красной Звезды.

После окончания войны Женя принял участие в перевозке трофейных кораблей с Балтийского на Черное море, побывал в Северном, Средиземном морях, Атлантическом океане, повидал берега Англии, Португалии и Африку.

Личный пленный

Случилось это на территории Австрии.

— Лагунова к командиру! — слышалась команда.

Небольшого роста мальчишка в форме моряка с узенькими погончиками на фланелевке с буквой «Ю» тут как тут.

— Опять карабин на ремень не по уставу берешь? — делает замечание командир.

— Так сподручнее, товарищ лейтенант. Когда прикладом вверх, руку скидывать быстрее.

— Разговорчики... Вместе со старшиной пойдешь искать гвозди. Ботинки у матросов пообились...

— Есть! — юнга вопросительно смотрит на стоящего рядом старшину Варганова.

— Что? — спрашивает тот.

— Далеко пойдём, товарищ старшина?

— Ещё не знаю.

— Я в смысле того, сколько патронов брать...

— Пойдём берегом по рыбацким домикам. У рыбаков

всегда на полочках баночки с крючками да гвоздями и другим скарбом. Тут близко.

— Тогда пять штук хватит.

Вот и первые три домика. На двух висят замки, на третьем — нет.

— Вот в него и заглянем, — решает Варганов.

Миша встревожился.

— погоди, старшина. Я тут утром был. Замок висел, а сейчас его нет.

— Уже и здесь побывать успел... Вот я тебе... Ну и что? Может, рыбачок появился. А может, кто из наших, вроде тебя, сбил замок.

— Да из наших никто сегодня сюда не ходил. А местное население все еще в погребах сидит.

— Тогда так: встань со своей «пушкой» против двери на полном боевом, а я дверь рвану.

Рывок — и дверь распахнута. В тот же миг что-то со свистом проносится над головой юнги, и бескозырка уже лежит на земле.

— Руки вверх!

Из черного проема двери, дрожа от страха, выходит здоровенный верзила.

— Держи его на прицеле. В случае чего, не мешкай! — приказывает старшина. — Обыскать надо.

Старшина заходит задержанному за спину и хлопает его по карманам. На землю, к ногам изумленного юнги легит нож, другой, третий... пятый. А шестой застрял в бескозырке. Ножи все одинаковые и какие-то не армейские — длинные, узкие, с легкой деревянной ручкой. Больше в карманах ничего нет.

Верзила исподлобья смотрит на юнгу. Тот отвечает немцу тем же, внимательно следит за каждым его движением.

— Стой как надо, а то враз мозги вышибу!

Варганов ведет допрос. Здорово старшина по-немецки «шпрехат» умеет. «А я вот не могу, — думает юн-

га. — И в школе по немецкому плохие отметки нередко получал. И не потому, что не способен, просто не хотел учить фашистский язык. Балда. Вот о чем они говорят?»

— Ну, все ясно, юнга. Этот «артист» в самом деле артист. В цирке до войны работал. Повезло тебе, что ростом мал, а то бы он снял с тебя скальп. Не ожидал, что мишень такая низкая будет. Заранее нацелился, как на обыкновенного роста человека. Говорит, первый раз промахнулся.

— А ну, фашист, пошли — отвоевался! — приказывает старшина задержанному. — Держи его на прицеле, вишь, рожка-то какая.

— В приключение, значит, влипли, — выслушав доклад Варганова, говорит командир. — А смекалка у тебя, юнга, есть. Молодец! Считай, что это твой личный пленный. За проявленную бдительность объявляю благодарности. Ну, а гвозди вы мне все-таки принесете или нет?

Так вот закончилась эта необычная история.

О других боевых делах в годы войны юнге-ветерану напоминают орден Отечественной войны II степени и несколько медалей.

Юнге и шторм нипочем

Флоту пермяк Михаил Маковкин отдал без малого девять лет жизни. Служил на крейсере «Красный Кавказ», гвардейском эсминце «Сообразительный», эсминцах «Огневой», «Бесстрашный», на других больших и малых кораблях. Во всяких переплетах бывать доводилось. Война есть война. Но до малейших подробностей юнге запомнились не бои и боевое траление, когда каждый моряк постоянно рисковал жизнью, а обычный рядовой поход по Черному морю.

Было это уже после войны, когда союзники по антигитлеровской коалиции производили разоружение Германии и Италии. Эсминец «Огневой» получил приказ

встретить в районе Босфора итальянский крейсер и привести его по проложенным фарватерам в Одессу.

Во второй половине дня погода, как говорят моряки, стала крепчать. К ночи на море разыгрался сильнейший, баллов до двенадцати, шторм.

130-метровый эсминец с командой в 370 человек бросало на волнах, как щепку. Крен доходил до критических отметок. Стоять на палубе и передвигаться по ней стало невозможно. Не только палуба, но и надстройки заливались водой. Даже опытные моряки страдали от морской болезни, из-за чего юнге, легко переносившему качку, всю ночь пришлось стоять на руле.

Из ходовой рубки было хорошо видно, что делается не только на корабле, но и на море. Эсминец то и дело накрывали волны. Были моменты, когда корабль врезался в очередную волну, и та его как бы останавливала. Бак, носовую башню заливала вода. Об отдыхе не могло быть и речи. Люди работали всю ночь. Миша тоже. Особенно доставалось машинной группе, так как помещения были задраены и воздуха туда поступало очень мало. Бесперывно работали аварийные команды: крепили оборудование, откачивали поступавшую в отсеки корабля воду. Механики для сохранения остойчивости корабля по мере расхода топлива тут же заполняли топливные цистерны водой. Информация о состоянии боевых постов, делах моряков по обеспечению живучести корабля постоянно поступала на командный мостик.

Из сильнейшего шторма корабль вышел в полной боевой готовности, без повреждений и жертв. Была в этом заслуга и рулевого Миши Маковкина. За обеспечение во время похода хода корабля командование флота объявило ему благодарность.

Всю жизнь в разведке

В детстве Гена Мерзляков мечтал стать разведчиком. Но судьба распорядилась по-другому. В Школе юнг лю-

бознательного паренька определили в роту радистов. Получив свидетельство с отличием, Мерзляков стал радистом одного из тральщиков Краснознаменной Балтики. В первое время выходил из радиорубки лишь на завтрак, обед и ужин. Приемник и передатчик на катере оказались для юнга неизвестными, и он занимался их изучением. В установленные часы внимательно слушал эфир. Освоив навыки, необходимые радисту корабля, начал скучать.

— Все делом занимаются, а я, бывает, баклуши бью, — жаловался юнга командиру и просил в свободное от несения радиовахт время направлять его в подрывную команду.

Видя любознательность мальчишки, командир посоветовал сначала изучить устройство орудия и пулемета, правила стрельбы из них. Убедившись, что он их уже знает, как-то доверил расстрел мин.

Юнга выполнил приказ с первой очереди.

— Молодец! — похвалил командир. — Теперь с помощью старшины изучай технику подрыва плавающих мин. Пригодится.

Радости юнга не было конца.

Именно в эти дни в одном из писем ко мне писал: «Иду от победы к победе. В Школе юнг научился отлично стрелять из карабина, здесь — из пулемета и пушки. На Соловках освоил вождение шлюпки, здесь — катера. В детстве мечтал стать разведчиком — не удалось. Но не беда. Я и здесь чувствую себя, как в разведке. Только в своей голове фиксирую не объекты врага, а боевую технику. Сейчас на корабле, пожалуй, нет механизма, которым бы я не мог управлять. Хочется думать, в борьбе с врагом это пригодится».

Так и случилось.

...Снялись по тревоге часов в пять утра.

— Идем к Гогланду, — объявил командир. — На траление.

Стало ясно, почему накануне катера, кроме штатных тралов, получили еще запасные.

До начала вахты времени оставалось еще много.

— Разрешите работать вместе со всеми, — попросил командира юнга.

— Действуйте!

Другого ответа Гена не ждал. Он давно убедился, что командир поверил в его знания и умение выполнять любые необходимые на корабле работы.

И вот юнга уже проверяет тросы, подрывные патроны, тральную лебедку...

В это время на головном катере, где держал свой брейд-вымпел командир дивизиона, поднялся на рее флажный сигнал.

Катер Гены отрепетовал, и тут же раздалась команда:

— По местам стоять, трал ставить!

Дивизион по легкой волне идет от Гогланда в сторону Тютерсу. Идет час, другой, галс за галсом. В тралах взрываются мины. Гена, обливаясь потом, без конца крутит ручку лебедки. Это адский труд. Но юнга не жалуется. Наоборот, он доволен, что не сидит без дела.

Мин в Балтийском море несметное множество. Бывало, дивизион за сутки вытраливал до ста штук. Ради экономии времени иногда на ночь корабли становились на якоря вблизи района траления. Несколько часов отдыха, и с рассветом — опять на фарватер.

Когда командир лично убедился, что юнга дело минера изучил в совершенстве, стал включать Гену в состав подрывной команды. Служба юнга стала опасней, но зато интересней. Гена, по примеру пехотинцев, ведущих счет убитых фашистов по зарубкам на прикладах автоматов, открывает счет подорванных им мин, количество которых отмечает палочками на одной из переборок своей радиорубки. Их было уже восемь.

...Море штормило. В такую погоду катерами-тральщиками обычно не рисковали, но уничтожение мин не

прекращалось. Выходили в море на шлюпках под моторами. Их обычно сопровождал катер легкого типа, на котором находились командир группы, флагманский минер и штурман. Сегодня шлюпок несколько. На той, где Гена, команда из трех человек: рулевой, моторист и минер. Обязанности последнего сегодня разрешено выполнять Гене. В походе он же и сигнальщик. Шлюпка медленно идет заданным курсом. Юнга пристально всматривается в волнующуюся поверхность моря. Моряки выполняют свои обязанности молча, словно бояться испугнуть притаившуюся в пучине моря мину. Но где она?

— Слева по борту! — кричит юнга.

Тут же мину замечают и другие.

Рулевой подводит шлюпку к мине с подветренной стороны как можно ближе, с трудом удерживает ее на месте, почти у самой мины. Гена передает на катер сигнал «Обнаружена мина», тут же, по команде старшего, набирает полную грудь воздуха и прыгает за борт. Выныривает на поверхность моря с подрывным патроном в руках и прикрепленным к нему длинным бикфордовым шнуром в непосредственной близости от мины. Свободный конец шнура — на борту шлюпки.

Команда с тревогой следит за действиями Гены. Наступил самый ответственный, самый опасный момент. Юнга, подплыв к мине, осторожно навешивает на свинцовый колпак запала подрывной патрон, чтобы не смыло, закрепляет его и быстро возвращается к шлюпке. Ловко подтягивается на руках и с помощью товарищей переваливается через борт на ее дно. Рулевой поджигает бикфордов шнур, шлюпка, оставляя за кормой пенистый бурн, делает резкий разворот и устремляется подальше от того места, где должен произойти взрыв. Он будет минут через десять — таково время горения бикфордова шнура.

Вернувшись на тральщик, на переборке радиорубки Гена ставит очередную, девятую, палочку.

Весной 1944 года Гену перевели в отряд малых базо-

вых тральщиков, прозванных моряками по водоизмещению «стотонниками».

Т-459, на который он попал, в базе почти не стоял. После Гена так вспоминал службу на нем: «Исходили мы на этом тральщике всю Балтику вдоль и поперек. Трлили воды около Ленинграда, Финляндии, Эстонии, Литвы, Польши, Германии. В сопровождении транспортов ходили в Данию, Швецию...»

За героизм, проявленный при разминировании водных просторов Балтийского моря, юнга-пермяк был награжден орденом Красной Звезды.

Последний бой

...Около трех часов ночи моряков подняли по тревоге. Построили на плацу. Занял свое место в строю и юнга Аркаша Михалев. На корабль он пришел совсем недавно, но уже успел стать любимцем команды. Матросам и старшинам нравилось его трудолюбие. Маленький, юркий мальчишка за любое дело брался, каждому свою помощь оказать старался. Ни одно дело на корабле без него не обходилось.

Раздали боеприпасы, поставили задачу: прочесать южную часть залива Фриш-гаф, обнаружить и уничтожить группу диверсантов, просочившуюся со стороны Польши. Вдоль границы эту же операцию проводили пограничники и некоторые части гарнизона города.

На исходные рубежи вышли на рассвете. Рассредоточились по ширине берега в зарослях тростника и по команде, переданной по цепочке, стали двигаться по прибрежной части залива. Шли с автоматами и гранатами наготове, по пояс в воде, в полутора-двух метрах друг от друга.

Начинало светать. Вместе с рассветом прозвучали первые выстрелы. Лазутчики отступали в глубь леса, стараясь оторваться от преследования. Аркаша бил короткими

очередями по вспышкам выстрелов. К сожалению, из-за темноты вести прицельный огонь было нельзя. Диверсанты понимали это и старались уйти от преследователей. Они и не предполагали, что атакующие цепи моряков и пограничников ждут их и там, куда они старались удалиться. Кольцо окружения хоть и медленно, но верно сжималось. Чем меньше оно становилось, тем жарче разгорался бой. Постепенно огонь противника стал ослабевать. Через полтора-два часа все было кончено. Почти вся группа диверсантов была уничтожена. Моряки не потеряли ни одного человека. Так для них закончилась война. Командующий Прибалтийским пограничным округом за успешную ликвидацию диверсионной группы объявил балтийским морякам благодарность.

На крейсере «М. Горький», входившем в состав эскадры Краснознаменного Балтийского флота, и крейсере «Железняков» Северного флота юнгу из Перми Аркадия Михалева знали как храброго, исполнительного моряка, на которого можно было в любом деле положиться, как на самого себя.

За службу в рядах Вооруженных Сил в годы войны бывший юнга Аркадий Максимович Михалев награжден орденом Отечественной войны II степени и несколькими медалями.

Рядовой Неклюдов

Жизнь Ивана Васильевича Неклюдова легкой не назовешь. Да о другой он и не думал, делал ее сам. В тринадцать лет он, будучи мальчишкой, добывается направления в качестве воспитанника в 416-й Кунгурский стрелковый полк, собиравшийся в то время в летние лагерь. Вечером 21 июня 1941 года был уже в военном лагере Дрэтунь. Утром следующего дня в части узнали, что враг перешел границу. Война. Все собрались на митинг. Поклялись до последнего дыхания защищать Ро-

дину. Дал клятву и Ваня. Прямо с митинга бойцы замаршировали в сторону границы. Ваня вместе с такими же мальчишками — военными музыкантами, как он, был оставлен для охраны складов. Только приступили к исполнению своих обязанностей, в небе появился вражеский самолет. Покружился, присмотрелся и, сбросив несколько бомб, улетел. Потом бомбили ежедневно. Передовая постепенно приближалась к лагерю. Поступил приказ об эвакуации.

Трудной и долгой была дорога до Москвы. Поезд шел тихо, с многочисленными длительными остановками. Ехали без пищи, в товарняке, спали прямо на узлах. Время от времени в небе появлялись самолеты с крестами на крыльях. Сначала бомбили, а потом расстреливали эшелон из пулеметов. Появились раненые, убитые. Были они и среди музыкантов.

Путь ребят лежал на восток, на место постоянного базирования полка. Но здесь юными воинами распорядились не так, как им бы хотелось.

— Ну что ж, пороху ты уже понюхал и, кто знает, может, придется еще. А пока поезжай-ка обратно в Оханский детский дом, — сказали Ване.

Паренька это мало устраивало, но приказ есть приказ. Подчинился. Стал продолжать учиться, работать и мечтать о фронте. Но до призывного возраста мальчишке было еще далеко. Неожиданно узнает о наборе в Школу юнг. Принят! Прошел год учебы, и вот он уже на Тихоокеанском флоте.

Служить юнгой Ване не пришлось. Его сразу же назначили командиром отделения мотористов на торпедный катер. За короткий срок Ваня освоил стрельбу из пулемета, водолазное дело. Вскоре все это пригодилось.

После объявления войны Японии дивизион торпедных катеров, ставший для Неклюдова родным домом, сосредоточился у корейской границы. Через два дня корабли ее пересекли и вошли в самый северный порт

Юки. У причалов было затоплено несколько японских транспортов. Это до их прихода успели поработать торпедные катера 1-й бригады. Самураи не хотели мириться с потерей важного порта. В воздухе появились вражеские самолеты.

Корабли, чтобы не быть неподвижными мишенями для врага, стали маневрировать и отражать налет вражеской авиации. Неклюдов не спускал глаз с машинного телеграфа. Все приказы командования выполнял быстро и точно. А звонки телеграфа следовали один за другим. Быстрая и точная реакция молодого моториста на команды из боевой рубки помогала торпедному катеру увертываться от вражеских бомб, снарядов и пулеметных очередей.

Самолеты врага появлялись над катерами волна за волной до самого наступления ночи. «Как жаль, что я не пулеметчик, — сокрушался Ваня. — Я бы им дал «прикурить»...

Но сделать это не в мечтах, а на деле было не так-то просто. В этом юнга убедился во время следующей боевой операции, когда торпедные катера высаживали десант в порт Расин и на соседние мелкие острова, а он стоял за носовым крупнокалиберным пулеметом. Впервые очередь Ваня бил по замаскированным огневым точкам врага. Подавив их, тут же перенес огонь на стремящихся оторваться от наших воинов отступающих врагов.

— Это вам за своих союзничков — немцев! Это — за потопление мирных транспортов! Это — за провокации на границе! — сквозь крепко стиснутые зубы приговаривал Ваня, кося врагов пулеметными очередями.

Отличился Ваня и при взятии портов Сейсин и Гензан.

Боевые действия юнги против японских милитаристов отмечены медалями Ушакова, «За победу над Японией» и благодарностью Верховного Главнокомандующего.

Правофланговый

На исходе был 43-й год. На фронтах шли ожесточенные бои. Красная Армия наносила гитлеровцам чувствительные удары. Свой вклад в дело Победы стремились внести и североморцы.

На «морском охотнике», куда прибыл Саша Плюснин, прозванный в Школе юнг правофланговым и Сашей с Уралмаша, состав моряков был боевой, давно обстрелянный.

Встретили юнгу старослужащие доброжелательно.

— Побольше бы нам таких специалистов, — сказал однажды командир. — Хорошо бы каждому не только в совершенстве знать свою специальность, но и две-три смежные, чтобы в любое время быть готовым заменить выбывших из строя.

— Это можно, — скромно согласился Плюснин. — Дело электрика я знаю неплохо. Могу работать мотористом, сигнальщиком, справиться с обязанностями боцмана. Буду рад изучить устройство мин, научиться их установке, разминированию. В свою очередь могу любого обучить специальности электрика.

Слов на ветер Саша не бросал. В рундучке юнги лежала бережно хранимая, привезенная еще из Школы юнг общая тетрадь с конспектами по электротехнике. Сейчас этот изрядно потрепанный «труд» вместе с его боевыми и трудовыми наградами хранится в музее юнг на Соловецких островах. А в те годы тетрадь стала для многих катерников своеобразным учебником, по которому юнга в свободное от боев время обучал специальности электрика не только матросов своего корабля, но и соседних «морских охотников». Учил других, учился и сам. Ну, и, конечно, воевал. Воевал без всяких скидок на молодость, наравне с опытными моряками.

«Морской охотник» большую часть времени находилась в боевых походах. Участвовал в высадке десантов,

конвоировании судов, охоте за подводными лодками противника.

В конце лета командование отдало приказ переоборудовать звено «морских охотников» для установки мин. Всю осень и зиму моряки в тылу врага минируют входы в порты и подходы к причалам — места возможного базирования и прохода кораблей противника.

МО-116 дни и ночи болтался в водах Финляндии, в районе Киркинеса, где базировались корабли врага. Задания приходилось выполнять в любую погоду: в шторм, дождь, снегопад. Вот где пригодилась юнге закалка, полученная на Соловках, где при 30-градусном морозе он, как и другие юнгаши, умывался ледяной водой из озер или снегом, спал раздетым, совершал многокилометровые походы в ночное время по пересеченной местности.

Нередко немцы обнаруживали ставящий мины корабль. Завязывалась ожесточенная схватка. Саша по боевому расписанию был подающим снаряды к носовому орудию. Делал свое дело без суеты, быстро и четко. Силы и сноровки для такой работы ему было не занимать.

Весной 1944 года Саша Плюснин и его дружок юнга-боцман из Кунгурского района Миша Мельников были произведены в краснофлотцы, а с июня они уже успешно воевали на Черном море. Участвовали в конвоировании судов и высадке десанта в порт Констанцу. Здесь Саша заслужил ряд благодарностей Верховного Главнокомандующего. На Черном же море узнал о том, что приказом командира охраны водного района главной базы Северного флота от 2 января 1944 года награжден медалью «За боевые заслуги».

А вот строчки из справки Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР:

«Плюснин Александр Константинович в ноябре 1943 года при выполнении боевого задания по постановке минных заграждений на подходах к базам противника в трудных метеорологических условиях при крене,

доходившем до 40 градусов, в течение 13 часов непрерывно стоял на вахте, обеспечивал нормальную работу агрегатов, чем содействовал успешному выполнению боевого приказа».

Проверка делом

— Знаешь ли ты, Рудженец, каким должен быть моряк? — в первый день пребывания на тральщике «Метель» Тихоокеанского флота спросил юнгу главстаршина, и все увидели, как нахмурились его лохматые брови и припухлые от недосыпания веки прикрыли серые улыбочивые глаза.

Юнга Рудженец, крепко сложенный, небольшого роста парень, стоял перед ним навтыжку.

— Нет, не знаешь! Моряк должен быть не только отличным специалистом, но и волевым, выносливым спортсменом. Сила, ловкость, умение постоять за себя, товарищей и правду — вот обязательные черты моряка. Без них первый же японец тебя убьет.

Главстаршина протянул юнге нож.

— Знаешь, что это такое? — и не дожидаясь ответа, добавил: — Такими штучками самураи вспарывают себе животы. А если зазеваешься, охотно распотрошат и твой. Понял?

Юнга мотнул головой.

— Представь себе, что я — японский часовой. Надо меня снять. Действуй!

Володя Рудженец долго рассматривал оказавшийся в его руке нож. Потом вопросительно взглянул на старшину.

Тот стоял, широко расставив ноги, чуть покачиваясь, и мурлыкал сочиненную одним из матросов тральщика песенку:

На что мне, скажите, красоты чужбины?
Отчизна мне видится издалека.

Рябинушка русская, наша рябина,
Ах, горькая ягода, как ты сладка...

— Приказываю бесшумно снять часового... Вперед! — командовал командир.

Моряки тральщика уже давно стояли рядом в ожидании спектакля. Все они в свое время прошли школу главстаршины и заранее знали, что сейчас произойдет.

Рудженец снял шинель. Отбросил ее в сторону. Туда же полетела бескозырка. Расслабил ремень.

Неожиданно во всей его фигуре появилось что-то настороженное, цепкое. Нож из левой руки перебросил в правую. Потом снова в левую...

Матросы притихли. Оказывается, этот юнга не такой уж слабак и салага. Лишь главстаршина был спокоен, рассматривал на юнга с явным интересом.

Володя тем временем отвел руку с ножом за спину и стал медленно приближаться к старшине. Потом неожиданно остановился:

— А может, лучше без ножа? — и, не дожидаясь ответа, отбросил его и снова пошел в атаку. Долго кружил вокруг главстаршины. Выждал момент, когда тот сделал небольшой выпад левой рукой. Мгновенно поймал ее мертвой хваткой, провел прием. Старшина рухнул лицом вниз.

Матросы замерли.

Старшина, морщась от боли, встал.

— Зачем же так? Я ведь заметил, что вы выбросили вперед левую руку для того, чтобы поддаться, — обиделся юнга.

— Не сердись. Я хотел показать на твою ошибку, не думал, что ты этим воспользуешься. А теперь вижу, что молодец. Настоящий моряк. Где же ты этому научился?

— В Школе юнг! — не без гордости ответил Володя.

...Встретиться в рукопашном бою с японцами Володе не довелось, а вот с их минами познакомился довольно

близко. Тральщик, на котором служил кунгуряк, бороздил воды Японского моря в любую погоду.

Траление — работа не только трудоемкая, но и опасная. Не был исключением и этот выход в море.

Снялись по тревоге в четыре утра. Примерно через час на головном катере, где находился командир дивизиона, поднялся на рее флажный сигнал, требующий начать траление.

По легкой волне шли час, второй. Взрывались в тралах мины. Волна крепчала, начинало штормить.

Неожиданно «Метель» потеряла ход. Моторы работали, винты крутились, а катер стоял... Звякнул машинный телеграф, сильнее застучали двигатели, но тральщик почти не сдвинулся с места.

— Чертовы цепи! — со злостью в голосе крикнул главный старшина.

Такое уже случалось. Иногда японцы вместо минрепов из стального троса ставили цепные. Делалось это для того, чтобы резаки, которые стоят на тралящей части, не смогли перерезать минреп.

Рудженец вглядывался в волны. «Вот она!»

И тут же донесся зычный голос главстаршины:

— В трале мина!

Ветер усиливался. Тральщик тянуло в сторону мины. Матросы нажимали на рукоятки лебедки изо всех сил, но положение не улучшалось. Даже наоборот... Тогда главстаршина приказал наложить стопор и спускать шлюпку. Первым в нее прыгнул Рудженец. За ним еще трое.

К мине подошли с подветренной стороны. Рудженец — рулевой. Он на шлюпке старший, делает это мастерски. Удерживает шлюпку на месте, почти у самой мины.

— Пошел! — это команда минеру.

Всплеск воды, и тот уже в воде. Борясь с волной,

осторожно навешивает на рог подрывной патрон, закрепляет его и возвращается в шлюпку.

Рудженец поджигает бикфордов шнур. В ту же минуту шлюпка устремляется назад, в так называемое мертвое пространство.

Через несколько минут, когда шлюпка была от мины уже на приличном расстоянии, поверхность моря вспучивается. Из центра водяного холма ввысь копьём вырывается огненный клин. Он поднимает в воздух не только воду, но и всю находящуюся в ней живность. На какое-то мгновение, задержавшись на высоте, все это медленно оседает в море. Над бегущими без усталости волнами разносится раскатистое «Ура-а!» Это моряки соседних кораблей радуются очередной победе своих товарищей.

У штурвала тральщика

Дивизион базовых тральщиков получил ответственное боевое задание по переброске войск и техники из Ленинграда и Лисьего Носа в район Ораниенбаума. Поднялись, когда на палубе и в двух шагах ничего не было видно. Однако ждать рассвета нельзя. Осенью он наступит поздно. Десантников с вооружением и боеприпасами приняли на борт в абсолютной тишине.

Поход проходил в трудных условиях. Уроженцу Юры Вите Сакулину, как, впрочем, и другим морякам и десантникам, находившимся на палубе, было очень холодно. Брызги разбивавшихся о борт корабля волн, попав на шинели, моментально превращались в тускло светящиеся бисеринки льда.

Видимо, заподозрив неладное, фашисты район прохода кораблей подвергли ожесточенному огню. К счастью, погода была нелетной, поэтому самолеты врага не появлялись. А то, бывало, сверху на проходящие корабли сыплются бомбы, а с берега в их сторону летят артиллерийские снаряды. Тут уж, рулевой, будь начеку, не

зевай! Хорошо, что искусству вождения кораблей Витя в Школе юнг выучился основательно. Командир роты рулевых старший лейтенант Кравченко придавал этому особое значение. Теперь полученные знания пригодились. Без малейших отклонений ведет Витя корабль по заданному курсу.

Десант высадили в заданном районе в точно установленное время.

Не менее ответственной была проводка под тралом подводных лодок на позиции в открытом море. ВТЩ-217 и гвардейский тральщик Т-205, на которых служил Витя, принимали активное участие в ликвидации блокады города Ленинграда. После поддерживали со стороны моря наступление сухопутных войск. В каждой такой операции обеспечение хода корабля во многом зависело от юнги-рулевого Вити Сакулина. После войны, до самой демобилизации в 1950 году, Сакулин, став старшим специалистом отделения рулевых, занимается проводкой под тралом за пределы Балтийского моря торговых кораблей.

За боевые действия на Краснознаменной Балтике Витя Сакулин награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».

Юнга с эсминца «Рекордный»

По боевому расписанию Ваня Семенов был командиром кормовой аварийной партии, в обязанности которой входила борьба с возможными пожарами и ликвидация полученных кораблем пробоин. В случае необходимости по приказу командира партия могла корабль даже взорвать или затопить.

Во время боя за Сейсин Ваня находился на посту энергетика, откуда велось управление всей электромеханической частью эсминца. Схватка наших кораблей с вражеской эскадрой разгорелась жестокая. Разрывом снаряда на эскадренном миноносце начисто снесло прожекторную

площадку. Отключилось электропитание. Семенов с боевыми товарищами налаживает временку. Вся техника корабля стала снабжаться энергией с одного борта. Эскадренный миноносец вел огонь по кораблям противника, так и не успевшим отойти от причала, из всех видов оружия — главного калибра, торпедных аппаратов и даже зениток. То же делали и корабли японцев. Эсминец то и дело содрогался от рвавшихся на палубе снарядов. Один из них попал в правый борт. Вышло из строя второе турбинное отделение. Перестал работать винт корабля. Эсминец потерял маневренность, но бой продолжал. Вражеский снаряд повреждает два шпангоута правого борта. Обнаруживаются значительных размеров рваная пробоина. Юнга и его товарищи устанавливают распорки, заделывают пробоины.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, пермский доброволец был сфотографирован у развернутого флага корабля.

Позже Ваня Семенов получил орден Отечественной войны II степени и медаль «За победу над Японией».

Под гвардейским флагом

Еще в Школе юнг Володя Седунов очень хотел попасть служить на эскадренный миноносец.

На Черноморском флоте, куда юнгу откомандировали после учебы, его мечта сбылась. Володю направили на гвардейский эсминец «Сообразительный». К тому времени корабль и его команда имели уже большую боевую славу.

Володя назначением был очень доволен. Не испортило настроение даже то, что на первых порах его назначили не боцманом, а лишь включили в состав боцманской команды, в качестве рядового члена. Хотя и тяжело было, но юный моряк легких дел не просил. Все приказы и распоряжения командиров и специалистов выполнял с

чувством большой ответственности за порученное дело. Потом Володю перевели в БЧ-4 сигнальщиком. И здесь он не подкачал.

Гвардейский эсминец «Сообразительный» участвовал в боевых походах к берегам Болгарии и Румынии, нес патрульную службу, поддерживал наступательные операции сухопутных войск. За годы войны совершил 218 боевых выходов, прошел свыше 63 тысяч морских миль, провел без потерь 33 конвоя с 55 транспортом. При поддержке войск приморских фронтов выпустил по врагу 2700 снарядов. Участвовал в 4 десантных операциях. Провел 9 набеговых операций. Отразил 250 атак самолетов противника, 7 из них сбил. Потопил подводную лодку.

Личное участие в этих операциях юнга Володи Седунова отмечено орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги».

В послевоенное время Володя получил офицерское звание, служил в должностях штурмана, помощника и командира корабля на судах гидрографии, спасательного назначения. В последние годы службы был командиром противолодочного корабля. В мирное время к наградам, полученным в годы войны, прибавились медали «За безупречную службу» I и II степени.

Герой Польши

...Утром море было спокойно. Отражаясь в зеркальной глади воды, светило солнце. А после полудня небо внезапно потемнело, загуляли по заливу двухметровые высоты волны.

Шторм бушевал всю ночь. К рассвету прояснилось. И опять тральщики вышли на свою нелегкую работу.

Володя Трапезников к ней уже привык.

Глядя на юнгу, моряки шутят: «Мал золотник, да дорог». И в самом деле было удивительно, откуда в пар-

нишке только силы брались: рост чуть больше полутора метров, тонок, словно тростинка, а за любое дело на корабле берется.

В Школе юнг Володя хорошо научился ходить на шлюпке, изучил электрическое оборудование кораблей, флажный семафор, умело вязал морские узлы, маты, а вот иметь дело с немецкими минами не довелось. Научили его этому моряки корабля.

Катера в море с утра до вечера. Траление приостанавливалось только в штормовую погоду и ночью. Володя вместе со всеми ставит и убирает трал, устраняет его механические и электрические повреждения.

Недавно флот получил правительственное задание: полностью очистить от мин территориальные воды Польши.

Моряки выполняют приказ так же добросовестно, словно тралят свои собственные воды. Вот уже который день с раннего утра до позднего вечера «строем уступа» по 5—6 катеров буксируют тралы с электромагнитными сердечниками и, ход за ходом, многократно воспроизводят магнитное поле для подрыва затаившихся на дне многоимпульсных магнитных и акустических мин. Об опасности стараются не думать.

Каждый день по несколько раз раздается звонкое «дзинь-дзинь!» — удар в металлический корпус катера силой подводного звука, и... все с тревогой ищут место будущего взрыва. Где на сей раз вспучится морская вода, взметнется вверх черный столб воды, ила и дыма? Если в трале — победное ликование по поводу еще одной уничтоженной мины, и глубокая скорбь и приспущенные флаги, когда смерть обрывает существование корабля и жизни людей. Такое тоже бывает...

Вот и сегодня, когда рабочий день пахарей моря подходит к концу, при повороте на последний галс, во время прохода мимо выключенных тралов, имеющих большой остаточный магнетизм, катер, на котором служит Воло-

дя, смерчем взрыва вздыбилось так, что все полетели со своих боевых постов. К счастью, обошлось без жертв.

Как-то юнгу-пермяка вызвал к себе командир и говорит:

— На тралении польских вод работаешь хорошо. Претензий не имею. Но этого мало. Наши друзья-поляки приступили к созданию своего флота. Корабли у них есть, а специалистов не хватает. Нужна наша помощь. Тебе поручается подготовка группы электриков. Будешь заниматься с ними в свободное от боевого траления время, вечерами. Часто придется находиться вне расположения корабля, среди польских моряков и местного населения. Будь бдителен.

— Есть! — коротко ответил Трапезников.

С этого дня у юнги появились новые заботы, новые друзья из моряков Польской Народной Республики. Почти ежедневно до самого отбоя проводит время на польских катерах, базировавшихся в этом же порту. Знакомит их с основами электротехники, корабельным электрическим оборудованием, учит пользоваться приборами, устранять возможные неисправности. Не раз вместе с польскими друзьями выходил в море, бывал в городе, их семьях. Русского моряка встречали радушно. Да это и неудивительно. Польские рабочие видели в нем представителя страны, помогшей обрести свободу и независимость их родине.

В первый послевоенный год недобитые выкормыши гитлеровцев убили на местном судозаводе двух польских активистов, готовили целую серию провокаций против местных властей и советских моряков. Володе Трапезникову с помощью моряков удается предотвратить одну из готовившихся на заводе диверсий.

За бдительность и оказываемую польским морякам помощь в овладении боевой техникой правительство Польской Народной Республики наградило Володю Трапезникова орденом.

Вахты у моторов

Сережа Филин служил на бронированном «морском охотнике» — БМО. Корабль охранял буксиры, которые тянули баржи с оружием и боеприпасами.

Нелегкие это были походы. Часто перед караваном шли тральщики. В их тралах время от времени рвались мины. Почти после каждого такого взрыва корабли молниеносно стопорили ход. Останавливались, когда тралы подрезали мины. В любом случае у моториста должна быть немедленная реакция, потому что промедли минуту, корабль заденет мину — и... пойдет ко дну.

Юнга Филин стоял на походной вахте у дизелей с исключительной серьезностью. Сережа не просто хорошо знал моторы, он жил ими, разговаривал с ними, как с живыми существами, умел их выслушивать, как врач больного. То и дело бегал по машинному отделению с масленкой, подливал масло под клапаны и в распределительные устройства. Протирал ветошью стальные детали, до блеска драил медяшки. Постоянно внимательно прислушивался к звонкам машинного телеграфа — командам, шедшим сверху, из рубки, с мостика.

Моряки знали, если вахту в машинном отделении несет Филин, значит, за моторы можно не беспокоиться. Такой в трудную минуту не растеряется, из любого положения выход найдет. Так оно и было. Однажды во время тяжелого боя с превосходящими силами противника корабль получил ряд пробоин, загорелся мотор. Зная, что положение на корабле тяжелое, все заняты своим делом, юнга, докладывая командиру о пожаре, тут же добавил:

— Пожар ликвидирую своими силами.

Решение пришло мгновенно. Юнга сбрасывает с себя робу и начинает сбивать ею огонь. В то же время продолжает точно и быстро выполнять приказы командира корабля, обеспечивая его маневренность. Рабочую фор-

му сгубил, сам обжегся, но пожар ликвидировал, ход и маневренность корабля обеспечил.

Безупречная служба юнги неоднократно отмечалась поощрениями. Одним из них был отпуск на родину, во время которого Сережа съездил в воспитавший его родной Очерский детский дом.

За успешную ликвидацию пожара в машинном отделении во время боя и обеспечение при этом бесперебойной работы моторов командование наградило Сережу Филина медалью Ушакова.

Лучший радист Северного флота

Кунгуряк Гера Фукалов — один из лучших выпускников роты радистов — по собственному желанию был направлен на Северный флот. Проходя службу на линкоре «Архангельск», принимал участие в операциях по окончательному разгрому немецко-фашистских войск в Заполярье, обеспечивал взаимодействие кораблей флота и армейских подразделений.

Однажды во время боя осколками вражеского снаряда была перебита антенна. Связь с кораблями, ведущими бой, оборвалась. Фукалов вызвался устранить неисправность под огнем противника.

— Я маленький, фрицам в меня не попасть, — пошутил юнга, отправляясь на верхнюю палубу, где грохотал бой.

Рядом с бортом корабля беспрерывно рвались снаряды, свистели осколки и пули, а мальчишка работал и работал. Трудился до тех пор, пока антенна и связь не были восстановлены.

А вот эпизод из послевоенной биографии Фукалова. ...Год 1948-й. Герман Фукалов еще молод, продолжает охрану морских рубежей. На Северном флоте проходят соревнования радистов по приему на слух и передаче на ключе. Сначала пробовали свое мастерство и умение

в радиоделе специалисты кораблей эскадры. Воспитанник Соловецкой Школы юнг Гера Фукалов в упорной борьбе с соперниками занял второе место. Чемпионом эскадры стал радист другого корабля, за первое место получивший внеочередной краткосрочный отпуск на родину.

Стоило ему уехать, как были назначены соревнования лучших радистов всего флота. Собрались асы эфира. Раз чемпион отсутствовал, то, естественно, представителем от эскадры на ответственные соревнования послали вице-чемпиона.

Гера волновался: сумеет ли отстоять честь эскадры. Ведь на эти соревнования съехались лучшие радисты флота.

Поборов волнение, Герман взялся за дело. В общем-то оно было обычным, ведь неся вахты, радист ведет прием радиogramм и передачу на ключе ежедневно. Но на соревнованиях нужно все делать значительно быстрее. Чтобы победить, надо выдать скорость, точность и аккуратность.

И вот радиogramмы приняты, незнакомые тексты переданы. Жюри приступило к подведению итогов. Кроме скорости, строгая комиссия учитывала четкость «почерка» радиста, аккуратность записи радиogramм и все другое, на первый взгляд, вроде бы незначительные, а на деле необходимые показатели качества работы радистов. Герман Фукалов был немало удивлен, когда председатель комиссии чемпионом Северного флота назвал его.

Фарватеры Юрия Ямова

Перед 1-й бригадой траления Краснознаменного Балтийского флота, в которую был направлен кунгуряк Юрий Ямов, стояла задача очистить от мин Финский залив. Трaлили ежедневно. В иные дни 4-й и 14-й дивизионы тральщиков, в которых поочередно служил юный мо-

ряк, идя с тралами, не имели возможности вернуться на очередной галс. Опасность моряков подстерегала на каждом шагу. Всплывало столько мин, что ни о каком строе не могло быть и речи. Для успешной работы приходилось их расстреливать, хотя, бывало, и подрывали. Сохранность тральщика и безопасность его команды во многом зависели от мастерства рулевого — юнга Юрия Ямова. Впрочем, хорошими мастерами своего дела считались и другие флотские специалисты, особенно комендоры и пулеметчики. Они расстреливали мины почти всегда с первого или второго снаряда, с первой очереди из крупнокалиберного пулемета. И как же было радостно видеть мирные транспорты на чистой от мин воде, как бы в благодарность приветствовавшие моряков гудками.

...Шел обычный, ничем непримечательный день. Корабль Ямова в составе дивизиона вел парное траление плотиковым тралом. Юра, как обычно, находился рядом с командиром на ходовом мостике. Следил за горизонтом и командами с флагманского корабля. Совсем неожиданно почти возле самого борта он замечает мину, которая в любую минуту могла коснуться корпуса корабля. Юра без промедления доложил об увиденном командиру, который тут же застопорил машины. На все это ушло лишь несколько секунд. Мина была отбуксирована и расстреляна.

В другой раз тралить пришлось в штормовую погоду. Мина, которую подсек трал, всплыла за кормой корабля метрах в двадцати-двадцати пяти. По счастливой случайности тральщик на нее не напоролся. Командир приказал юнге передать на флагманский корабль сообщение об обнаружении мины. Несколько взмахов сигнальными флажками — и приказ командира выполнен. Ответ с флагмана последовал незамедлительно:

— Мину при помощи шлюпки отбуксировать на мелкое место и подорвать!

Команда из шести матросов заняла места в шлюпке и

приступила к выполнению приказа. Ямову в этой операции была отведена роль сигнальщика. С большим трудом Юра и другие моряки зацепили мину и приступили к ее буксировке. Хорошо, что буксирный трос был сравнительно длинный, а то бы беды не миновать. Дело в том, что метрах в двухстах до берега мина неожиданно взорвалась. Взрывной волной шлюпку едва не опрокинуло, множество осколков просвистело над головами матросов.

Почему взорвалась мина, моряки так и не поняли. Скорее всего, задела за какой-нибудь скрытый под водой рыбацкий шест или попала на выходящую почти на поверхность воды небольшую мель.

Случайный взрыв послужил для моряков уроком. Впредь для буксировки мин тросы стали брать длиннее, работы вести осторожнее.

За успехи в боевом тралении Юрий Ямов был сфотографирован у развернутого флага корабля.

ОСТАЮСЬ ТВОИМ ЮНГОЙ, МОРЕ...

Ныне юнги поседели,
Но это в жизни не беда.
Душой они не постарели.
Закалка флотская крепка.

В. Лотошников

Вот и подошел к концу рассказ о пермских юнгах.

Перед читателем предстали судьбы мальчишек военного времени. Тех, кто в суровое для Родины время по зову сердец ушел в ряды военных моряков на защиту своего Отечества, народа, в пекло самой жестокой войны всех времен.

Что же с ними стало дальше? Как сложились их жизненные судьбы?

Покидая Школу юнг, мальчишки поклялись и в бою, и в труде быть впереди, никогда не забывать воспитавший их флот, море.

Более четырех десятилетий прошло с той далекой поры. Все дальше и дальше уходят в прошлое годы войны. Ныне этим мальчишкам около шестидесяти. Они уже отцы и деды. Но клятвы своей не забывают.

Хотелось бы рассказать о них как неутомимых тружениках подробнее, но это уже тема другой книги.

Вернемся мысленно в пятидесятые годы. На заводах имени Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, С. Орджоникидзе, электротехническом, нефтеперегонном, судозаводе «Камма», в Камском речном пароходстве, Пермском локомотивном депо, многих колхозах и совхозах области появились флотские демобилизованные ребята. Поношенные шинели, обветренные лица и огрубевшие руки, награды на груди говорили о том, что, несмотря на молодость, они успели немало испытать. Из-под бушлатов и фланелевок у каждого выглядывал уголок полосатой тельняшки — «морской души». Как когда-то в годы войны, ребята уверенно вступали в жизнь. Только на этот раз не боевую, а мирную,

гражданскую. Уверенно, но не просто. Война лишила их детства, возможности учиться, получить специальность. Теперь им все приходилось начинать, как говорится, с нуля. Недавние опытные военные моряки в качестве учеников становились к слесарным верстакам, токарным станкам, шли на колхозные поля и фермы. А вечерами в школах рабочей и сельской молодежи пополняли общеобразовательные знания. Окончив десятилетку, поступали в техникумы, институты.

Ваня Семенов, например, после восьми лет службы на флоте вернулся в родной Краснокамск, устроился на ТЭЦ-5 электрослесарем. Окончив Свердловский энергетический техникум, получил направление на ТЭЦ-9 города Перми, где прошел трудовой путь от мастера до заместителя начальника цеха тепловой автоматики и измерений.

Аркадий Михалев, возвратившись в Пермь, снова пришел на судостроительный завод «Кама». Трудился на разных станках, одновременно учился в школе рабочей молодежи. Окончил Пермский сельскохозяйственный и Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал начальником технического отдела, заместителем главного инженера судостроительного завода, директором Пермского филиала Центра научной организации труда и управления производством Госкомсельхозтехники, начальником сектора одного из пермских НИИ.

Юрий Борисов заочно окончил Северо-Западный политехнический институт и вот уже четверть века работает на Пермском электротехническом заводе. Был начальником центральной заводской лаборатории, метрологом, заместителем главного инженера. Сейчас возглавляет специальное конструкторское бюро.

Володя Лотошников — наш юнгашеский самодеятельный поэт — работает старшим инженером-метрологом машиностроительного конструкторского бюро. Редактор стенной газеты «Омега», член редколлегии многотиражной газеты «Прогресс».

Володя Рудженец долгие годы работал в гидрографической экспедиции, принял активное участие в составлении карт восточных морей Тихого океана. После возвращения в Кунгур возглавлял Государственную автоинспекцию. За безупречную службу в органах внутренних дел был награжден 4 медалями и знаком «Отличник советской милиции».

Гена Коновалов стал заслуженным энергетиком, работал на целине, в КНДР, Болгарии, Чехословакии, Румынии, ГДР, на Кубе. Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалью «За освоение целинных земель» и рядом других наград.

Более 30 лет на пермском трижды орденоносном моторостроительном заводе имени Я. М. Свердлова трудится бывший юнга Борис Буров. Работал термистом, начальником смены, начальником лаборатории. Сейчас он — начальник центральной лаборатории технического контроля.

Страстно любивший путешествия Вася Бурков после службы на флоте много лет работал рулевым на пароходе «Челябинск» в Нижне-Амурском речном пароходстве, геологоразведчиком на Среднем и Южном Урале, в сейсморазведочной экспедиции в Якутии. С поисковыми партиями и отрядами прошел почти весь бассейн Лены и уссурийскую тайгу.

Юра Зайцев до самого выхода на заслуженный отдых возглавлял группу одного из проектных институтов в городе Куйбышеве.

Игорь Еловиков — кандидат технических наук. Возглавляемая Игорем Вячеславовичем лаборатория выполняет исследования по изысканию эффективной технологии добычи полезных ископаемых, работает над проблемой комплексного и безотходного использования минерального сырья в народном хозяйстве Казахстана.

Игорь Вячеславович имеет около 100 опубликованных научных трудов — монографий, статей. Несмотря на большую занятость, ведет работу по патриотическому воспитанию

нию молодежи, он — организатор на одном из рудников Казахстана клуба юных моряков.

До сих пор не может расстаться с морем бывший тихоокеанец Ваня Неклюдов. Долгие годы он работал старшим водолазом. После выхода на заслуженный отдых в той же должности трудится на центральной спасательной станции города Перми.

Вася Исаков — заслуженный рационализатор РСФСР. Костя Чазов — изобретатель. Валентин Рожков — известный в стране шахтер, Женя Сергеев — дважды орденоносный рыбак. Бывший старшина смены Григорий Николаевич Сивковский — работник Суксунского райкома КПСС.

Токарь производственного объединения «Пермнефтеоргсинтез» Иولی Горячев, железнодорожник Александр Ходырев, начальник цеха завода имени М. И. Калинина Николай Стрелков награждены орденами Трудового Красного Знамени. Владимир Зуев, Игорь Бурдин, Евгений Катаев, Михаил Маковкин, Анатолий Казаков, Владимир Лыков, Юрий Ямов, Владимир Колпаков, Василий Бурков, Владимир Виноходов, Михаил Лагунов, Рева Воротов, Виталий Дружинин, Анатолий Казаков, Аркадий Косяков, Вольфрам Литвин, Владимир Морозов, Валерий Матвеевский, Ефим Звоницкий, Владлен Ощепков, Борис Пономарев, Виктор Сакулин, Гелий Ткаченко, Константин Чазов, Петр Чемоданов, Василий Швалев, Василий Леонтьев, Валентин Филимонов, Григорий Колчин, Вячеслав Земцов и многие другие юнги Прикамья за добросовестный многолетний труд награждены медалями, знаками ударников пятилеток и победителей социалистического соревнования. Хорошими производственниками на своих предприятиях при жизни были бывшие юнги Александр Плюсин, Геннадий Мерзляков, Герман Фукалов, Михаил Кагокин, Владимир Трапезников, Сергей Филин, Валерий Меркушев, Дмитрий Перевозчиков, Валентин Потапов.

По разным концам страны разбросала судьба наших боевых друзей. Но везде они уважаемые в своих коллекти-

вах люди. Виктор Бабасов, Михаил Балуев, Сергей Савин и Лев Павловский стали Героями Социалистического Труда. Николай Махотин, Равиль Гильфанов, Марс Валидов, Роберт Старостин — лауреаты Государственных премий. Феликс Аржанов — лауреат Ленинской премии и премии академика Губкина, кандидат технических наук, работая на нефтяных промыслах, заслужил ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Юрий Соколов и уже упомянутый Николай Махотин — профессора. Давид Кутдасов — заслуженный деятель искусств республики. Геннадий Клюкин — «Лучший начальник отделения связи Министерства СССР».

Хорошо известны в стране имена воспитанников Школы юнг народного артиста СССР Бориса Штоколова, артиста кино Виктора Леонова, писателей Валентина Пикуля, Виталия Гузанова, художников Дмитрия Арсенина и Юрия Мошкина.

Юнгками начинали свою службу адмиралы Герой Советского Союза Вадим Коробов, Василий Копытов, Борис Смирнов.

Юнга-пермяк Володя Седунов после 25 лет службы на флоте стал капитаном дальнего плавания. Исколесил половину морей и океанов земного шара. Не бросает любимейшего дела и сейчас. Ныне бывший юнга — командир танкера.

Пермяк Михаил Колмаков прошел путь до капитана 1-го ранга, пермяк Иван Старков, соликамец Виктор Белкин и оханцы Федор Марукин и Сергей Скобелев — до капитанов 2-го ранга. В таком же звании продолжает службу на дважды Краснознаменной Балтике воспитанник нытвенской комсомолки бывший юнга Владимир Вахрушев.

Немного о себе. После демобилизации работал инструктором отдела пропаганды и агитации Коми-Пермяцкого окружкома комсомола, первым секретарем Кудымкарского райкома ВЛКСМ, директором Калининского (бывшего

Юго-Осокинского) Дома культуры и в службе быта. В 49 лет по состоянию здоровья вышел на пенсию.

Журналист, как мечталось после беседы на Соловках с поэтом Александром Жаровым, из меня не вышел. Но связи с газетами не терял всю жизнь. В годы войны и первые послевоенные писал в армейские и флотские газеты «Краснофлотец», «За честь Родины», «Дунаец», «Вымпел», «Защитник Родины», после демобилизации — в областные газеты «Звезда», «Молодая гвардия», областное радио, телевидение, журнал «Уральские нивы», газету Уральского военного округа «Красный боец», ряд других изданий и, конечно же, в кунгурскую «Искру», удостоившую меня звания лауреата премии революционера-правдиста Н. А. Гребнева.

Десять лет возглавлял учебный пункт по подготовке допризывников к службе в армии при колхозе имени Калинина Кунгурского района.

Как и другие бывшие юнги, часто встречался с молодежью городов и сел. Рассказывал ребятам о боевых подвигах военных моряков в годы Отечественной войны, учил их любить свое Отечество.

Юнги военной поры — частые гости школ, профессиональных училищ, пионерских лагерей. Чем чаще флотские добровольцы выступают со своими воспоминаниями, тем больше в совет ветеранов идет писем с просьбами побывать у молодежи в гостях, рассказать о боевых подвигах юнг на фронтах Отечественной войны, о том, как сложилась их жизнь в послевоенное время.

Рассказывая молодому поколению о боевых подвигах советских воинов времен Отечественной войны, мы учим юношей и девушек быть такими же патриотами своей Родины, какими были их отцы, деды и прадеды. Без прошлого не может быть будущего.

За активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи многие бывшие юнги награждены почетны-

ми знаками и почетными грамотами Советского комитета ветеранов войны.

Если вам когда-нибудь скажут, что юнги состарились, уже ни на что не способны, «вышли в тираж», — не верьте этому. Несмотря на возраст, раны и хвори, они — большая, дружная, работающая семья. Почти все переписываются, навещают друг друга, встречаются на ежегодных слетах фронтовых друзей. Им есть что вспомнить, есть о чем рассказать другим.

Когда нас спрашивают, где мы берем силы для столь активной работы с молодежью, мы, не кривя душой, отвечаем:

— На Соловках — островах нашего боевого детства. Соловки с их Школой юнг научили нас по-настоящему любить свою Отчизну, морскую службу, море, героическое прошлое своего народа. Не проходит и года, чтобы кто-нибудь из нас не побывал на далеких северных островах.

Каждый приезд сюда завершается традиционным выходом в море. Не изменили своей традиции мы и на этот раз.

...Утром пятого дня пребывания на Соловках ветераны сплели из молодого ельника огромный венок, украсили его цветами соловецкого иван-чая. Доставили его на военный корабль.

Личный состав тральщика получил почетное задание — доставить юнг-ветеранов в точку с координатами, где много лет назад погибли в борьбе с фашистскими пиратами молодые моряки — выпускники Школы юнг Военно-Морского Флота.

Корабль отходит от пирса и направляется в открытое море.

Погода теплая, солнечная. Легкий ветерок колышет ленточки матросских бескозырок. Бывшие юнги снова в море. Снова, как раньше, тревожно забились их сердца. С морем у них связаны первые годы службы на флоте. Оно было всяким: и спокойным, и штормовым. Море приносило

радость, но оно же и отнимало друзей. Вот и пришли ветераны сюда, чтобы отдать долг уважения, долг памяти боевым друзьям, не дожившим до наших дней.

Наконец прибыли в назначенный квадрат. Застопорили двигатели. Корабль лег в дрейф.

Личный состав и ветераны выстраиваются на палубе. Идет траурный митинг. С чувством глубокой скорби говорят бывшие юнги о тех, чьи короткие мальчишеские жизни, отданные Родине, помогли советскому народу завоевать в минувшей войне победу.

Звучит команда: «Приспустить флаг!»

Ветераны бережно берут венок, к которому прикреплены бескозырка с лентой «Школа юнг ВМФ» и медленно опускают его на беломорскую волну. Гремит троекратный артиллерийский салют. В небо взлетают ракеты.

Минута молчания.

Опять заработали двигатели. Тральщик совершает вокруг венка круг почета. Снова звучит орудийный салют. Мы помним вас, наши товарищи!

Корабль берет курс на Соловки.

Мне кажется, в жизни каждого человека есть моменты, когда хочется оглянуться назад, в прошлое. Встречи с Соловками, своим боевым детством, делают нас, бывших юнг, духовно чище, богаче и сильнее. Здесь мы набираемся сил для будущих добрых дел и свершений.

Годы летят... Все меньше и меньше остается участников войны. Редуют ряды даже тех, кто ушел на нее в пятнадцать-шестнадцать лет. Но не уходят из памяти народной имена героев. В Перми в день 40-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией появилась улица имени Юнг Прикамья. В Добрянке есть улица имени Соловецких юнг, в Кунгуре — Юнг флота, в Очере — Юнг ВМФ, в Добрянке — стела «Соловецким юнгам», в Очере — обелиск «Памяти юнг-очерцев».

Помнят пермских юнг и там, где они воевали. Владимир Евгеньев, живущий в Ленинграде, сообщает: «На берегах

Невы свято чтится имя пермского юнга Володи Дьякова. В школе № 15 на Васильевском острове создан музей ка-терников, в котором установлена мемориальная доска с именами погибших моряков, воевавших в годы войны на катерах. Есть на этой мраморной плите и имя в юном возрасте сложившего голову за Отечество юнга-пермяка Володи Дьякова».

В школе № 16 города Кунгура есть пионерский отряд имени Героя Советского Союза юнга Володи Моисеенко, а в школе № 66 города Перми — клуб юнг.

В Калининской школе-интернате Кунгурского района, в школе № 4 города Краснокамска, школе-интернате № 5 города Перми, в Юговской восьмилетней школе Кунгурского района и ряде других учебных заведений пионерские отряды носят имя юнга Саши Ковалева. В далеком Заполярье на вершине одной из гранитных сопok возвышается обелиск, на котором высечены слова: «Вечная слава героям-катерникам, павшим в боях за Советскую Родину в Отечественную войну 1941—1945 гг.» А рядом на мраморной доске портрет юного героя. Под ним надпись: «Юнга Саша Ковалев погиб в море при выполнении боевой задачи 9 мая 1944 года». В Баренцевом море есть квадрат, носящий имя Саши. В заполярном Североморске именем героя названа улица. В Москве, Ленинграде, Мурманске, Киеве, Свердловске, Горьком, Уфе, Саратове, Архангельске, Харькове — пионерские отряды, а в поселке Гранитном — дружина.

Не забыты и наши корабли. К 25-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков города Измаила на одной из площадей главной базы дунайцев на пьедестал славы поднят бронекатер № 134, в годы войны входивший в состав нашей Краснознаменной Керченско-Венской бригады речных кораблей. В 1974 году на территории пермского судостроительного завода «Кама» на такой же постамент установлен бронекатер.

Корабли и их боевые экипажи остаются в строю.

СОДЕРЖАНИЕ

В пятнадцать мальчишеских лет	17
Побег	17
Снова в Очере	33
Мечта сбывается	34
Даешь Северный!	45
Родина кораблестроения	50
Здравствуй, море!	79
Соловки	82
Путешествие в прошлое	87
Первые трудности	91
Я, сын трудового народа...	122
Мы, юнги флота...	133
Испытания продолжаются	134
Жизнь налаживается	147
В борьбе со стихией	185
Юнги — герои киноэкрана	192
Встреча с Александром Жаровым	196
На озере	198
Прощайте, Соловки!	199
Самое памятное	204
О, Волга, Волга...	206
Всем штормам назло	215
Боцман торпедного катера	217
На противокатерной батарее	219
Рулевой со «Шквала»	226
В конвое	227
Страх можно победить	228
На линии	230
Необычное увольнение	233
Случай на посту СНИС	237
Вверх по Дунаю	238
Преодолевая все преграды	240

На будапештском направлении	243
В ледовых условиях	244
Группкомсорт	246
В бою не растерялся	248
На корректировке огня	253
В боях за Братиславу	257
В распоряжении командующего флотилией	259
На подступах к столице Австрии	261
Спасение Венского моста	262
Последний десант	265
Подвиг Саши Ковалева	269
Заботы мирного времени	273
Клятва	275

Маленькие герои большой войны

Огонь на себя	286
Рискуя жизнью	289
Жизнь, отданная флоту	291
В северных конвоях	294
В составе десанта	296
Ночью по Уссури	298
На линкоре «Архангельск»	300
Фарватер чист!	301
В ночном бою	303
Истребитель мин	306
И бескозырка на волне...	309
На боевом посту	311
Впередсмотрящий	313
Грохотали взрывы над морем	315
Случай в походе	316
Будни флотские, военные	318
В трудных походах	319
Личный пленный	322
Юнге и шторм нипочем	324

Всю жизнь в разведке	325
Последний бой	329
Рядовой Неклюдов	330
Правофланговый	333
Проверка делом	335
У штурвала тральщика	338
Юнга с эсминца «Рекордный»	339
Под гвардейским флагом	340
Герой Польши	341
Вахты у моторов	344
Лучший радист Северного флота	345
Фарватеры Юрия Ямова	346
Остаюсь твоим юнгой, море... Послесловие	349

90 м

НОВАЯ СОСНОВКА

САВВАТИЕВО

Г. СЕКИРНАЯ

ИСАКОВО

ХУТОР. ГОРКА

**ЗАЯЦКИЕ
ОСТРОВА**